

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО ЗабГУ)

На правах рукописи

Орлова Евгения Александровна

**ДИАЛЕКТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО В
ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА**

ДИССЕРТАЦИЯ

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Субботина Надежда Дмитриевна

Чита – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА.....	17
1.1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА В РАЗЛИЧНЫХ НАУКАХ	17
1.2. ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО С ЕСТЕСТВЕННЫМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА.....	60
1.3. ПОНЯТИЕ МАТЕРИНСТВА С СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	68
ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА.....	93
2.1. ЕСТЕСТВЕННОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА.....	93
2.2. СОЦИАЛЬНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА.....	109
2.3. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из ключевых аспектов жизни женщины и социума в целом является материнство. На протяжении истории человечества оно считалось единственной и полностью одобряемой ролью женщины, обусловленной биологической предопределённостью. Ценность материнства также подкреплялась культурными семейно- и детоориентированными традициями, присущими обществу.

Многие современные женщины стремятся реализовать себя в учёбе и в карьере, при этом считая деторождение второстепенным, а зачастую и вовсе отказываясь от него. Появилось движение «Чайлдфри». Одной из причин снижения ценности деторождения являются гедонистические установки современного общества, где рождение ребёнка – существенная помеха удовлетворению собственных потребностей. Подобного рода установки сформировались под воздействием кризиса института семьи, возникшего в постиндустриальный период становления общества и имеющего место быть и сегодня: в условиях трансформации современного общества традиционные взгляды на человеческие ценности, семью, материнство подвергаются пересмотру. Кроме того, общество предъявляет к матерям и их функциям довольно серьёзные требования: современная мать должна быть успешным профессионалом, хорошей женой и матерью, вследствие чего женщина-мать может испытывать колоссальный стресс, стремясь соответствовать социально одобряемому идеалу. Подобная требовательность социума также снижает привлекательность материнства для женщин. Ещё одним важным фактором, оказывающим серьёзное влияние на желание и решение женщины стать матерью, выступает её материальная обеспеченность и наличие мер поддержки от государства, недостаточность которых является препятствием к принятию решения о деторождении.

Сегодня во всём мире наблюдается спад рождаемости, что является серьёзной проблемой, оказывающей влияние на многие сферы

функционирования общества, что делает проблему феномена материнства особенно актуальной. Современная трансформация социально-политических и экономических условий оказала своё влияние как на материально-производственные основы социума, так и на социальную, культурную, духовную области его жизни.

Для научного поиска причин снижения ценности материнства в современном обществе необходимо разобраться в самой структуре материнства: его содержании, предпосылках, сторонах, механизме становления, функциях, что позволит более глубоко исследовать не только указанные причины, но и сам феномен в целом, социальные проблемы, связанные с ним, такие, как девиантное материнство, отказ женщин от деторождения и прочие, чем и продиктована актуальность нашего исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема материнства вызывала интерес у учёных на всём протяжении истории науки. Для многих естественных, социогуманитарных и других сфер современной науки проблема материнства и сегодня не решена в полной мере. Имеется большое количество теорий, посвящённых разным сторонам материнства, но нет единого мнения и точного, однозначного его определения. Данный феномен изучают специалисты разных направлений. В медицине и естественных науках, прежде всего, биологии, морфологии, физиологии. Хорошо исследован феномен в психологии, социологии, а также в культурологии и антропологии, где были обнаружены особенности материнства в разных культурах и в разные эпохи.

Медицинские исследования, посвящённые зачатию, беременности, уходу за ребёнком, встречаются уже в трудах Гиппократ, Галена, Сорана Эфесского, Тротулы из Салерно, Л. Буржуа, У. Гарвея, Ч. Делусена Мейгса и других. Морально-этический взгляд на феномен материнства отражён в публикациях Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля и других. Вопрос о

контроле рождаемости поднимали в своих исследованиях Э. Блэкуэлл, М. Стоупс и другие.

Имеется ряд современных медицинских исследований, посвящённых вопросам репродуктивного здоровья женщин и здоровья детей. Медико-социальные вопросы раннего и позднего материнства, сложности женщин-матерей, относящихся к «группе риска», проблемы в области демографии рассматривают В. П. Гончарова, Г. Н. Захаров, А. Г. Смирнов, Э. А. Эдиева, М. С. Склад, Е. Н. Афанасова, К. Р. Гильманова и другие. Такие исследователи, как Р. Д. Эппл (Rima D. Apple), Х. Фарид (Huma Farid) и Р. Хейнс де Регт (Roberta Haynes de Regt) и другие, не только рассматривают в материнстве репродуктивную способность женщины, но и углубляются в его социальные аспекты. Роль отцов в становлении материнства анализируют А. Котари (A. Kothari), К. Таялан (K. Thayalan) и другие.

Достаточно широко материнство рассматривается в психологии. Психоаналитический подход отражён в исследованиях З. Фрейда, Дж. Боулби, М. Малера, В. Р. Д. Файрберна, Д. В. Винникотта, Д. Пайнза, Э. Эриксона и других. В бихевиористском подходе интерес представляет теория социального научения, рассмотренная в трудах Р. Сирса, Дж. Гервица и других. Материнство и материнский уход за ребёнком как условие для его полноценного развития отражены в трудах К. Тессора, Дж. Ричардсона, М. Раттера, Дж. и Дж. Робертсонов, А. Фрейд, Р. Шпица и других.

В отечественной психологии материнство изучается в рамках культурно-исторического подхода Р. В. Овчаровой, И. С. Коном и другими. С позиций природно-биологического подхода – в качестве генетически обусловленного инстинкта материнство рассматривают И. А. Аршавский, А. А. Ухтомский и другие. Материнство как одна из составляющих сферы личности женщины представлено в трудах Г. И. Брехмана, Н. П. Коваленко, Г. Г. Филипповой, И. В. Добрякова, М. Е. Ланцбург и других.

Через призму гендерного подхода материнство анализируют И. С. Кон, Ф. Ахмедшина, Н. Чодороу, М. Мид, Р. Столлер, Д. Риппон и другие, а также социогендерного подхода, автором которого является Г. Г. Силласте.

Социологи рассматривают материнство, оценивая возрастной критерий, семейное, материальное положение, общественный статус женщины-матери; изучают его в ракурсе социальных проблем, связанных с дисфункцией материнской сферы, а также исследуют материнство в качестве социального института. Указанные темы рассмотрены в исследованиях М. А. Беляевой, Т. И. Греченковой, Т. В. Бердниковой, Е. Л. Кругловой (Путинцевой), Е. С. Сироткиной, А. В. Стукаловой, А. И. Еремеевой, Т. Н. Каменевой, Т. Н. Никитиной, Л. Г. Сологуб, Н. Н. Зыковой, Н. В. Грек и других. Также можно выделить исследования, направленные на анализ проблемы репродуктивного выбора современной женщины, дискриминации по признаку пола, родительству в небинарных семьях и других подобных проблем, связанных с материнством, в современном обществе. Это работы А. Беккер (A. Becker), Э. Ли (E. Lee), Э. Хертог (E. Hertog) и М. Ивасава (M. Iwasawa), Э. А. Марсиа (E. A. Marcia), Р. Райан-Флуд (R. Ryan-Flood), К. Цайлер (K. Zeiler) и А. Мальмквист (A. Malmquist), Б. Хейман (B. Hayman) и Л. Уилкс (L. Wilkes), А. М. Ализаде (A. M. Alizade) и других.

Для нашей темы очень интересным и полезным являются исследования феномена материнства в историческом аспекте. Этим занимались историки (Э. Бадэнтэр, Ф. Арьес и другие) и представители культурной антропологии (Р. Бенедикт, М. Мид и другие). В России в контексте истории материнство рассматривается через призму изменения статуса женщин в обществе и социальной политики государства в его отношении. Данные исследования представлены работами Ю. А. Костенко, Г. Н. Григорьевой, Е. П. Белоножко, В. А. Мун, Е. Н. Афанасовой, Е. О. Скрябиной, А. В. Кучеренко, Л. В. Афанасьевой, Н. С. Сычёвой, Е. М. Марченко, Л. В. Касаевой, Е. А. Шамриной и других.

В социальной философии также довольно подробно рассматриваются различные аспекты феномена материнства: культурно-исторический, духовный, социокультурный. В исследованиях В. А. Рамих анализ проблемы материнства осуществляется на основе единства философского и социологического подходов при помощи системного анализа в культурно-историческом, социальном и личностном аспектах. Е. В. Шамарина раскрывает материнство посредством социально-паритетного, нравственно-духовного и феминистского подходов, выявляя основные концепции его понимания в современной западноевропейской и отечественной философской мысли. Л. А. Шараповой (Барковой) феномен материнства представлен в качестве духовной ценности современного российского общества. Здесь применялся и социально-философский анализ проблемы, и, в качестве дополнительной методологической основы, были задействованы синергетический и феноменологический методы исследования.

Л. В. Мантатова исследует традиционные семейные ценности в качестве основы устойчивого развития общества. А. В. Исаков в исследованиях родительства как ценности в современном обществе анализирует и раскрывает вопросы социально-философского анализа сущностных характеристик и функций родительства, аксиологический статус родительства в современных гуманитарных исследованиях (в рамках системного подхода: разведение понятий: семья, родительство, материнство). Тем не менее, несмотря на довольно подробный анализ различных сторон и смыслов материнства, новых социально-философских исследований, посвящённых данному феномену, очень мало. Недостаточно изучена роль естественной стороны материнства в его социальных проявлениях.

При осуществлении анализа феномена материнства, по нашему мнению, следует учитывать и современные знания о суггестии, получившие своё развитие в работах Ф. Александера, В. М. Бехтерева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Э. Кречмера, А. Леманна, Б. Ф. Поршнева, Г. Шиллера, Д. Я.

Райгородского, С. Г. Кара-Мурзы, И. Ю. Черепановой, Н. Д. Субботиной, А. Л. Романова, Ю. В. Гавриловой и других. Положения данной теории позволяют рассмотреть процесс становления материнства с учётом роли суггестии.

Итак, анализ исследований материнства с позиции медицинского, психологического, социологического, исторического и философского подходов даёт возможность сформулировать вывод о необходимости целостного и разностороннего изучения данного феномена и отдельных его составляющих. Единого подхода к изучению материнства нет и в социальной философии. Остаётся нерешённой проблема диалектики естественного и социального в материнстве: какие предпосылки влияют на выбор женщины в пользу материнства или отказа от него; какие условия отвечают за содержание данного понятия, как это понятие отражает реальность; отношение к матерям и материнству в обществе и так далее. В недостаточной степени рассмотрены противоречия данного феномена, возникающие как между его естественной и социальной стороной, так и внутри этих сторон: между различными естественными потребностями женщины и между порой противоположными требованиями к женщине со стороны общества.

Исходя из вышесказанного, остаются недостаточно нерешёнными проблемы, связанные с диалектикой естественного и социального в материнстве, что и обусловило выбор темы нашего исследования.

Объектом нашего исследования является феномен материнства.

Предмет исследования: естественное и социальное в феномене материнства.

Цель нашего исследования: исследовать соотношение естественной и социальной сторон феномена материнства.

Исходя из поставленной цели, мы определили следующие **задачи** исследования:

- 1) провести анализ концепций, теорий, посвящённых исследованию феномена материнства в различных отраслях знаний с целью выявления недостаточно изученных аспектов данной проблемы;
- 2) доказать актуальность применения теории взаимодействия социального с внутренним и внешним естественным Н. Д. Субботиной в качестве методологической основы исследования феномена материнства;
- 3) дать определение понятия «материнство» в контексте социальной философии;
- 4) определить естественные предпосылки и стороны феномена материнства;
- 5) выявить социальные предпосылки и стороны феномена материнства;
- 6) Раскрыть диалектические связи и противоречия естественного и социального в феномене материнства.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности.
Исследование соответствует Паспорту специальности 5.7.7. «Социальная и политическая философия» по следующим пунктам:

17. Процесс общественного воспроизводства, его типы и механизмы.
24. Социальные трансформации в современном мире.
49. Общество и природа. Их взаимодействие и взаимообусловленность.

Теоретическая основа исследования

Теоретической основой диссертации послужили исследования различных учёных, как отечественных, так и зарубежных, осуществляющих научный поиск решения проблем материнства в области социальной философии, социологии, антропологии, психологии, медицины и других естественных и социогуманитарных наук. К ним относятся культурологические теории В. А. Рамих, Е. В. Шамариной о сущности материнства как социокультурного феномена; теория Л. А. Барковой, о духовном измерении феномена материнства современного российского

социума, не затрагивающей при этом естественное в нём; социогендерная теория Г. Г. Силласте, концепция развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологический принцип соотношения социального с внешним естественным и внутренним естественным, разработанные Н. Д. Субботиной.

Методологическая основа исследования

В качестве основных подходов исследования выбраны диалектический и системный. Поскольку объект исследования является предметом разных наук, были использованы междисциплинарный, историко-сравнительный и комплексный подходы. Так как человек является биосоциальным существом, материнство рассматривается посредством интегрального подхода. Помимо прочего, применялись общенаучные методы, такие как анализ, обобщение, сравнение, позволившие изложить наиболее значимые аспекты исследуемой темы и сформулировать необходимые выводы.

Научная новизна и практическая значимость работы определяется характером поставленных целей и задач и заключается в следующем:

1. Осуществлена систематизация концепций, теорий в естественно-научных, медицинских и гуманитарных отраслях знаний о сущности материнства по критерию соотношения его естественной и социальной сторон, составлена их классификация, по показателям, позволяющим систематизировать научные взгляды на сущность материнства:

1) выделение и исследование в качестве основополагающей естественной стороны материнства;

2) предпочтение исследования социальной составляющей материнства;

3) признание наличия естественной и социальной сторон материнства, а также изучение связей и противоречий данных сторон.

2. Обоснована эвристическая возможность применения концепции развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и

методологического принципа взаимодействия социального с внешним естественным и внутренним естественным Н. Д. Субботиной, позволяющих выявить систему естественных и социальных предпосылок становления материнства, естественных и социальных сторон его функционирования, определить сущность данного феномена как одного из механизмов функционирования семьи и общества в целом.

3. Предложено социально-философское определение материнства как социального феномена, отражающее его социально-естественную сущность и диалектическую противоречивость, и как механизм функционирования семьи и общества в целом.

4. Разработана классификация внешних и внутренних естественных предпосылок и внутренней естественной стороны феномена материнства, показано их воздействие на социальную роль матери.

5. Создана классификация внешних и внутренних социальных предпосылок и внешних и внутренних социальных сторон феномена материнства, оказывающих влияние на его становление.

6. Выявлена роль естественных и социальных сторон в функционировании материнства как одного из механизмов самосохранения общества. Раскрыто диалектическое единство и противоречие естественных и социальных предпосылок и сторон феномена материнства, что даёт возможность более глубокого и детального рассмотрения причин связанных с ним проблем.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Диссертантом выделены и описаны три основных подхода к определению сущности материнства. Для физиологии и медицины сущность материнства – это рождение и вскармливание детей, для психологии – особенности психики матери, в норме выражающиеся в повышении эмпатии, необходимой для заботы о ребёнке, с точки зрения социально-философских и социально-гуманитарных наук – это особая роль матери в обществе,

выражающаяся в заботе о подрастающем поколении. В то же время диссертантом выделены и описаны три основных подхода к изучению феномена материнства, исходя из критерия соотношения его естественной и социальной сторон вне зависимости от специальности исследователя: 1) считается основной естественная сторона материнства; 2) отдаётся предпочтение социальной составляющей материнства; 3) не только признаётся наличие естественной и социальной сторон материнства, но и изучаются связи и противоречия данных сторон.

С социально-философской точки зрения наиболее продуктивным является третий подход, позволяющий исследовать феномен материнства в его целостности и противоречивости.

2. Теоретико-методологическим инструментом исследования является концепция развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологический принцип взаимодействия социального с внешним естественным и внутренним естественным, дающие возможность диалектического анализа процесса изменения соотношения естественных и социальных предпосылок становления феномена материнства и противоречивого единства его социальной и естественной сторон в современном обществе.

3. Материнство – органическое, психологическое и социальное состояние женщины-матери, где органическое и психологическое являются основой, а социальное – ведущей стороной, позволяющей матери входить в систему общественных отношений. Естественное в данном феномене – организм матери и физиологические процессы в нём (беременность, роды, вскармливание материнским молоком, гормональный фон во время беременности и материнский инстинкт), оказывающие значительное воздействие на социальную сторону данного феномена. К социальному относится сопровождение со стороны общества беременности, родов и периода вскармливания, дальнейшего ухода за ребёнком и его воспитания,

которое включает в себя заботу о женщине и одновременно требования к ней в зависимости от культурных представлений об идеальной матери. Материнство можно рассматривать как механизм сохранения, функционирования и развития семьи и общества в целом, где естественная сторона регулируется социальной, определяя количество детей и функции матери в зависимости от потребностей и возможностей общества.

4. Естественными предпосылками становления феномена материнства являются:

- внешняя естественная предпосылка материнства – это природная среда человеческого существования, не подвергшаяся социогенному воздействию, оказывающая огромное воздействие на процесс беременности, развитие плода и грудное вскармливание, формы материнской заботы и воспитания (микроэлементы в природе, воде и продуктах питания, излучение от месторождений химических элементов, климат, географическое положение);

- внутренние естественные предпосылки – это организм женщины, способный к зачатию, вынашиванию и вскармливанию ребёнка, генетическая программа продолжения рода, проявляющаяся в инстинктивной потребности иметь детей, генетическая программа материнского поведения.

5. Социальными предпосылками становления феномена материнства являются:

- внешние социальные предпосылки – это социальные процессы, имеющие объективный характер и включённые в материальную и духовную сферы общества (ценность материнства, взгляды общества на необходимое количество детей в семье, политические, экономические, культурные условия становления материнства);

- внутренние социальные предпосылки – интериоризованные социальные представления о роли матери в семье и обществе (сознание и самосознание, речь, мышление, принятые женщиной социальные и

культурные нормы, установки женщины на материнство, желание быть матерью, желаемое количество детей).

б. Возникновение социального феномена материнства на основе как естественных, так и социальных предпосылок приводит к формированию двух его сторон – естественной и социальной:

- внутренняя естественная сторона – это сам по себе процесс беременности, родов, вскармливания, это особый гормональный фон беременной женщины и женщины-матери, психические процессы в организме женщины, оказывающие влияние на её настроение и поведение;

- внешняя социальная сторона – это деятельность социальных органов и служб: правительственных, медицинских и других, определяющих социальную роль и статус матери, регулирующих общественное обеспечение материнства, а также общественные представления, которые являются одновременно и предпосылкой, и стороной материнства;

- внутренняя социальная сторона – это поведение женщины, выполняющей свои материнские обязанности добровольно или вынужденно, согласно принятым культурным нормам и собственным установкам.

Несмотря на то, что материнство является в целом социальным феноменом, в нём огромную роль играют естественные составляющие. Это происходит потому, что социальное диалектически снимает естественное не полностью, а лишь частично. Естественные и социальные стороны материнства находятся между собой в постоянном противоречии. Причём противоречия также возможны внутри естественной и внутри социальной сторон. Диалектика естественной и социальной сторон материнства заключается в том, что внешнее естественное (элементы природы и природные процессы) воздействует на внутреннее естественное (процессы беременности и здоровье матери и ребёнка), которое, в свою очередь, оказывает воздействие на внешнее социальное (социальные нормы и представления). Одновременно внешнее социальное в лице государства,

медицинской и социальных служб, а также общественного сознания влияет на все естественные процессы материнства. Внешнее социальное переходит во внутреннее социальное в процессе воспитания и общественного влияния с помощью суггестии, в результате чего формируются личные взгляды и убеждения о том, каким должно быть материнство. Противоречия между естественной и социальными сторонами развиваются и тогда, когда кардинально меняются функции матери. Она из внешней естественной предпосылки развития ребёнка становится элементом системы внешних социальных предпосылок. Она обучает ребёнка речи, транслирует ему общественные знания и нормы. При этом в процессе выполнения материнских функций естественные, социальные потребности женщины и требования общества к роли матери могут не соответствовать друг другу, находясь в противоречиях.

Теоретическая значимость исследования. Основные выводы и полученные результаты конкретизируют и углубляют представления о феномене материнства как одного из механизмов функционирования семьи и общества в целом. Результаты исследования вносят теоретический вклад в развитие современного социально-философского знания в области процесса общественного воспроизводства, его типов и механизмов, социальных трансформаций в современном мире, процессов взаимодействия и взаимообусловленности общества и природы.

Анализ воздействия, оказываемого на феномен материнства со стороны предпосылок естественного и социального характера, находящихся в сложной диалектической взаимосвязи, позволяет глубже исследовать его природу, объяснить процесс его становления и роль в обеспечении функционирования семьи и общества в целом. Выводы, представленные в исследовании, могут быть использованы в последующем при изучении проблемы феномена материнства и широкого спектра смежных вопросов (девиантное материнство, аборты, бездетность, отказ от материнства и др.) в

социальной философии, а также могут быть применены в качестве дополнительной методологии в естественных науках, психологии, социологии, педагогике, демографии.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы в практике работы с женщинами, планирующими беременность, относящимися к группе риска девиантного материнства, а также для проведения воспитательной работы по теме планирования семьи. Основные положения и идеи диссертационной работы могут применяться при разработке и чтении учебных курсов по социальной философии, психологии и педагогике.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения исследования апробировались в следующих научных мероприятиях: Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: XI Всероссийская с международным участием научная конференция (Чита, 2020); Глобальные социальные процессы 2.0: трансформация социальной реальности в условиях цифровизации и пандемии: вторая социологическая конференция молодых учёных (Санкт-Петербург, 2020); Психолого-педагогическое образование в ЗабГУ: традиции и современность: Всероссийская научно-практическая конференция (Чита, 2021); Научный вектор в АТР: международная научно-практическая конференция молодых учёных (Чита, 2022); Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: XIV Всероссийская с международным участием очно-заочная научно-практическая конференция (Чита, 2023).

Основные положения и результаты нашего исследования отражены в 9 публикациях, включая 3 в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов на соискание учёных степеней.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА

1.1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА В РАЗЛИЧНЫХ НАУКАХ

В современных исследованиях феномен материнства является популярным объектом научных дискуссий. Его исследование многогранно. У каждого представителя той или иной науки имеется собственное представление о содержании данного феномена, о чём свидетельствует множество различных подходов к изучению материнства даже в рамках отдельно взятого научного направления.

В основном материнство анализируется исследователями в двух качествах: как процесс, обусловленный физиологией женского организма, и как общественный институт. Такой разброс во взглядах учёных создаёт условия для большой вариабельности в определении данного феномена. Если мы попробуем обобщить взгляды различных наук, то увидим, что невозможно вывести общую доминанту в этом вопросе, можно лишь попробовать объединить их в несколько групп по смысловому значению. Исходя из этого, многогранность данного феномена невозможно рассмотреть в рамках одной науки и его исследование должно иметь междисциплинарный характер.

Исторически одними из самых первых наук, занимавшихся исследованием сущности материнства, по праву считаются естественные науки, в частности биология, а также медицина. В биологии мы выделяем такие интересующие нас в рамках исследования отрасли, как морфология, физиология, нейробиология, а в медицине – эндокринология, акушерство.

Именно с исследования взглядов представителей данных научных направлений мы и начнём изучение феномена материнства.

Исследуя материнство как репродуктивную способность женщины к воспроизведению потомства, сторонники естественно-научного подхода исходят из физиологических, психобиологических особенностей полов, из приоритета естественной предрасположенности мужчин и женщин к определённым образцам поведения. Так, рассматривая медицинские аспекты полового диморфизма, исследователи анализируют его генетический, эндокринный аспект, морфологические проявления, функциональные различия мужского и женского организма и так далее. К примеру, Д. Неттл (Daniel Nettle) в работе «Рост женщин, репродуктивный успех и эволюция полового диморфизма у современных людей» [283] описывает взаимосвязь репродуктивного успеха, роста и предпочтения выбора репродуктивного партнёра у мужчин и женщин, акцентируя внимание на последних. Ссылаясь на исследование о большей репродуктивной привлекательности для женщин высоких мужчин [284], ученый подчёркивает, что подобных исследований в отношении мужских предпочтений ранее не осуществлялось. На основании полученных результатов Д. Неттл сделан вывод, что мужчины при выборе потенциального брачного партнёра предпочитают женщин с ростом ниже среднего, объясняя это тем, что рост хоть и слабо, но значимо коррелирует с репродуктивным успехом. Она указывает на то, что сокращение «брачности» и деторождения среди высоких женщин связано со здоровьем, в том числе репродуктивным, которое с большей вероятностью будет ухудшаться при увеличении роста в процессе эволюции человека. Так, половая зрелость у женщин наступает только при завершении роста, что обусловлено активизацией половых гормонов, связанных с менархе, своим влиянием прекращающих рост трубчатых костей. У женщин меньшего роста, с этой точки зрения, имеется явное преимущество, заключающееся в более ранних,

чем у высоких женщин, сроках полового созревания и лучшем репродуктивном здоровье.

Дж. Мураско (Jason Murasko) [282] в своём исследовании продолжает развивать мысль Д. Неттла о связи роста с фертильностью, но при этом дополнительно использует социальные критерии: он проанализировал связь между ростом и фертильностью у разновозрастных женщин из стран с низким и средним уровнем доходов и пришёл к выводу, что между ростом и фертильностью прослеживается нелинейная зависимость. Так, по мере снижения ростовых показателей респондентов количество детей увеличивается, пока не достигнет максимума у женщин ниже среднего роста, после чего количество детей снова уменьшается. Аналогичные результаты наблюдаются при оценивании возраста первого вступления в брак.

Анализируя вышеупомянутые исследования, можно предположить, что на выбор репродуктивного партнёра оказывает влияние естественная составляющая – некие внешние морфологические признаки организма, указывающие на его хороший репродуктивный потенциал. По нашему мнению, подобные признаки «считываются» на бессознательном уровне и относятся к биологическим популяционным регулятивным механизмам, способствующим улучшению качественных характеристик потомства.

Некоторые исследователи полового диморфизма изучали его взаимосвязь с половыми гормонами человека. Как правило, их умозаключения основывались на результатах экспериментов с животными. Так, К. Кинсли и К. Ламберт в работе «Материнский мозг» [104, с. 49–55] утверждают, что матерями не рождаются, а становятся. Они указывают на то, что во время беременности, родов и лактации вследствие значительных изменений уровня гормонов происходят структурные изменения в центральной нервной системе, что проявляется в глубоких изменениях поведения, направленного на заботу о потомстве. Например, при плаче

ребёнка у матери активизируются особые зоны головного мозга, что заставляет её откликаться на зов и удовлетворять его потребности.

М. Альманза-Сепульведа (Mayra Almanza-Sepúlveda), Э. Флеминг (Alison Fleming), В. Джонас (Wibke Jonas), исследуя функционирование материнской гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси во время беременности и в послеродовой период, в условиях стресса и при его отсутствии, обнаружили воздействие кортизола на когнитивные функции матерей [253]. О влиянии гормона стресса на мать и ребёнка довольно много работ. Они неоднородны, и результаты исследований сильно различаются в зависимости от количества, времени, места типа выборок, изучаемой популяции, а также от состояния, стадии и уровней стресса матери и ребёнка [259; 279; 289].

Около десяти лет назад, благодаря более широкому использованию в исследованиях ядерного магнитного резонанса, были обнаружены морфологические различия между мозгом мужчин и женщин. Оказалось, что бóльшая плотность и количество нервных клеток в мозге у мужчин по сравнению с мозгом женщин коррелирует с бóльшим размером и весом мозга представителей сильного пола. У женщин же в мозге обнаруживается бóльшая плотность синаптических нервных окончаний. Так, в работе группы авторов Принстонского университета «Половые различия в структурном коннектоме головного мозга человека» показано, что мужской мозг оптимизирован для внутрислоушарной, а женский – для межполушарной коммуникации. Причём траектории развития мозга мужчин и женщин в процессе онтогенеза разделяются, со временем демонстрируя всё бóльшие различия в его функционировании. В целом результаты показывают, что мужской мозг структурирован таким образом, чтобы облегчить связь между восприятием и скоординированными действиями, в то время как женский мозг предназначен для облегчения связи между аналитическим и интуитивным режимами обработки [272].

Д. Риппон исследует особенности развития мозга в соотношении с половой принадлежностью на различных этапах онтогенеза человека. Анализируя результаты исследования головного мозга посредством функциональной магнитно-резонансной томографии, она приходит к выводу, что изначально между мужским и женским мозгом нет существенных отличий, но она, как и предыдущие ученые, указывает на разделение траектории их развития в процессе жизни под воздействием получаемого опыта [171].

Необходимо отметить, что исследователи в области медицины рассматривают в материнстве не только репродуктивную способность женщины, но и его социальные аспекты. Так, Р. Д. Эппл (Rima D. Apple) [254] размышляет над проблемой «научного материнства», подразумевающего убеждение общества в том, что женщины нуждаются в экспертной научной и медицинской консультации, чтобы растить своих детей здоровыми. Автор исследует изменение данного определения под воздействием меняющейся истории и культуры, его влияние на изучение сложной взаимосвязи медицины и социальных ролей. Х. Фарид (Huma Farid) [265, p. 1339–1341], Р. Хейнс де Регт (Roberta Haynes de Regt) [285, p. 969] рассматривают проблему двойной нагрузки на женщину в виде материнства и профессиональной деятельности, а А. Котари (A. Kothari) и К. Таялан (K. Thayalan) [274], развивая данную тему, параллельно размышляют над ролью отца в родовспоможении.

В отечественной науке, как и в зарубежной, множество естественно-научных работ посвящено морфофункциональной специфике полов в самых различных аспектах. Рассмотрим некоторые из них. В. А. Геодакян в своём исследовании под названием «Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм» поднимает проблему понимания явления пола. Рассмотрев алгоритмы возникновения основных программ, а также оценив повышение эффективности эволюционных процессов при различных

вариантах размножения, выделив в понятии пола половой процесс и половую дифференциацию в качестве противоположных явлений, он приходит к следующему выводу: «Не понимая эволюционной роли коренного явления – пола, естественно, невозможно понять роли и его производных: соотношения полов, дисперсии полов (ДП), полового диморфизма (ПД), половых хромосом (ПХ), половых гормонов (ПГ), психики полов и всех других явлений, связанных с полом» [51, с. 133–148]. В. А. Геодакян полагает, что новый критический взгляд на понятие пола и эволюционное назначение хромосом со временем приведёт к изменениям представлений учёных на соотношение полов, половую гормональную регуляцию и половой диморфизм. Размышляя о загадочности X- и Y-хромосом, автор также указывает на актуальность социального аспекта проблемы пола, подчёркивая, что «идея социальной одинаковости и взаимозаменяемости полов должна быть заменена на идею их дополнительности. А это требует знания биологических основ» [50, с. 171–189].

Т. Ф. Татарчук, как и зарубежные исследователи, анализирует влияние стресса на репродуктивную функцию женщины, рассматривая процессы стресс-реакции на клеточно-молекулярном уровне [215, с. 2–9]. В работе указано, что репродуктивная система имеет высокую степень зависимости от психических факторов стресса, являющихся очень сильными естественными стимуляторами различных процессов в организме, включая изменение гормонального фона. Стоит подчеркнуть, что половые гормоны оказывают значительное влияние на психическое состояние и поведенческую сферу. Так, хотя репродуктивная система напрямую не участвует в процессах приспособления к стрессу, тем не менее при неблагоприятных условиях она способна замедлять или отключать собственное функционирование в целях экономии ресурсов организма.

Отметим, что термины «фактор» и «предпосылка» мы используем в качестве синонимов. В нашем понимании, предпосылка (в общем

представлении) – это то, на основе чего возникает новое. Часть предпосылок входит в состав нового в подчинённом виде. Новое – это всегда сложная система, элементы которой можно систематизировать по разным критериям. В нашем исследовании мы берем в качестве критерия принадлежность элемента либо к естественному (природному (стихийному)), либо к социальному, которое является уже продуктом общества и тем, что качественно отличается от естественного.

В. А. Дубынин и К. К. Танаева в статье «Материнская депрессия: когда счастье не в радость» [72] описывают нейробиологические механизмы возникновения послеродовой депрессии (на примере результатов экспериментов с белыми крысами), указывая на их взаимосвязь с участками головного мозга, ответственными за материнское поведение, а также с гормонами. При этом исследователи не умаляют роли влияния социальных факторов на развитие депрессии, но и не дают подробных объяснений этого влияния.

В отечественной медицине феномен материнства рассматривается, как правило, с позиции обеспечения репродуктивного здоровья женщин и здоровья детей. В частности, изучаются медико-социальные сложности раннего материнства, затруднения женщин-матерей, относящихся к «группе риска», проблемы в области демографии и тому подобное. Рассмотрим идеи некоторых из них. Так, В. П. Гончарова, Т. О. Лягина исследуют материнство в раннем репродуктивном возрасте как социально-медицинскую проблему с учётом современных медико-демографических и социальных тенденций в нашей стране [55; 134, с. 351–355], а Г. Н. Захаров рассматривает подростковое материнство как фактор риска заболеваемости новорождённых [84]. Исследователи указывают на риски для здоровья для женщины и ребёнка в связи с ранним материнством, а также анализируют взаимосвязь социального компонента (условия жизни, отношения с отцом ребёнка, родственниками и тому подобное) феномена подросткового родительства с

биологическим (протекание беременности и родов, показатели здоровья новорождённого и так далее). Материнские функции и личностные качества молодой матери здесь практически не затрагиваются. К. Р. Гильманова сравнивает молодых матерей с позднородящими с позиции ценностей и психологической готовности к материнству, не обращая при этом к социальным условиям и биологическим аспектам материнства [53, с. 79–82]. А. Г. Смирнов анализирует психофизиологические особенности адаптации в системе «мать-младенец» при нормальной и неблагоприятно протекающей беременности [198; 199; 200]. Автор рассматривает специфику протекания беременности, исходя из особенностей регуляции репродуктивной функции у женщин со стороны центральной нервной системы и, хотя он делает акцент на социальной составляющей условий неблагоприятного течения беременности, тем не менее основное внимание исследователя направлено на специфику биохимических процессов в организме беременной женщины в тех или иных условиях.

Е. Н. Афанасова [5, с. 55–60; 6, с. 467–473; 7, с. 117–121; 8, с. 638–641; 9], Э. А. Эдиева [249] и М. С. Скляр [190, с. 37–42; 191; 192, с. 4–9] анализируют проблемы службы охраны материнства и детства в здравоохранении. Сама мать или материнство как объект здесь не рассматриваются. Основной акцент делается на системе здравоохранения и нормативно-правовом урегулировании сопровождения служб, направленных в своей деятельности на поддержание репродуктивного здоровья населения, предотвращение проблем со здоровьем у детей, повышение демографических показателей и так далее.

Итак, мы видим, что хотя подходы к исследованию содержания и сущности материнства в естественных и медицинских науках не ограничены исследованиями данного феномена лишь как репродуктивной функции женщины и включают исследования, содержащие в себе анализ влияния социальных аспектов на данный феномен, тем не менее проанализированные

нами работы не дают полной картины о взаимодействии естественных и социальных факторов в материнстве и раскрывают лишь одну сторону феномена материнства.

Обратимся к психологическому взгляду на проблему материнства. Здесь проблеме сущности материнства посвящено огромное количество исследований. Поскольку существует множество направлений в самой психологии, то нельзя говорить о «едином психологическом» подходе, есть разные. Перечислим основные из них. В психологии можно выделить такие подходы, как психоаналитический, бихевиоральный, этологический, теории материнской депривации. В рамках психоанализа можно особо выделить перинатальную психологию, нашедшую своё отражение в работах инициатора создания Общества пре- и перинатальной психологии швейцарского психоаналитика Г. Г. Грабера, ученика З. Фрейда. Г. Г. Грабер считал, что опыт внутриутробного онтогенеза отражается на всей последующей жизни человека, с чем, хоть и не сразу, согласился и его учитель. З. Фрейд не рассматривал феномен материнства отдельно, но большое внимание уделял диадическим отношениям в системе: «мать-ребёнок», что напрямую относится к изучаемому нами феномену. Он считал, что для новорождённого мать в первую очередь является источником физиологических потребностей.

Некоторые психоаналитики и психологи, проводившие исследования в рамках перинатальной психологии, такие как О. Ранк, С. Гроф, Т. Верни, Дж. Грэхэм, Р. Шиндлер, П. Г. Федоро-Фрайберг, Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, И. Б. Чарковский и другие, рассматривали рождение человека не в русле материнства, а с позиции переживаемого ребёнком опыта рождения и последующего его влияния на жизнедеятельность в социуме. Материнство здесь рассматривается лишь как составная часть окружающей среды¹ человека, влияющая на его развитие и жизнедеятельность. В российской

¹ Под средой здесь понимаются условия, в которых протекает жизнь человека, его окружение, совокупность людей, связанных общностью этих условий, обстановки.

перинатальной психологии наблюдается активное развитие концепций материнской доминанты в психофизиологии (А. С. Батуев, В. В. Васильева), психологии материнства и психологии репродуктивной сферы (Г. Г. Филиппова), подготовки к родительству (М. Е. Ланцбург), перинатальной психотерапии (И. В. Добряков), трансперсонального направления перинатальной психологии (Г. И. Брехман, Ш. С. Ташаев), девиантного материнства (В. И. Брутман, Г. Г. Филлипова), практического приложения перинатальной психологии и коррекции беременности (Н. П. Коваленко) [185].

Теория привязанности английского психиатра и психоаналитика Д. Боулби также относится к психоаналитическим подходам. Автор подробно исследовал симбиотические отношения между матерью и ребёнком, обусловленные его физиологическими потребностями, психофизической зависимостью от матери, а также тесным психоэмоциональным контактом. Д. Боулби подчёркивал, что привязанность служит механизмом удовлетворения потребности ребёнка быть защищённым и в безопасности, что при достижении приводит к ощущению в первую очередь психологического комфорта – это автор подчёркивал особо. То есть, в отличие от З. Фрейда, Дж. Боулби воспринимал матерей как дающих младенцу чувство защищённости и нивелирующих у них чувство тревоги.

К следующей теории в психоанализе, рассматривающей материнство, относится теория объектных отношений, представителями которой являются С. Ференци, Г. С. Салливан, М. Кляйн, Д. Винникотт, Г. Гантрип, С. Стюарт, Р. Фэрберн и другие. Мыслители данной школы считают, что отношения младенца с матерью в первую очередь определяют формирование его личности во взрослой жизни. В частности, привязанность является основой развития личности или психической организации, которая создаёт чувство идентичности.

В рамках психоанализа также представляет интерес эпигенетическая теория развития личности постфрейдиста Э. Эриксона. Он выделил в развитии личности три функции «Эго» – биологическую, основанную на идеях З. Фрейда, социальную, определяемую возможностью людей объединяться в группы по разным основаниям, а также организационную, заключающуюся в соединении детских идентификаций под влиянием культурных, социальных, национальных, экономических и других условий в обобщённую эго-идентичность. В отличие от З. Фрейда, Э. Эриксон в природе «Эго» видел не врождённую, а социальную составляющую. Также он считал, что формирование «Эго» происходит под воздействием социально-исторических условий, в которых люди, находящиеся в одинаковых временных и социальных обстоятельствах, реализуют схожие образцы поведения, становящиеся впоследствии социальными моделями. Стоит упомянуть, что развитие идей Э. Эриксона происходило в период расцвета культурной антропологии, яркими представителями которой являются М. Мид, Р. Бенедикт, А. Кардинер, что отразилось на его теории. К примеру, он рассматривал воспитание в раннем детстве в традиционном обществе как передачу опыта, характерного для данной социальной группы. Также Э. Эриксон считается основателем такого междисциплинарного направления, как психоистория, предметом которой является сфера бессознательного (личного и коллективного), проявляющегося в поведении исторических личностей и социальных групп [10; 82; 240; 250]. В рамках нашего исследования данный подход привлекает нас тем, что с его помощью можно проследить формирование взглядов на материнство в том или ином обществе в определённый промежуток времени и проанализировать его механизмы, в том числе с позиции культурно-антропологического подхода.

Итак, рассмотрев основные психоаналитические концепции, мы видим, что проблема материнства в них также раскрыта не в полной мере, так как представлена исключительно с позиции детско-родительских отношений, в

которых в качестве главного объекта исследования представлен ребёнок, а мать попадает под внимание исследователей только с позиции взаимодействия в диаде, что, на наш взгляд, является серьёзным упущением.

Бихевиористы рассматривают аспекты материнства через призму теории социального научения, в которой биологически обусловленные способы закономерно изменяющихся процессов взаимодействия и взаимообучения между матерью и ребёнком анализируются посредством принципа «стимул-реакция». При этом индивидуальные аспекты такого взаимодействия многими исследователями не учитывались. Так, Р. Р. Сирс, предложивший диадический принцип исследования раннего прижизненного онтогенеза, считал, что развитие ребёнка в подавляющей степени обусловлено поведением значимого взрослого, как правило, матери. Он выделил три фазы развития, с помощью которых можно отследить трансформацию взаимоотношений с матерью и постепенное становление личности через изменение её потребностей в самоактуализации в обществе [193; 194, с. 29–38; 195, с. 237–245]. Автор считает, что данный процесс – результат научения, источник подкрепления, изменяющийся в процессе онтогенеза.

Д. Л. Гевирц полагает, что основой процессов формирования социальных мотивов и привязанностей является взаимодействие новорождённого со средой воспитания. При этом для оценки эффективности его развития недостаточно соотношения количественно-качественного анализа воспринятых им стимулов, поскольку также необходимо учитывать условия, в которых происходила стимуляция [267, р. 2–13]. Отличительной чертой теории Гевирца является то, что он рассматривал взаимодействие в диаде с двух сторон: как со стороны младенца, так и со стороны матери. Он считал, что эмоции, получаемые матерью в процессе реакции на подаваемые со стороны ребёнка стимулы, являются подкреплением для дальнейшего отреагирования и укрепления контакта.

Таким образом, мы видим, что бихевиористы, рассматривая взаимоотношения в диаде в качестве процесса обоюдного научения, где социальная среда выступает в виде основного источника подкрепления, как и психоаналитики, не уделяют должного внимания разностороннему изучению содержания феномена материнства, сводя его к сумме поведенческих реакций и лишь за редким исключением учитывая эти реакции во взаимодействии двух сторон.

Представления об общих механизмах поведения у человека и животного являются базовой научной основой в этологии. Изучая поведенческие особенности взаимодействия в диаде, этологи делают это подобно тому, как аналогичное исследование происходит в бихевиоризме. Именно в данном контексте пишут о материнстве С. Стернглэнц и Э. Нэш в работе «Этологический вклад в изучение человеческого материнства» [290]. Дж. Митчелл и Г. Харлоу изучали материнское поведение на примере макак путём изоляционных экспериментов [290]. К. Лоренц пишет об инстинктивной природе родительского поведения как у животных, так и у человека [там же]. Таким образом, аргументируя идеей сходства поведенческих проявлений человека и животного, все свои исследования феномена материнства этологи проводили на животных, что зачастую приводило к неоднозначным выводам.

По мере накопления научного материала этология расширила поле для своих исследований, вследствие чего при объединении усилий научного поиска с социальными науками возникли принципиально новые направления, такие как социобиология и биосоциальный подход. Отметим некоторые наиболее популярные исследования в данной области. К одному из них относятся концепция «эгоистичного гена» Э. Уилсона и теория родительского вклада Р. Докинза.

Э. О. Уилсон, являясь основоположником социобиологии, даёт объяснение социального поведения человека посредством биологических

законов [218]. В концепции «эгоистичного гена» Р. Докинза [70] рассматривается наличие более тесных взаимоотношений между матерью и ребёнком, чем с другими членами микросоциума, с позиции генетической предопределённости, запрограммированной на распространение своих генов в популяции. Р. Триверс вывел теорию «родительского вклада», предпосылкой которой является важность для вида успешной репродукции [145].

Исходя из анализа зарубежных направлений в исследовании феномена материнства, можно сделать вывод, что материнство – это скорее социальное, чем биологическое явление, зависящее от того, что чувствует женщина-мать по отношению к своему ребёнку, существует ли между ними привязанность. При этом примечательно, что подавляющая часть исследований посвящена изучению родительско-детских отношений с позиции ребёнка, но не матери.

В отечественной психологии можно выделить три основных подхода к проблеме материнства в контексте отношения матери к ребёнку: культурно-исторический, природно-биологический и функционально-личностный. В рамках культурно-исторического подхода феномен материнства рассматривается с позиции его культурно-исторической обусловленности: материнство как одна из социальных ролей женщины, где общественные нормы, правила и ценности существенным образом оказывают влияние на проявления материнского отношения, преобладая над биологической потребностью быть матерью [224]. К исследованиям материнства в рамках культурно-исторического подхода в психологии можно отнести работы таких исследователей, как Р. В. Овчарова, И. С. Кон и другие.

С позиций природно-биологического подхода, как и за рубежом, в отечественной науке материнство рассматривается в качестве естественно обусловленной предрасположенности женщины к генетически заложенным образцам материнского поведения, называемого материнским инстинктом. В

рамках данного подхода к материнству широко представлены исследования его физиологических и психофизиологических аспектов, а также исследования, разрабатывающие положения о материнской доминанте. Понятие «материнская доминанта» введено И. А. Аршавским, который опирался в своём исследовании на учение о доминанте А. А. Ухтомского.

В функционально-личностном подходе феномен материнства обозначен как составная часть личности женщины. Он рассматривается здесь с позиции выполнения ею материнских функций. Предметы исследований в рамках данного подхода достаточно разнообразны: материнские установки [3, с. 163–176; 159, с. 624–627; 243], удовлетворённость ролью матери [85, с. 1226–1233; 294, р. 75–82], готовность к материнству [224], материнская компетентность [150, с. 344–353; 160, с. 71–79] и так далее. В частности, Г. Г. Филиппова рассматривает материнство как самостоятельную потребностно-мотивационную сферу поведения, развитие которой определяется прохождением женщиной шести этапов в процессе её онтогенеза, а также затрагивает проблему девиантного материнства. Самостоятельным направлением является перинатальная психология, представителями которой в отечественной науке являются Г. И. Брехман, Н. П. Коваленко, Г. Г. Филиппова, И. В. Добряков, М. Е. Ланцбург, О. С. Шкуротенко, Т. И. Комисаренко, Е. В. Поневаж, И. Н. Земзюлина, Е. Г. Руновская, Л. В. Грабаровская, Н. С. Соловьева и так далее.

В последние годы как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях рассматривается гендерный подход к исследованию материнства, где оно представлено сугубо в качестве социального явления, предопределённого взглядами общества, ближайшего окружения на полоролевые стереотипы в отношении социальных ролей. Представителями данного подхода являются Р. Столлер, М. Мид, Г. Рубин, С. Файерстоун, Е. Маккоби и К. Джеклин, Дж. Мани, А. Эрхард, С. Бем, Д. Риппон, Н. Чодороу, И. С. Кон, Ф. Ахмедшина, Т. А. Клименкова и так далее. Стоит особо

подчеркнуть, что гендерный подход полностью исключает роль «биологического» в материнском поведении. Исходя из данного подхода, пол понимается как социальная конструкция, в которой все традиционные полоролевые различия являются системой социальных и культурных установок, базирующихся на гендерных стереотипах. По мнению А. С. Дерябиной, «наиболее распространённой в рамках гендерного подхода является социально-конструктивистская парадигма, которая задаёт рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, “создание гендера” в повседневности, в публичной и приватной сферах, а также способы формирования знания о них» [66, с. 92–95]. Гендерные исследования психологов, осуществляемые в рамках социально-конструктивистского направления, развиваются учёными, разделяющими позиции социального конструктивизма. Механизм социального конструирования описан в исследованиях Е. А. Здравомысловой, Е. Л. Омельченко, А. А. Темкиной и других. Материнство как социальный конструкт представлено в исследованиях Т. А. Щурко, Н. А. Мицюк, Н. Б. Кунен и других. Опосредованно, через социализацию ребёнка, материнство рассматривается в исследованиях Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, М. С. Гусельцевой и других, через модели родительских представлений и установок – в работах Г. Проктера, А. С. Спиваковской, Е. Б. Жуйковой и других.

Особо в рамках анализируемого подхода нами выделен социогендерный подход, автором которого является Г. Г. Силласте. Социогендерные исследования направлены на изучение социального статуса женщин как интегративного показателя её положения во всех сферах жизнедеятельности, функционировании общества. С точки зрения Г. Г. Силласте, «приоритетной для социолога является социальная сфера развития женщин как общности. Однако социальный анализ должен быть дополнен изучением демографических факторов и особенностей женской психологии.

Иными словами, необходим комплексный социолого-психологический подход к социогендерным отношениям. Этот подход позволяет последовательно применять принцип социального детерминизма в исследовании взаимодействия женщин и общества и в то же время учитывать влияние женской психологии на поступки, поведение, ориентации и ценностные установки женского населения (социума) как самостоятельного субъекта социальных, экономических, политических отношений» [186, с. 15–22]. Таким образом, можно выделить общее в этих двух подходах – материнство как одна из социальных ролей женщины.

Социологи рассматривают материнство, оценивая возрастной критерий, семейное, материальное положение, общественный статус женщины-матери; изучают его в ракурсе социальных проблем, связанных с дисфункцией материнской сферы, а также исследуют материнство в качестве социального института. Зарубежные социологические исследования материнства довольно широко представлены. Стоит отметить, что среди них множество исследований, направленных на анализ проблемы репродуктивного выбора современной женщины, дискриминацию по признаку пола, родительство в небинарных семьях и другие подобные проблемы, связанные с материнством, обозначенные современным европейским обществом. Так, исследования А. Беккер (A. Becker) [256, p. 219–240], Э. Ли (E. Lee) [275], Э. Хертог (E. Hertog) и М. Ивасава (M. Iwasawa) [271, p. 1674–1699], Э. А. Марсиа (E. A. Marcia) [277, p. 322–347] и других посвящены социальной стигматизации женщин, делавших аборты. Проблемы лесбийских семей освещают Р. Райан-Флуд (R. Ryan-Flood) [288], К. Цайлер (K. Zeiler) и А. Мальмквист (A. Malmquist) [299], Б. Хейман (B. Nauman) и Л. Уилкс (L. Wilkes) [270, p. 577–591]. Исследователи раскрывают понятия однополой семьи с позиции новой разновидности семейной структуры с установлением внутрисемейных ролей, отличных от таковых в традиционных семьях. А. М. Ализаде (A. M. Alizade) в работе «Материнство

в 21 веке» (“Motherhood in the Twenty-First Century”) [252] представила анализ проблем современного материнства: одинокие, очень занятые работающие матери, подростковое материнство, материнство в парах гомосексуальных женщин, мужчин, которые берут на себя материнскую функцию (мужчины-матери), совместное, суррогатное, сублимированное, извращённое материнство (ставшие возможными благодаря новым репродуктивным технологиям), которые бросают вызов ортодоксальному классическому мышлению в отношении роли и функции женщин как матерей.

Отечественные социологические исследования феномена материнства также довольно разнонаправленные. Например, Т. И. Греченкова исследует социальный возраст материнства, анализируя, в частности, социальное конструирование «своевременного» материнства посредством институционального и морального контроля, где указывает, что определяющим фактором в конструировании социального возраста материнства является либерализация сексуальности в условиях сохранения социальной асимметрии по признаку пола [60, с. 102–106; 60; 62, с. 9–16]. Т. В. Бердникова [27, с. 11–20; 28, с. 50–51], А. Х. Кабирова [99, с. 1154–1156] делают акцент на юном материнстве, выделяя в нём личностный и социальный аспекты, а также на концептуальном осмыслении социальных основ юного материнства в современных условиях. Е. Л. Круглова (Путинцева) исследует малолетнее материнство (суженное автором понятие «несовершеннолетнее материнство») как социальный феномен, связанный с увеличением рождаемости среди несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи со стороны государства и мерах социальной адаптации. Она также выявляет факторы, влияющие на динамику и эволюцию раннего материнства в современном российском обществе [116; 165, с. 101–104]. Е. С. Сироткина рассматривает несовершеннолетнее материнство в контексте социальной работы, институционализируя его. Автор ставит своей целью выявление

тенденций и путей проблематизации раннего материнства в системе социальной работы в нашей стране [188, с. 79–85; 189, с. 95–101]. А. В. Стукалова исследует политику государственной поддержки малолетних матерей в современной России, предлагая авторские подходы к её типологии. Автором впервые обосновано понятие «малолетнее материнство» в качестве социального феномена и выявлена многогранность данного феномена, обусловленного факторами исторического, социального, политического, экономического, ценностного, этнического, психологического происхождения, формирующегося на уровнях общества, родительской семьи, конкретной личности в аспекте личностных особенностей малолетних матерей, единства ценностных ориентаций и позиций матери или обоих супругов (если заключен брак) через призму отношения к социальной системе общества [203, с. 66–73; 204, с. 148–151].

М. А. Беляева [24, с. 207–212] в качестве объекта исследования выделяет юное материнство, отказничество и асоциальную многодетность, объединённые общими причинами их появления, для которых характерны отсутствие изначальной положительной установки в отношении деторождения, низкий уровень репродуктивной культуры, социальные и материально-экономические условия жизни. При этом она выделяет не только социальные, но и биологические причины (нарушение гуморальных механизмов, в частности выработки гормона окситоцина, вследствие физиологической незрелости юной матери; иммунологический конфликт внутриутробного ребёнка и матери; эволюционно заложенные типы стратегии размножения) данных видов родительства.

А. И. Еремеева в качестве вариативной модели семьи современного общества рассматривает одинокое материнство, а также подробно изучает содержательную сущность структурных элементов социальных представлений современных женщин об одиноком материнстве. Одной из функций социальных представлений автор видит механизмы социально-

психологической адаптации матерей-одиночек в современных условиях [76, с. 328–331; 77]. О социальных проблемах матерей-одиночек пишет Т. Н. Каменева [101, с. 70–72; 102, с. 140–142], а Т. Н. Никитина анализирует проблему отказа матери от ребёнка и роль социальных институтов в решении данной проблемной ситуации [154].

Л. Г. Сологуб проводит социологический анализ института материнства. Исследуя связь материнства с развитием общества посредством системного анализа, автор выявляет социальные традиции материнства, его социально-правовой статус, роль в процессе первичной социализации человека, а также исследует современные установки молодежи на материнство [201]. Такой подход является не только социологическим, но и социально-философским, поскольку анализирует место матери в системе общественных отношений.

М. В. Гредасов [57, с. 28–31], М. А. Журавлёва [80, с. 140–141], А. С. Завитаева [81, с. 179–184], А. Ю. Конева [108, с. 283–286], Н. А. Кузнецова [118, с. 115–118] и другие исследуют социальные проблемы материнства и детства и анализируют пути их решения [57, с. 28–31]. Н. В. Грек проводит гендерный анализ современных социальных реформ социальной поддержки материнства и детства на примере актуальных материальных мер поддержки семьи с детьми. Автор указывает на имеющиеся противоречия социальных технологий, направленных на стимулирование рождаемости, раскрывая явные и скрытые функции инновационных социальных практик [58; 59].

Для более полного анализа феномена материнства необходимо также обратиться к исследованиям его в историческом аспекте. Здесь нами рассматривались работы историков (Э. Бадэнтэр, Ф. Арьес и другие) и представителей культурной антропологии (Р. Бенедикт, М. Мид и другие). Ф. Арьес считал, что материнство и детство в современном их понимании появились лишь в середине XVIII века. Для лучшего понимания и совершенствования собственных идей Ф. Арьес сделал принципиальный

вывод из своих исследований, согласно которому разные народы имеют разные варианты детства. Он также доказал, что один и тот же народ может различаться в культуре детства на разных этапах своей истории. Кросс-культурные исследования предоставляют важный инструмент для более глубокого понимания этих различий. Опубликовав свои умозаключения в книге «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке», он, вызвав скандальный резонанс в научных кругах, дал толчок для развития идей других авторов, в частности Э. Бадэнтэр [107].

Э. Бадэнтэр впервые проанализировала материнские чувства в контексте истории и сделала вывод, что их проявление зависит от запросов общества. Так, в конце XVIII века в европейском обществе произошёл переход с «безразличного материнства» к популяризации «материнской ответственности», «сладости материнской любви» вследствие возникновения модных поведенческих тенденций, порождённых капитализмом, у женщин зажиточных слоёв общества. При этом Э. Бадэнтэр (в других русскоязычных источниках – Э. Бадинтер) рассматривала отказ женщины от роли матери как проявление свободы воли, появившейся у неё исторически в результате развития общества [12]. То есть, в понимании автора, материнство – это социально обусловленное явление, а материнская любовь возникает в процессе взаимодействия с ребёнком в форме привязанности: «...материнский инстинкт – это миф. Мы не обнаружили никакого всеобщего и необходимого поведения матери. Напротив, мы констатировали чрезвычайную изменчивость её чувств в зависимости от её культуры, амбиций или фрустраций. Материнская любовь может существовать или не существовать, появляться или исчезать, быть сильной или слабой, избирательной или всеобщей. Всё зависит от матери, от её истории и от Истории. Материнская любовь – не объективная данность, а нечто сверхнормативное» [224]. Данный вывод – не просто исторический, а уже философский, и здесь, как мы видим, автор проявляет односторонний

подход, игнорируя естественную сторону материнства. Можно также указать на то, что изменчивость чувств матери, о которой пишет автор, зависит от воздействия на неё культуры, о которой она же сама и говорит. То есть мать проявляет на людях те чувства, которые от неё ожидает общество, и это вовсе не означает, что она не испытывает чувств, которые общество не одобряет.

Р. Бенедикт [26] и её ученица М. Мид [146], в противоположность Э. Бадэнтэр, считали, что отказ женщины от материнства обусловлен искажением социальных установок, подавляющих врождённый материнский инстинкт, биологически обусловленный репродуктивной функцией женщины и связанной с ней такими процессами, как зачатие, беременность, роды и кормление. Проводя исследование данного феномена в контексте культуры, автор доказывает влияние культурных традиций на отношение женщины к материнству.

Л. Де Моз выдвинул «психогеническую теорию истории», заключающуюся в том, что изменение истории происходит не под воздействием экономики и технологий, а вследствие «психогенических» изменений личности в процессе детско-родительских взаимоотношений от поколения к поколению. Суть данной теории отражает влияние психоанализа на идеи автора, с позиции которого материнство, формирование которого происходило на протяжении истории, представляет собой результат личностного становления родителя. При этом пусть материнство и имеет социальную, культурно-историческую природу, но определяющими для его становления являются специфические личностные черты человека. Открытым остаётся вопрос о том, каким образом специфические личностные особенности отдельного родителя создают уникальный для данного исторического этапа стиль взаимоотношений между родителями и детьми. Подобное объяснение материнства, игнорирующее его биологическую и

социальную обусловленность, определённо во многом ограничивает психогеническую концепцию [263].

В России в контексте истории материнство рассматривается через призму изменения статуса женщин в обществе и социальной политики государства в его отношении. Так, Ю. А. Костенко [113, с. 74–85; 114, с. 390–395; 115, с. 30–47], Г. Н. Григорьева [63], исследуя эволюцию женского движения в нашей стране начала XX века в рамках социально-политической истории, рассматривают данный феномен как с позиции изменения репродуктивного выбора женщин в сторону эмансипации, так и с позиции нововведений со стороны государства: становление социального института материнства и детства, семьи, стремление к достижению экономического равенства мужчины и женщины, законодательное и социальное обеспечение женского труда и так далее. В рамках культурно-исторического подхода феномен материнства рассматривает Н. Л. Пушкарёва, представляя его в своём исследовании как социобиологическое явление [167].

Е. П. Белоножко исследует историю становления охраны материнства и детства второй половины XIX – начала XX века, углубляясь в проблемы на пути эволюции социальной помощи матери и ребёнку, в том числе при девиантном материнстве и детских социальных патологиях [22], В. А. Мун также анализирует государственно-правовую охрану материнства и детства в России в указанный период, но с большим акцентом на деятельность государства [151, с. 77–81; 152, с. 190–196], а Е. Н. Афанасова сужает временные рамки исследуемого периода до 20–30-х годов XX века и исследует политику государства в области материнства и детства с учётом территориальных условий Восточной Сибири [6, с. 467–473; 8, с. 638–641]. Е. О. Скрыбина делает акцент на проблеме материнства и детства в период блокады Ленинграда [196; 197, с. 109–115]. А. В. Кучеренко исследует социальную политику в области защиты материнства и детства в 90-е годы

XX века в условиях кризиса [121], а Н. Н. Шакирова – в условиях социально-экономической трансформации российского общества [236].

В научной философской мысли на протяжении истории материнство рассматривалось в основном с позиции предназначения женщины для деторождения и выхаживания потомства, обусловленного её «основной жизненной программой». Так, Платон и Аристотель в своих трудах давали будущим матерям рекомендации по поддержанию здоровья во время беременности, целью которых было рождение здорового потомства для государства. Руководствуясь этими же соображениями, они выступали против ранних браков и поддерживали практику грудного вскармливания [4]. Взгляды Ксенофонта на материнство отличались от таковых у его современников тем, что он видел в нём духовную составляющую. Материнство в его понимании есть проявление метафизической сущности женщины: мать «... кормит его (ребёнка) и заботится о нём, хотя ещё не видала от него никакого добра; и хотя ребёнок не сознает, от кого он получает добро, и не может выразить свои нужды, но она сама старается удовлетворять его желания; долгое время она кормит его, и днём и ночью неся труды и не зная, какую получит за это благодарность» [117, с. 47–48].

Древнегреческий философ Фаворин указывал на важность поддержания детско-родительской привязанности для развития потомства. Так, он выступал против отказа матери от грудного вскармливания и передачи ребёнка кормилице. Он утверждал, что мать, отдавшая младенца кормилице, отвлекает от него, ровно, как и сам новорождённый забывает мать и не имеет к ней привязанности [247, с. 16, 168].

Обращая большое внимание на естественную сторону материнства, философы не игнорировали и социальную. Они формулировали требования к матери со стороны общества. Важным аспектом, который привлекал внимание римских мыслителей при рассмотрении материнства, было стремление к обеспечению интеллектуального развития будущих матерей.

Развитие образования женщин рассматривалось как важная основа для обучения детей, которые впоследствии становились грамотными гражданами. Плутарх в своих идеях предъявлял высокие требования к женщинам, обязывая их разбираться в таких областях, как астрономия, математика и философия. Забота государства о знаниях будущих матерей для воспитания и образования достойного поколения может быть трактована как проявление значимости данной темы [4].

Августин, отражая в своих трудах приоритеты средневековой культуры, писал о матери как о посреднике между Богом и ребёнком. Не умаляя понимания материнства как естественной репродуктивной функции женщины, он говорит о высокой миссии женщины приобщения потомства к вере через набожность. Богобоязненность матери рассматривается им в качестве идеала для преклонения и подражания: «И мать моя по плоти, с верой в Тебя бережно вынашивавшая в чистом сердце своём вечное спасение моё...» [2, с. 492]. То есть, помимо обычных социальных требований, в период Средневековья от матери требовалось обеспечение связи ребёнка со сверхъестественным. Такая функция присуща женщине в любой религиозной конфессии и в любое время, но в Средневековье на этом делается особый акцент.

Леон Батиста Альберти считал, что способность женщины к деторождению, грудному вскармливанию – это проявление разумности природы, поэтому материнство рассматривается им как одобряемый обществом результат естественного инстинкта женщин [4]. По мнению Эразма Роттердамского, забота о детях является нейтральной и естественной страстью человека, особенно матери. Философ объясняет потребность женщины в деторождении не осознанным отношением к материнству, а силой забвения: «Какая женщина допустила бы к себе мужа, если бы подумала и поразмыслила об опасностях и муках родов и о трудностях воспитания детей? ...какая женщина, единожды попробовавшая рожать,

согласилась бы повторить этот опыт, если б не божественная сила спутницы моей Леты?» [173, с. 9]. Также он размышляет о материнстве как о первичном институте воспитания достойного члена общества. При этом материнская забота, по его мнению, должна проявляться с момента зачатия: «И ещё даже ребёнок не появился на свет, а материнская забота – на страже: беременные не едят какую угодно пищу, остерегаются неосторожного телесного движения...» [155, с. 249]. Воспитание потомства он считал неотъемлемой частью материнства. По его мнению, женщина, родившая, но не воспитывающая ребёнка – мать лишь наполовину: «...матерями едва ли наполовину являются те, которые только рожают детей и не воспитывают...» [там же, с. 252]. Таким образом, феномен материнства для Эразма Роттердамского заключается в единстве природного и социального, при этом в социальном главная роль отводится нравственному воспитанию ребёнка, хотя в деле воспитания мать, в сравнении с отцом, играет, по мнению мыслителя, самую незначительную роль.

Е. В. Шамарина отмечает также роль Ф. Бэкона в развитии представлений о роли женщины, который в своих трудах рассматривал две женских роли: жены и матери. Однако в основном он подходит к теме материнства косвенно, основываясь на наличии исключительного чувственного опыта матери, рассматривая его в контексте проблемы человека. Так, по Ф. Бэкону, в материнстве преобладает эмоциональная сторона, но вместе с тем среди характеристик, присущих матери, таких как сочувствие, сострадание, нежность и так далее, преобладают нравственные качества. Таким образом, помимо биологической сущности, мыслитель выделяет в материнстве его духовную часть, причём считает её преобладающей [237].

Т. Гоббс утверждал: «Первоначальное господство над детьми принадлежит матери, и у людей, как и у прочих животных существ, плод следует за чревом» [54, с. 366]. Обратим внимание, что Т. Гоббс, возможно

первый из известных авторов, увидел сходство человеческого материнства с животным, но сводил это сходство к упрощённому пониманию отношений, как отношений господства и подчинения. В контексте философских взглядов Т. Гоббса материнство относится к прагматически-утилитарной ценности. В его представлении мать является госпожой ребёнка по праву воспроизведения его на свет, что даёт ей право распоряжаться его судьбой на своё усмотрение (воспитывать, отдать на попечение, избавиться от ребёнка другим способом и так далее).

Дж. Локк, на основе его собственных представлений о «идеальной личности», представил идеальную модель детско-родительских отношений. Он утверждал, что все родители должны заботиться, кормить и воспитывать своих детей в соответствии с законами природы [126, с. 293]. При этом мать и отец имеют равные обязанности в этом процессе, хотя матери вынашивают ребёнка и тратят ресурсы своего тела на это. Исходя из этой позиции, философ считает, что материнство определяется Божьей волей, реализующейся через инстинкт и социальный заказ. Деторождение относится им к разряду женских обязанностей, а воспитание и образование – к привилегии «благовоспитанного человека – будущего гувернёра» [там же, с. 456].

Ж.-Ж. Руссо способность к деторождению определял в ряд важнейших качеств женщины. Именно эта способность, по его мнению, делает её матерью. Он подчёркивал важность глубоких эмоционально насыщенных отношений между матерью и ребёнком и, как гуманист, всячески возносил материнство. Сущность материнства раскрывается им через единство биологического, социального и религиозного аспектов: «...первоначальное воспитание, бесспорно, принадлежит женщинам. Если бы Творец природы хотел, чтобы оно принадлежало мужчинам, он наделил бы их молоком для кормления детей. Поэтому в наших трактатах о воспитании всегда обращайтесь речь по преимуществу к женщинам; ибо, кроме того, что им сподручнее, чем

мужчинам, заботиться о воспитании» [177, с. 24]. Ж.-Ж. Руссо считает немаловажным просвещение матерей в вопросах ухода за детьми и их воспитания, при этом он критикует устои своего времени: законодательные ограничения женщин в отношении потомства, дворянскую и церковную систему образования, отказ женщин от грудного вскармливания и самостоятельного воспитания детей и так далее.

И. Кант определяет репродуктивную функцию женщины как метафизическую, предусмотренную природой «главную» цель. Он не использует термин «материнство» как таковой, но при этом определяет его метафизическую сущность и значительные воспитательные возможности в контексте целенаправленного, сознательного усовершенствования природы человека [103, с. 253].

И. Г. Гердер видит в человеческом материнстве духовные устремления, тем самым отделяя его от животного мира. Чувства матери к ребёнку он определяет как единство физиологических проявлений роженицы и духовных основ. Он делает акцент на том, что «... у людей материнская любовь – нечто высшее, побег гуманного духа, следствие прямого положения человеческого тела. Сосунок лежит на коленях матери, у неё на виду, и сосёт самую нежную и тонкую пищу, какая только бывает...» [52, с. 110]. Репродуктивную способность и стремление к продолжению рода мыслитель считает проявлением природного в человеке, но именно разум, способность к разумной деятельности позволяют сохранять человеческий род. «Только разум и определяет неизменное состояние человеческого рода, и потому не может не наследоваться как основной характер человека; не будь разума, не было бы и человеческого рода» [там же, с. 453].

Г. Гегель, отдавая главенствующую роль в семье мужчине и рассматривая женщину как пассивное начало, рассуждает о материнстве следующим образом: «Мать любит в ребёнке супруга, а последний – жену; оба имеют в нём свою любовь перед собою» [47, с. 155]. Таким образом,

философ определяет характер чувств женщины к ребёнку через третье лицо – супруга, эмоциональная же сторона материнства опосредована. При этом он считает, что материнское воспитание должно нести в себе идею закладывания в ребёнка нравственных чувств: «В первое время важнее всего материнское воспитание, ибо нравственность должна быть насаждена в ребёнке как чувство» [47, с. 101].

Крайне негативно относились к признанию ценности женщины вследствие её детородной способности некоторые мыслители, в числе которых А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, О. Вейнинггер и другие. Общим в их взглядах на материнство является то, что они не признавали значимости роли женщин в обществе, обусловленной их репродуктивной функцией. А. Шопенгауэр определяет женский пол как нечто промежуточное между ребёнком и мужчиной, говоря о том, что женщина всё время своей жизни пребывает в среднем состоянии и может оставаться ребёнком надолго, а поэтому лучше других ладит с детьми, чем и занимается всю свою жизнь. В отличие от женщин, мужчину философ позиционирует как настоящего человека. По его мнению, материнская любовь – это всего лишь инстинкт, присущий животным, который проявляется по мере необходимости в заботе о беспомощном потомстве. Согласно этому заявлению, любовь отца к ребёнку имеет иной характер и заключается в признании в нём собственного «Я» родителя. Ф. Ницше в философском трактате «Так говорил Заратустра» излагал ещё более резкие и негативные взгляды на данную тему, низвергая женщину до уровня домашней скотины и определяя в хозяева ей мужчину с плетью в руках, который должен держать её под своим пристальным вниманием. З. Фрейд, в свою очередь, ставил женщинам в вину их комплекс неполноценности, основывающийся на сочетании характеристик мужественности и женственности (бисексуальности), а не на преимуществе мужчин в обществе, как это имело место быть в его историческую эпоху. О. Вейнинггер утверждал, что «нет ни мужчины, ни женщины – есть только

мужественное и женственное» [37, с. 18]. Он также высказывает мнение о системе воспитания, отмечая необходимость индивидуализации данного процесса вместо привычного разделения обучающихся по половому признаку, и указывает, что женщины наследуют угнетение от матерей к дочерям, к тому же они не являются субъектами и объектами научных исследований. О. Вейнингер подчёркивает, что по сравнению с мужчинами возможности женщин к самореализации значительно ограничены [21, с. 45–51].

Значительный вклад в изучение феномена материнства был внесён со стороны структурализма, который оценивается одновременно и как философский, и как междисциплинарный. Так, К. Леви-Стросс, являющийся основателем структурной антропологии, анализируя термины системы родства и связи между ними, раскрыл содержание понятия «авункулат» в матрилинейных и патрилинейных системах и тем самым внёс большой вклад в исследование феномена материнства [123]. Однако само понятие «мать», как и его содержание, исследователем не анализируется. У. Л. Уорнер, анализируя особенности социального в отношениях между родителями и детьми у представителей Мурнгинского племени [297, р. 207–256], рассматривает материнство отдельно и выделяет следующие два типа родства: «мать – сын» и «мать – дочь». Он подчёркивает, что внутри них присутствуют сложносоставные многоуровневые связи, которые в первую очередь зависят от родственной иерархии. В другой его работе «Живые и мёртвые» представлена структура, раскрывающая связь прошлого и настоящего посредством коллективных символов человека, в частности, описаны и проанализированы механизмы обозначения и символизации мужских (Технологии, Отца, Святой Троицы) и женских символов (Природы, Матери, Девы Марии) на протяжении истории общества и религии.

Р. Якобсон в работе «Почему мама и папа?» («Why “Мама” and “Папа”?») [273, р. 313–320] исследует происхождение термина «мать» и как

он эволюционировал в «отца», «папу», «человека» и другие социальные ярлыки. Это явление изучается глобально и кросслингвистически, с помощью анализа лексем, имеющих схожую семантику и фонологические особенности. Результаты исследований базируются на данных из 1000 языков со всего мира. Они выступают частью начального вербального развития детской речи, хотя не являются исключительными.

Несмотря на то, что женские термины «мама» и «мать» проявляют большую межъязыковую тенденцию к распространению, чем мужские родительские термины, такие как «отец», «папа», «мужчина», «муж» и другие, последние также широко представлены в мировой лексике. Это означает, что концепт «мама» не всегда связан с материнством на глобальной языковой карте. Автор подчёркивает этот аспект.

Биологические и культурные аспекты развития сообщества были исследованы антропологом Б. Малиновским [136]. Он отметил, что материнство, которое включает в себя процесс вынашивания и рождения ребёнка, связано с биологическими факторами, которые влияют на культуру. Б. Малиновский утверждал, что биологический детерминизм оказывает неизбежное влияние на поведение человека, и потому эти последовательности должны быть включены в любую культуру, независимо от её уровня развития. Понятие родства стало культурным ответом на основную потребность в продолжении рода, независимо от степени сложности или примитивности общества. Ведущим идеям Б. Малиновского во многом близки научные взгляды А. Рэдклиффа-Брауна, сочетающего функционалистский и структуралистский подходы при анализе культуры, общественной жизни, сознания и поведения людей. По его мнению, социальные отношения являются результатом удовлетворения потребностей человека. В отличие от Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Браун полагал, что культура удовлетворяет базовые потребности не каждого человека в

отдельности, а всего общества в целом. Также он придавал большое значение самому процессу формирования культуры и процессам взаимодействия [178].

В рамках своей позитивной теории моральной силы О. Конт говорит о том, что социальное назначение женщины непосредственно является необходимым следствием их истинной природы, заключающейся в стремлении давать перевес общественного чувства над личным. При том что данное моральное качество женщины не присуще мужчине, это превосходство не даёт женщине особых привилегий и не ставит её выше него, поскольку при правильном взгляде на реальную цель человеческого существования их взгляд на способы достижения целей остаётся устаревшим (отсталым, непрогрессивным). Также женщина уступает мужчине как в физической, так и в интеллектуальной, волевой силе вследствие естественных законов развития животных организмов. Это обрекает женщин «умерять посредством любви царство силы» [110, с. 63]. Также философ указывает, что каково бы ни было реальное значение общественной роли женщины, отводимой ей в окончательном строе Человечества, их социальное назначение преимущественно семья и домашний быт, причём материнство – не основное в семье, так как брак может быть бесплоден, а плохая жена обычно не может быть хорошей матерью. Поэтому в позитивизме изначально возникает представление о женщине как о подруге мужчины, при этом игнорируется её роль матери [там же, с. 79].

Ж. М. Э. Лакан (фрейдист, постструктуралист, применивший новый подход к описанию структуры психики, основанный на структуре языка) размышляет о материнстве в контексте психоаналитических взглядов. Важность «первичного материнского другого» для выживания новорожденного, обусловленная идеей преждевременности его рождения и биологической недостаточности, занимает центральное место в его идеях. Ж. Лакан определяет «Другое» как предшествующее и предопределяющее субъекта. Отношения родителей до рождения ребёнка также формируются

посредством речи (слова), подчиняясь «законам языка». По мнению Ж. Лакана, ребёнок вынашивается в «купели языка». Мать является для него ближайшим «Другим», и её забота, и физический контакт, а также её желание становятся объектом вождления ребёнка. Здесь мы видим влияние философии Гегеля и Кожева, которые утверждают, что основное желание в человеческом мире заключается в стремлении быть признанным [248].

Также в философии многочисленны работы авторов, поддерживающих идеи феминизма и экофеминизма [18; 33, с. 137–144], сделавших вызов вышеуказанным взглядам, где основной идеей является мысль о том, что мужская власть, происходящая от мужского доминирования, стала неотъемлемой частью системы семейного уклада, не являясь при этом ни естественной, ни неизбежной. И хотя феминизм предлагает разнообразные и порой противоречивые точки зрения на материнство, его представители в конце концов приходят к данной точке зрения. Далее семья понимается как полностью включённая в экономические и политические системы, а также признаётся несоответствие, а иногда и конфликтность интересов её членов. Так, материнство рассматривается как кабала для женщины, ограничивающая её право выбора и автономность.

Н. Чодороу в исследовании под названием «Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера» пишет, что «материнская функция женщины служит воспроизводству семьи и её структуры в обществе с мужским доминированием. Половое и семейное разделение труда, при котором материнские функции выполняет женщина, создает половое разделение психической организации и направленности. Оно приводит к появлению женщин и мужчин с социально порождённой тендерной идентичностью; эти женщины и мужчины вступают в асимметричные гетеросексуальные отношения» [235, с. 247]. Отвергая понимание материнского поведения как проявление инстинкта, автор определяет образ матери как главный элемент в идентификации личности человека. По своему

смысловому содержанию термин «материнство» определяется Н. Чодороу в качестве «работы» женщины, направленной на воспроизводство членов общества.

Не соглашаясь с несправедливостью, присутствующей в семейных отношениях, М. Уоллстонкрафт призывала к равенству женщин внутри семьи, а также поддерживала их право на образование и профессиональное самовыражение. В отличие от современных феминисток, она не отрицала того факта, что с развитием женщины и её возможностей на более высоком уровне поднимается и её способность выполнять материнские обязанности [251].

Н. МакКланг, продвигающая идеи материнского феминизма, считала, что в обществе и политике особенную и важную роль играют женщины, которые являются «матерями нации» и воспитателями новых поколений. От их действий зависит национальная и социальная чистота, а также преемственность национальных традиций: «Женщины, естественно, являются хранительницами рода человеческого, и каждая нормальная женщина мечтает о детях. Дети также не являются препятствием на жизненном пути, они являются источником вдохновения. Мы слишком много слышим о бремени материнства и слишком мало о его преимуществах» [278]. Тем не менее она не отрицала очевидной роли женщин в воспроизводстве рода и в сохранении семейного очага: «Женщины предназначены для двух вещей: производить на свет детей и обеспечивать комфорт мужчинам, а затем они должны молчать, и если их сердца разрываются от горя, пусть они разрываются тихо – вот и всё. Ни одна женщина не является столь непопулярной, как шумная женщина, протестующая против этих вещей» [там же]. Представляя интересы женщин и выступая в защиту их прав, она говорила о том, что, получив право голоса, женщины смогут сохранить традиционные устои и семьи, и общества, и подчёркивала, что «все здравомыслящие взрослые люди (должны) обладать

равным правом голоса в процессе принятия законов, которым они должны в равной степени подчиняться» [184, с. 23].

По мнению С. Файерстоун, которая придерживалась радикальных феминистских взглядов, беременность и материнство являются яркими проявлениями подавления женщин и, таким образом, подвергают сомнению необходимость «биологической семьи», являющейся одной из основных причин классового разделения общества по признаку половой принадлежности. В связи с этим достижения в области развития репродуктивной технологии должны освободить женщин от всех ограничений, связанных с беременностью и воспитанием детей, так как на пути к экономической свободе женщины не должны стоять такие предрассудки, как материнство, деторождение и семья [266].

Ч. Томас Филлипс в работе «Феминизм и семья: историко-социологический анализ» представил исторический обзор феминистических воззрений, сложившихся в ходе политической борьбы за права женщин в США, а также противопоставил моральную теорию семейной любви феминистским трактовкам сексуальности и неприятия материнства [225]. Указывая на естественную взаимодополняемость мужчин и женщин, он подчёркивает, что феминистская концепция прав женщин выносит за рамки обязанности женщин по отношению к мужчинам, фокусируясь исключительно на правах женщин, отделённых от общего конгломерата прав человека. Автор считает, что это приводит к пренебрежению женщинами своими обязанностями в семье.

В современной западноевропейской философии также активно обсуждаются вопросы материнства. Ю. Кристева, поддерживающая взгляды Н. Чодороу, считает, что материнство – это как раз и есть то «начало, в котором наиболее явственно видно столкновение Природы и Культуры, столкновение, переходящее в конфронтацию» [цит. по: 166, с. 52]. Материнство представлено философом как образ жизни, мировоззрение,

дающее женщине возможность «...выразить всю себя в нежности, в желании защищать, во всепоглощающей любви женщины-матери» [229, с. 98]. Ю. Кристева выделяет понятие «материнская страсть», подразумевающее очень сильное, неистовое влечение, которое не поддается контролю и граничит со страданием и безумием. При этом она указывает, что материнство не функция, а именно страсть, преобразующая эмоции, которые можно объяснить биологически (привязанность и одновременно агрессивность к плоду, а затем к младенцу и ребёнку), в осмысленную любовь, под которой автор понимает идеализацию ребёнка, преданность ему, проект длительной общей жизни с ним [35].

Ш. Линтотт в исследовании «Материнство – философия для всех: рождение мудрости» размышляет о матерях, материнском и материнстве в философском аспекте. Здесь рассматривается взаимосвязь данного феномена с серьёзными философскими и практическими вопросами, такими как связь между знаниями матери и наставлениями экспертов по уходу и воспитанию, смысл и красота, которую мать может найти в своей материнской работе, какие моральные достоинства помогают матери добиваться успеха, необходимость и выраженность контроля над поведением детей при воспитании. Также Ш. Линтотт анализирует проблемы материнства в приёмных и небинарных семьях, рассуждает о праве женщины на репродуктивный выбор, о грудном вскармливании в целом и о мужском кормлении грудью в частности, о субъективности восприятия красоты младенца и других проблемах [276].

В работах русских религиозных мыслителей представлена совершенно другая точка зрения на материнство. Т. В. Елисеева [75, с. 63–67] указывает на то, что логика христианского мировоззрения, основанная на ценностях русской культуры и православных традициях, способствует проявлению особого отношения к женскому началу. В русской философии материнство содержит идею космичности, сочетающую в себе природное, религиозное и

социальное через единство: Матери – сырой земли, Богородицы и почитание женщины-матери. В русской философской мысли можно выделить два подхода к анализу образа материнства: религиозно-идеальный и религиозно-реальный. Сторонники первого направления (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. С. Соловьёв и другие) придают святому материнству сакральный смысл. Данные идеи оказали значительное влияние на развитие учения о Софии – Премудрости Божией. Представители второго направления философии (Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, С. Л. Франк и другие) рассматривают трансформацию образа Богоматеринства и его олицетворение в реальной жизни.

Таким образом, материнство как высшее проявление нравственности занимает особое место в отечественной философской мысли. Взгляды на детородную способность женщины меняются, и теперь её рассматривают как космическую модель, символ духовности. Материнство – это не только основа для творения мира и человека, но и способ создания новой жизни, который питается Любовью и обладает позитивным, милосердным и всеобъемлющим характером. София и Софийность в русской философской мысли становятся универсальными символами материнства, которое является вершиной проявления духовности. Главенствующим элементом в русской культуре является культ женщины-матери, который наполняет пространство великим самоценным развитием личности женщины через материнство, где деторождение – это способ реализации Божественного предназначения и священный долг. Самореализация через материнство становится абсолютизированной системой жизненных ценностей для женщины и залогом гармоничного будущего для культуры и общества в целом [67, с. 79–93; 78, с. 109–112; 217, с. 282; 228, с. 110].

В современных отечественных философских исследованиях тема материнства также достаточно разнообразно представлена. А. С. Хачатрян рассматривает социально-философский аспект проблемы женщины и семьи в

философии Живой Этики и делает попытку определить, какое место отводится женщине и семье в современном мире, подчёркивая роль и значимость женщины как носительницы духовного начала в Культуре общества, а также роль её великой миссии в спасении человечества и жизни на нашей планете [230]. Э. Р. Фахрутдинова анализирует основные тенденции в трансформации представлений о ценности материнства и социальных ролях женщин в философии марксизма и концепции общества потребления [221, с. 1404–1408]. В. А. Рамих исследует материнство при помощи системного анализа в культурно-историческом, социальном и личностном аспектах, представляя его в качестве социокультурного феномена. Основное направление в её исследовании – материнство как одно из наиболее значимых явлений культуры и как уникальный механизм социализации: мать формирует жизненно важный культурный минимум [168]. В. В. Курашова исследует тему материнства и с точки зрения женской биологии, и с точки зрения жизни женщины в социуме на примере пьесы Т. Хоу (Tina Howe) «Рождение и после рождения» [257]. Главная тема пьесы – семейная жизнь и материнство, в частности проблема бесплодия. Автор исследования указывает, что особенность пьесы в том, что она поднимает проблему, которую не так просто решить в жизни и которая относится и к тендерной философии, и к этике, но главным образом к философии тела и женской биологии [120, с. 294–295]. Л. А. Баркова анализирует феномен материнства в современном российском обществе, рассматривая его в философско-историческом контексте как духовную ценность, изучая вызовы и угрозы его существованию и предлагая пути решения данной проблемы [14, с. 83–87; 15, с. 71–74]. Наиболее очевидной угрозой материнству в экономической сфере в российском обществе автор считает спад рождаемости, влекущий за собой перекося в соотношении трудоспособного и нетрудоспособного населения. Недостаточность государственных мер

поддержки маломобильных граждан, куда относятся и матери, влечёт за собой массовый отказ женщин от деторождения [16, с. 88–92].

Е. А. Ковалева (Реймер) рассматривает раннее материнство как феномен культуры, а также обосновывает роль понятия «культура раннего материнства» в качестве теоретической основы построения системы профилактики ранней беременности и поддержки юных матерей [105; 169, с. 30–33; 170, с. 32–38]. Е. В. Шамарина выделяет три основных подхода к определению содержания материнства в современной зарубежной и отечественной философии: социально-паритетный, нравственно-духовный и феминистский [237; 238, с. 257–261; 239, с. 188–189]. Л. В. Мантатова, исследуя философские основания концепции устойчивого развития, рассматривает традиционные семейные ценности в качестве основы устойчивого развития общества [139; 140]. А. В. Исаков в работе «Родительство как ценность в современном российском обществе» изучает и раскрывает вопросы социально-философского анализа сущностных характеристик и функций родительства, аксиологический статус родительства в современных гуманитарных исследованиях (в рамках системного подхода: разведение понятий «семья», «родительство», «материнство») [92, с. 181–185; 93; 94; 95]. Т. В. Свадьбина рассматривает семью как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей [181]. А. Ю. Дмитрийчук и Н. М. Дмитрийчук анализируют трансформационные процессы ценностного отношения к родительству в современном российской обществе, изменения социокультурных ролей мужчин и женщин в семье [68; 69].

Также одной из главных проблем для понимания специфики феномена материнства является проблема суггестии (внушения). Л. П. Гримак даёт следующее определение суггестии: «внушение или суггестия есть непосредственное воздействие речи (информации), имеющей определённую смысловую значимость или повелительный характер, влияющие на

психофизиологические функции и поведенческие реакции человека, к которому обращена речь (сигнал)» [64, с. 81–88]. Суггестия, являясь одной из технологий речевого воздействия, рассматривается как одна из частных форм манипуляции сознанием. Она апеллирует к способности человека принимать чужие слова как инструкцию к действию, не подвергая их анализу и сомнению. По мнению И. Ю. Черепановой, суггестия «традиционно определяется как воздействие на человека (прежде всего словесное), воспринимаемое им без критической оценки – латентное (скрытое) вербальное воздействие» [231; 232]. Суггестия настолько глубоко пронизывает все общественные отношения, мы встречаемся с ней с самого раннего детства, поэтому мы чаще всего её не замечаем, обращая внимание лишь на необычные её проявления.

В. Д. Исаев и В. Ильченко анализируют роль социальной информации в культурном становлении человека, составными элементами понятия «культура» являются «семья как основа культуры, нравственность, литература и искусство, религия и философия» [93, с. 156]. По мнению исследователей, информация – это «любые сигналы, которые приводят к изменению содержания и конфигурации цивилизации и культуры. Поскольку человек есть объект и субъект цивилизации и культуры, то, естественно, информация влияет и на человека» [там же, с. 163]. Разделяя информацию на культурную и цивилизационную, авторы приходят к выводу, что «столкновения информации разного качества и уровня ...проходят, условно говоря, в центре социума в виде кризисов, характерных для жизни современного человека и общества» [там же, с. 164; 145, с. 88–100].

Исследуя феномен материнства, мы обращались к источникам, в которых не говорится напрямую о суггестивном воздействии, но мы определили, что оно там имеет место быть. Так, по результатам исследования М. А. Беляевой [25, с. 23-29], анализирующей образ женщины в женских журналах, а также А. В. Микляевой и П. В. Румянцевой, исследующих образ

матери в сети Интернет, социальные представления о материнстве и функциях матери идеализированы и противоречивы, а в религиозном медиадискурсе материнства, выделенном А. А. Кувычко, реализуется дискурс о высоком предназначении матери. То есть посредством СМИ формируется идеализированное представление о содержании и целях материнства как о высшей духовной ценности, миссии матери, обязанности женщины.

Таким образом, мы видим, что как в отечественной, так и в зарубежной науке имеется большое количество различных взглядов и подходов к изучению содержания и сущности феномена материнства. С точки зрения естественных наук и медицины сущность материнства – это рождение и вскармливание детей, с точки зрения психологии – особенности психики матери, в норме выражающиеся в повышении эмпатии, необходимой для заботы о ребёнке, с точки зрения социально-гуманитарных наук и философии – это особая роль матери в обществе, выражающаяся в заботе о подрастающем поколении. Проведя обзор и критический анализ научных публикаций по теме исследования, мы выделили, систематизировали и описали основные направления в исследовании феномена материнства. Обобщив взгляды различных научных отраслей и направлений, мы видим, что «привести их к общему знаменателю» сложно, так как каждый исследователь смотрит на данную проблему с ракурса своей науки. В ранее проведённом нами авторском исследовании, результаты которого были опубликованы в статье под названием «Методологические подходы к исследованию феномена материнства» [129, с. 27–36], мы осуществили попытку структурировать имеющиеся подходы не по научным направлениям, а в зависимости от того, как тот, или иной исследователь решает для себя проблему соотношения естественного и социального. По результатам исследования нами представлена классификация научных взглядов в естественно-научных, медицинских и гуманитарных отраслях

знаний на сущность материнства по критерию соотношения его естественной и социальной сторон при выборе предмета исследования. Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1. Классификация научных взглядов в естественно-научных, медицинских и гуманитарных отраслях знаний на сущность материнства по критерию соотношения его естественной и социальной сторон при выборе предмета исследования

1. Выделение и исследование в качестве основополагающей естественной стороны материнства	2. Предпочтение исследования социальной составляющей материнства	3. Анализ взаимосвязи и противоречий естественной и социальной сторон материнства
<p>Естественные науки (биология, морфология, физиология, нейробиология), медицина (эндокринология, акушерство):</p> <ul style="list-style-type: none"> - анатомия и физиология репродуктивной системы женщины; - гормональная репродуктивная система женщины; - половой диморфизм; - морфология головного мозга матери; - эволюционная роль пола; - фертильность женщины. <p>Психология (бихевиоризм), этология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - общие механизмы репродуктивного поведения у человека и животного; - родительское поведение как инстинкт у человека и животного. 	<p>Медицина:</p> <ul style="list-style-type: none"> - институт материнства и здравоохранение; - демография. <p>Психология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - мать как элемент окружающей среды ребёнка; - психология репродуктивной сферы и материнства; - материнская доминанта в психофизиологии; - психологическая готовность к материнству; - поведение матери; - поведенческие отклонения от нормы в материнстве; - привязанность между матерью и ребёнком; - материнство как одна из социальных ролей женщин; - материнство как часть личности женщины. <p>История:</p> <ul style="list-style-type: none"> - отношение к материнству в разные периоды человеческой истории; - культурно-историческая природа материнства; - статус матерей в обществе при различных социально-политических условиях; - история материнства как социального института. <p>Антропология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - кросс-культурные исследования феномена материнства. <p>Социология:</p>	<p>Медицина:</p> <ul style="list-style-type: none"> - конфликты в социальных ролях матери и профессионала (на примере профессии врача). <p>Социобиология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обусловленность социального (включая материнское) поведения биологическими законами, генетической программой. <p>Антропология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - соотношение природного и социального в материнстве. <p>Психология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - соотношение природного и социального в материнстве. <p>Социальная философия:</p> <ul style="list-style-type: none"> - соотношение естественного и социального в материнстве.

	<ul style="list-style-type: none"> - возраст матери; - место матери в системе социальных отношений; - социальные роли женщины-матери; - социально-материальное обеспечение материнства; - материнство как социальный институт; - социальные проблемы материнства. <p>Социальная философия:</p> <ul style="list-style-type: none"> - предназначение женщины-матери, её роли; - содержание феномена материнства; - природа (сущность) материнства; - структура материнства; - материнство как мировоззрение; - материнство как социокультурный феномен; - материнство как ценность. 	
--	--	--

Пояснения к таблице 1:

1. Выделение и исследование в качестве основополагающей естественной стороны материнства. В данную группу относятся представители естественных наук, изучающие феномен материнства, акцентирующие своё внимание на роли репродуктивной функции женщины, её связи с половым диморфизмом; на влиянии гормонов, морфофункциональных изменений в процессе прижизненного онтогенеза на детородную функцию; на таких составляющих материнства, как беременность, процесс родов, грудное вскармливание и так далее. Психологи, в частности бихевиористы, также внесли свой вклад в изучение естественного в материнстве, видя сходство поведенческих реакций у человека и животного, но не замечая качественного отличия человеческого материнства. Из положительных результатов исследований бихевиористов можно выделить взгляды на такие естественные стороны психологии матери, как инстинкт материнства, определённого рода сходство воспитания потомства по принципу «стимул – реакция» у человека и животного. Здесь можно обнаружить тесную сложную связь между биологией и психологией,

которая позволяет ответить на вопросы о некоторых особенностях в психологии и поведении матерей, отнеся сюда же послеродовую депрессию, возникающую вследствие специфики гормонального фона во время беременности и после неё [129, с. 27–36].

2. Предпочтение исследования социальной составляющей материнства. Материнство как социальный институт, как элемент общественных отношений, культурные, религиозные, общественные взгляды на функции матери – объект внимания философов и социологов. Структуралисты выстраивают свои исследования вокруг родственных отношений матери в различных культурах. Изучение культурных традиций в воспитании подрастающего поколения, формирования материнства под воздействием социума, влияния политики и экономики государства, проблем одинокого, юного, малолетнего, девиантного материнства, феномена «чайлдфри», «чайлдхейт» и других социальных проблем, связанных с феноменом материнства, является предметом исследования представителями конкретных направлений социологии, истории, антропологии и других социально-гуманитарных наук. Представители психологии, психоанализа, трансперсональной психологии, бихевиоризма, психиатрии, гендерного подхода выявили и проанализировали такие элементы феномена материнства, как привязанность, чувство защиты ребёнка, стили материнства, ожидание определённых качеств у ребёнка как результат воспитания, социальное научение, гендерная роль матери, определяемая культурной средой, в которой она находится. Социальная сторона материнства анализируется и философами. Это и упоминаемые нами всем известные классики и многие современные авторы. В частности, некоторые представители феминизма считают все роли женщины (прежде всего роль матери) навязанными обществом. Представители естественных наук (биологи, историки медицины) описывают историю развития акушерской помощи, проводят анализ влияния экспертного мнения на материнские

воспитательные функции, изучают роль отца в родовспоможении и последующем становлении материнства, не только медицинские, но и социальные проблемы в ситуации раннего материнства, проблемы матерей из групп риска и так далее [129, с. 27–36].

3. Анализ взаимосвязи и противоречий естественной и социальной сторон материнства. Данное направление не просто учитывает наличие двух сторон в феномене материнства, но и анализирует связи и противоречия между ними. Так, представители естественных наук анализируют конфликты в социальных ролях матери и профессионала. В социобиологии объясняется социальное поведение людей проявлением биологических законов. Признавая наличие в их теориях редукционизма социального к биологическому, отметим, что ими был обнаружен ряд интересных закономерностей. Диалектика естественного и социального присутствует и в учении антрополога Б. Малиновского. Следует отметить исследование диалектической связи и противоречий естественного и социального в учении З. Фрейда, а также его последователей, в частности Ж. Лакана, Н. Чодороу и других [129, с. 27–36].

Таким образом, нами было выделено три основных подхода к изучению феномена материнства по критерию соотношения его естественной и социальной сторон вне зависимости от специальности исследователя:

- 1) выделение и исследование в качестве основополагающей естественной стороны материнства;
- 2) предпочтение исследования социальной составляющей материнства;
- 3) анализ взаимосвязи и противоречий естественной и социальной сторон материнства.

С социально-философской точки зрения наиболее продуктивным является третий подход, позволяющий исследовать феномен материнства в его целостности и противоречивости.

Составленная диссертантом классификация выполнена впервые. Она позволяет упорядочить различные исследования, посвящённые феномену материнства, на основе критерия соотношения его естественной и социальной сторон, а также, являясь открытой (незавершённой), может быть использована в последующих исследованиях указанного феномена с целью расширения и упорядочения новых научных представлений о феномене материнства с конкретизацией подходов и приведением примеров конкретных исследований.

1.2. ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО С ЕСТЕСТВЕННЫМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАТЕРИНСТВА

Материнство, являясь сложным социальным феноменом, основано на крепком естественном фундаменте, заложенном ещё в тот первобытный период, когда предок современного человека делал попытки выжить в природной среде, конкурируя с другими её обитателями, постепенно переходя от животной стадии своего развития к появлению человека разумного. Для правильного понимания общественных процессов, связанных с данным феноменом, при его изучении необходимо учитывать и рассматривать как социальные, так и естественные его стороны.

При выборе методологии нашего исследования мы обратились к совместной работе Н. Д. Субботиной и Е. Ю. Захаровой «Эвристические возможности методологических подходов к изучению системы “природа – общество” в доцифровой и цифровой эпохе» [214, с. 69–82], в которой обосновывается эвристичность разных методологий для решения разных исследовательских задач, в том числе методологии Н. Д. Субботиной в области исследования социального поведения человека. При изучении

феномена материнства данная методология даёт возможность увидеть, классифицировать и проанализировать его внешние и внутренние естественные, внешние и внутренние социальные предпосылки, сконструировать структуру материнства, выделяя его естественную и социальные стороны, обнаружить противоречия между естественным и социальным в феномене материнства, а также противоречия внутри его естественной и внутри социальной сторон. Всё это в совокупности даёт возможность более глубоко исследовать данный объект. Исходя из этого, в основу нашего исследования материнства, как естественно обусловленной специализации деятельности женщины, в качестве методологии положена концепция развития общества на основе естественных и социальных предпосылок, соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным Н. Д. Субботиной. В контексте этой концепции феномен материнства, являясь в первую очередь социальным явлением, строится «на основе естественных предпосылок, включает их в свою структуру, частично снимая их естественное содержание» [212, с. 63]. Социально-философский анализ диалектики социального и естественного в феномене материнства позволит нам выявить особенности его форм и содержания, функционирования, более глубоко проанализировать причины некоторых конфликтов между матерью и окружающим социумом с целью выработки путей их преодоления.

Обратимся к основным понятиям концепции. При самом первом приближении понятно, что к естественному относится то, что принадлежит природе и порождается ею, а социальное – это «общество, то, что принадлежит обществу и порождается им» [212, с. 8]. При этом Н. Д. Субботина указывает, что в научной литературе используются разные трактовки понятия «социальное». Ею были проанализированы два из нескольких значений этого понятия. Она пишет: «В первом значении социальное понимается как системное качество коллектива людей и

неанонимных животных. Здесь имеются в виду так называемые «социальные», живущие группами, животные. В коллективах таких неанонимных (т. е. имеющих индивидуальные характеристики и узнаваемых другими членами сообщества) животных существует разделение функций, взаимопомощь, совместный уход за потомством, защита от врагов» [208, с. 109]. Когда мы используем термин «социальное» в этом смысле, мы подразумеваем, что социальными являются не только люди, но и животные, достигшие определённой ступени развития. Второе значение понятия «социальное» более привычное в современной литературе, и оно означает такое качество, которое, напротив, отличает человека от животных – имеются в виду его сущностные качества – сознание, самосознание, нравственность и все элементы общества, возникшие благодаря этому. Н. Д. Субботина отмечает, что «только второе значение понятия “социальное” противостоит естественному в оппозиции “естественное – социальное”» [там же, с. 110]. Следовательно, если сравнивать эти понятия по объёму, то «первое определение одновременно и уже, и шире второго. Более узким оно является в том смысле, что охватывает только часть общественного – объединение людей в коллективы, а более широким – в том, что обозначает свойство, присущее не только людям, но и некоторым видам коллективных животных» [211, с. 132].

Исходя из этого, социальное в первом значении входит в состав естественного, а во втором – продукт общественной эволюции, выступающий как высший уровень развития системности. Только второе значение понятия «социальное» противостоит естественному в оппозиции «естественное – социальное», анализ которой позволяет дать полное определение понятий «естественное» и «социальное» во втором значении. Главное отличие социального во втором значении – частичная осознанность процессов в индивидуальном и общественном сознании [211, с. 132].

Таким образом, в рамках изучения феномена материнства мы будем говорить о социальном как о «сущностной характеристике человеческого бытия, его качественного отличия от дочеловеческой природы», поскольку только оно «противостоит естественному» [209, с. 62], и использовать применительно к матери как первое, так и второе понимание понятия «социальное» в зависимости от контекста, уточняя каждый раз его значение. Такое понимание категорий «естественного» и «социального» необходимо рассматривать в диалектическом единстве в качестве первоосновы процессов, возникающих в обществе.

При исследовании проблемы соотношения естественного и социального в феномене материнства следует учитывать деление естественного на внешнее естественное и внутреннее естественное, а социального – на внешнее социальное и внутреннее социальное. К естественным основам социального процесса относится внешнее естественное и внутреннее естественное. Внешнее естественное – это не подверженная социогенному влиянию природная среда человеческого существования, внутреннее естественное – анатомо-физиологические особенности строения тела человека, специфика закономерности его психического развития, естественные потребности его организма, естественные половозрастные отношения, закономерности естественно-групповых отношений, естественные способы регуляции индивидуального поведения, различные объекты природы, вовлечённые в производственную деятельность человека, подчиняющиеся социальному началу, но одновременно не утратившие своего подчинения естественным закономерностям [209, с. 83].

Социальная сторона данного взаимодействия также имеет для человека внешнюю и внутреннюю стороны. Внешнее социальное – это социальные процессы, имеющие объективный характер и включённые в материальную и духовную сферы общества. Это особенности определённой социальной

среды, условия жизни общества (политические, экономические, культурные и т. д.), складывающиеся в каждую историческую эпоху, которые оказывают существенное влияние на жизнь людей. К внутреннему социальному относится «интериоризированное социальное, т. е. сознание и самосознание, речь, мышление, принятые индивидом социальные и культурные нормы, индивидуально-психологические закономерности и особенности» [42, с. 17]. Обязательно следует помнить, что внешние природные факторы существуют и для каждого человека, и для общества в целом, а внешние социальные – только для человека и человеческих групп со стороны общества в целом. Для самого общества внешнего социального нет [там же].

В ранее рассмотренных нами подходах к изучению материнства выделяются либо естественные, либо социальные его предпосылки, а соотношение естественного и социального в достаточной степени не анализируется. Обосновывая возможность применения социально-философского методологического принципа соотношения социального с внешним естественным и внутренним естественным в качестве основы изучения естественных и социальных предпосылок становления материнства, мы предлагаем определение понятия «материнство» с учётом соотношения естественного и социального.

Рассмотренная нами теория соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным Н. Д. Субботиной представляет собой «горизонтальный» срез взаимодействия природы и общества. Для учёта «вертикального» среза, обнаруживающего единство истории природы и общества, мы используем её же концепцию двух типов развития: развития на основе внешних предпосылок и развития на основе внутренних, собственных предпосылок. Обоснование данных типов развития было дано на основе диалектического учения о развитии, разработанного Г. В. Ф. Гегелем, который в работе «Энциклопедия философских наук» показал, что всякое новое возникает в недрах старого («нечто имеет своё бытие в некоем

другом»), содержащего в себе условия (предпосылки, как он их называет) для возникновения нового («непосредственная действительность содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого»). Затем, в ходе становления нового, эти предпосылки диалектически снимаются, по словам Гегеля, они «уходят в основание» («условия, которые жертвуют собой, идут к основанию и поглощаются, сливаются в другой действительности лишь с самими собой»), и новое обретает собственную основу развития [48, с. 280, 320]. На основании этого можно утверждать, что процесс развития состоит из двух этапов: развитие на основе внешних предпосылок (развитие как становление) и развитие на основе внутренних предпосылок (развитие как совершенствование). Каждый из этих этапов обладает качественной определённой, поэтому их можно обозначать как самостоятельные типы развития.

Тип развития на основе внешних предпосылок не способен предоставить развивающемуся объекту или явлению достаточную самостоятельность и устойчивость, поэтому данное развитие характеризуется преимущественно внешней детерминацией, зависимостью от внешних условий. Влияние внешних предпосылок сказывается на форме, а порой и на содержании объекта развития. Однако специфику развивающейся системы внешние предпосылки обусловить не в состоянии, так как она сама регулирует обмен веществ и информации с внешней средой, встраивая её элементы в собственную структуру. Происходит это потому, что в качестве системообразующего элемента любой становящейся системы выступает система, уже завершившая этап становления. Здесь речь идёт о саморазвивающихся открытых нелинейных системах.

Когда же система сформировалась настолько, что уже способна обеспечить развитие созданными ею самой предпосылками, вступает в действие второй тип развития. Тип развития на основе собственных предпосылок проявляется как дальнейшее совершенствование

сформировавшейся системы. Этап совершенствования отличается большей устойчивостью, система более самостоятельна, меньше зависит от внешних условий и приобретает качество ускорения развития. Данные типы развития присущи и материальным и духовным системам, а поскольку любая система включает в себя множество подсистем, то в ней, как правило, одновременно присутствуют оба типа развития [207].

Концепция двух типов развития Н. Д. Субботиной создана на основе гегелевской диалектики. Эти типы развития проявляются в становлении и совершенствовании всех предметов и явлений, в том числе в развитии общества и всех социальных феноменов, в том числе и феномена материнства.

Таким образом, указанная теория в качестве методологического подхода¹ показывает, что общественная система развивается на основе естественных предпосылок, включённых в её структуру при частичном снятии их естественного содержания. Отсюда следует вывод, что изучение социального процесса предполагает анализ диалектики внешнего естественного в виде окружающей природы, внутреннего естественного, в виде генетической программы, морфологии, физиологии и психологии человека, внешнего для человека социального, т. е. общества в целом, и внутреннего социального – интериоризованных общественных знаний, норм, правил, идей и пр. Поскольку система общества строится на основе естественных предпосылок, она включает их в свою структуру, частично снимая их естественное содержание. Такой подход обращает внимание на процессы не только внешнего, но и внутреннего взаимодействия общества (и человека как составной части общества) с природой, поэтому большое

¹ Примечание: Теория (греч. *theoría*, от *theoréo* – «рассматриваю, исследую») в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существующих связях определённой области действительности – объекта данной теории (Источник: Большая советская энциклопедия). Следовательно, любая теория раскрывает закономерности, связи, но не случайные, а существенные, повторяющиеся, устойчивые. Если теория раскрывает эти связи, то другой учёный, даже в другой области исследования, если речь идёт о философской теории, может эти связи увидеть в своём предмете исследования. Таким образом теория становится методологией.

значение приобретает проблема естественных основ социального процесса и человеческого поведения [209, с. 83-96].

При осуществлении комплексного анализа феномена материнства, по нашему мнению, следует учитывать и положения теории суггестии, что позволит рассмотреть процесс становления материнства с учётом её роли. Суггестия, наряду с другими феноменами, такими как конформизм, подражание, огруппление мышления, групповая поляризация и другие, включена в закономерности естественно-групповых отношений [210, с. 89]. Данные закономерности проявляют себя в различных социальных (как в первом, так и во втором значении данного понятия) явлениях, включая материнство.

О суггестии речь идёт тогда, когда правила группы принимаются человеком неосознанно, то есть имеет место суггестия (от лат. *suggestio* – «внушение»), определяемая как «процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта» [13].

Суггестию можно определить как стихийно возникший способ включения инстинктивного подчинения, возникший ещё в доцивилизированный период развития человечества. Она действует не только на психику, но и на химические, биотические процессы в организме. В цивилизованном мире суггестия как естественно-социальная предпосылка развития общества не была полностью преодолена, а сохранилась как необходимый элемент социальной системы, который во многом уравновешивается контрсуггестией, что позволяет сохранить устойчивость человеческих коллективов как общественных систем. Защитные средства ограничения суггестивного воздействия были названы контрсуггестией Б. Ф.

Поршневым. Им же была выделена классификация её видов (обобщённо их можно представить как внутрикollectивные и внешнеcollectивные). Таким образом, суггестия – это «стихийно возникший способ включения инстинктивного подчинения». Она возникла как результат соединения естественных способов регуляции поведения, возникших ещё до человека, и человеческой речи и является одним из основных механизмов самосохранения общества [213, с. 11–17].

Н. Д. Субботина рассматривает диалектику двух взаимосвязанных явлений – суггестии и контрсуггестии, понимая под первой механизм включения инстинктивного подчинения требованиям извне, а под второй – способы защиты от нежелательного суггестивного воздействия.

Таким образом, проблема суггестии является одной из основных для понимания специфики предпосылок материнства. Суггестивное воздействие на индивида со стороны группы в процессе их взаимодействия и взаимовлияния следует отнести к социально-естественным механизмам. Для феномена материнства на всех этапах его развития склонность индивида к суггестивному воздействию (как физиологическая, так и психологическая) является одной из важнейших предпосылок.

1.3. ПОНЯТИЕ МАТЕРИНСТВА С СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Как мы показали выше, изучению феномена материнства посвящены исследования многих научных отраслей, в каждой из которых имеются собственные подходы, методы исследования, терминология. Более того, в разных странах одно и то же понятие может трактоваться по-иному, через призму культуры и традиций данного общества. Учитывая эти факторы, для исследования понятия материнства мы обратимся не только к отечественным, но и к зарубежным литературным источникам. В авторской

статье под названием «Философский анализ понятия “материнство”» [132, с. 70–81] нами были изложены результаты изучения содержания термина «материнство» в справочниках и словарях различных наук, а также его сравнения с синонимичными терминами (материнский инстинкт, привязанность, влечение) по смысловому значению. В данном параграфе мы дадим более детальный анализ исследуемой терминологии, а также рассмотрим социально-философские подходы к феномену материнства и основанные на этих подходах его определения.

Для того чтобы проанализировать феномен материнства с социально-философской точки зрения, в частности с позиции диалектики естественного и социального в нём, необходимо разобраться в смысловом значении самого термина «материнство». Так, в различных толковых словарях русского языка имеются либо сходные по смыслу, либо идентичные определения. Например, в словаре С. И. Ожегова содержится следующее определение: «1. Состояние женщины-матери (преимущ. о периоде беременности и младенческих лет ребёнка). Охрана материнства и детства. 2. Свойственное матери сознание родственной связи её с детьми. Чувство материнства» [156, с. 345]. В словаре Д. Н. Ушакова даётся определение, сходное с вышеуказанным: «1. Беременность, роды, кормление ребёнка, как функция женщины-матери. Охрана материнства и младенчества обеспечена статьёй 122 Конституции СССР. 2. Родственная связь матери с детьми. Чувство материнства. Инстинкт материнства» [219, с. 290]. В словаре С. А. Кузнецова имеется следующее определение материнства: «1. Состояние женщины-матери в период беременности, родов, кормления и воспитания ребёнка. Охрана материнства и детства. Заботы материнства. 2. Свойственное женщине-матери чувство к детям, желание быть матерью. В ней проснулось м(атеринство). М(атеринство) свойственно большинству женщин. Неудовлетворённое м(атеринство)» [32, с. 525].

Во всех вышеперечисленных определениях даётся двойное понимание материнства, как со стороны естественной функции организма женщины (беременность, роды, кормление и так далее), так и со стороны чувственной сферы матери (сознание родственной связи матери с детьми, чувство материнства, инстинкт материнства). Все три определения отражают естественную сторону феномена материнства, но здесь же мы видим и отражение социального в данном феномене, где материнство определяется как социальный институт по охране материнства и детства.

В справочной литературе по философии нами не было найдено прямого определения материнству, но рассуждения о данном феномене имеются в философском словаре А. Конта-Спонвиля в разделе: «Мать (Mère)»: «...Женщина, выносившая и родившая ребёнка. Почти всегда это ещё и женщина, любящая и защищающая ребёнка (в том числе и от его отца), та, кто его кормит, баюкает, воспитывает, ласкает и утешает...» [112, с. 200]. Также же автор рассуждает о понятиях материнства в отношении кровного родства и функциях материнства (рождение, воспитание) в контексте проявления любви к ребёнку: «Издавна существуют такие понятия, как приёмная мать и биологическая мать, и они совершенно обоснованы. С недавних пор в нашу жизнь вошло понятие «суррогатная мать», и, хотя само выражение кажется мне чудовищным, в нём также содержится позитивный смысл. Дело в том, что две основные функции материнства – рождение и воспитание ребёнка, обычно неразделимые, – не обязательно должны оставаться таковыми. Любовь к ребёнку значит, бесспорно, больше, чем переданные ему гены» [там же]. Здесь же А. Конт-Спонвиль задаётся вопросом определения источника материнской любви и делает попытку дать на него ответ: «Что такое материнская любовь – инстинкт или культурный факт? Споры на эту тему ведутся давно и упорно. Ясно, что не инстинкт (материнская любовь знает исключения и не включает в себя врождённых навыков). Значит, культурный факт? Похоже, что так, хотя “подвоём”, судя

по всему, служит биологический материал» [112, с. 200]. Отсюда можно сделать вывод, что аспекты материнства, проявляющиеся в биологическом зачатии, вынашивании и рождении, находятся в плоскости естественного, а такие разновидности материнства, как приёмное и суррогатное, сочетают естественные и социальные характеристики.

В справочной социологической литературе значение термина «материнство» аналогично определениям, данным в орфографических словарях. Так, в Социологическом энциклопедическом словаре материнство определяется как: «1. Основная биологическая функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода (вынашивание, рождение, вскармливание ребёнка). 2. Одна из социальных ролей женщины» [144]. Если обобщить данные всех рассмотренных нами источников, то можно сделать заключение, что материнство определяется социологами исходя из репродуктивной способности женского организма и в качестве социальной роли женщины-матери, включающей в себя выполнение функций по выхаживанию и воспитанию ребёнка. Также феномен материнства рассматривается ими в виде компонента общественного института родительства, причём как отдельно, так и в сочетании с другими его компонентами.

При исследовании отечественных педагогических словарей и справочной педагогической литературы на наличие определения феномена материнства мы нашли его лишь в словаре В. С. Безруковой «Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)» [20, с. 436]. В развёрнутом определении автор указывает на социально-психологическую, биологическую, а также духовную составляющую в понятии материнства: «Материнство – социально-психологическое и биологическое состояние женщины-матери, возникающее под влиянием её биологических и социальных отношений с ребёнком. Это глубоко эмоциональное состояние. Оно определяется ощущением кровного родства с ребёнком, выполнением

репродуктивной, защитной (биологической, психологической и социальной), а также воспитательной функцией по отношению к нему. Материнство юридически закреплено у всех народов. Женщиной оно переживается как любовь, забота, защита ребёнка, как способность к самопожертвованию. Это самое высокое духовное чувство: чем выше духовность женщины, тем богаче и разностороннее материнство» [20, с. 436]. Здесь же автор анализирует такие термины-антиподы, как «мать» и «мачеха». В первом понятии, помимо естественности проявления, отражена его символичность: «Мать – родительница, родившая женщина по отношению к своим детям. Это великий символ дарения жизни индивиду, его защищённости и благополучия и дальнейшего плодородия. Мать символизирует саму жизнь, преданность вновь рождённому поколению, заботу о нём на протяжении всей своей жизни и за её пределами... Мать воспринимается обществом как мудрость, терпение, доброта. Мать – это то, что не зависит от характера общества и времени, это то, что природно вечно, что выходит за пределы интеллекта и разума. Мать – это независимая ни от чего любовь, в высшем смысле как любовь Божьей Матери к Иисусу Христу – Богу и Сыну» [там же, с. 437]. Во втором понятии, помимо анализа интерпретации социально сложившегося образа мачехи как «анти-матери», В. С. Безрукова подчёркивает социально значимое содержание данного термина: «Мачехи выполняют огромную социальную роль в обществе. Сегодня такая роль используется не только в частных семьях, но и семейных детских домах. Всё больше утверждается пословица: “Не та мать, что родила, а та, что воспитала”» [там же, с. 438].

При исследовании понятия материнства в отечественной справочной литературе мы столкнулись с тем, что оно не встречается в психологических и религиоведческих словарях, что совершенно не отражает значения изучаемого понятия для данных областей наук. Психология довольно обширно анализирует указанный феномен посредством изучения его

содержательной части, развития, структуры и так далее [224]. В религии же большое значение приобретает образ Божьей Матери.

В словарях и справочной литературе по медицине понятие материнства также рассматривается исходя из биологической и социальной его составляющей: как репродуктивная функция женского организма и как одна из социальных ролей женщины-матери, исполняющей обязанности по воспитанию подрастающего поколения.

Таким образом, обобщив вышеизложенные определения, можно сделать вывод, что феномен материнства в перечисленных отраслях науки рассматривается с двух основных позиций: с естественной – как основная биологическая функция женского организма, направленная на воспроизводство рода человеческого, а также с социальной – как важная социальная роль женщины, являющаяся частью социального института родительства.

Выше мы отмечали, что термин «материнство» в различной справочной литературе, словарях и энциклопедиях синонимичен таким понятиям, как «инстинкт материнства», «влечение», «привязанность». Далее мы проанализируем, насколько это справедливо. Итак, в определениях толковых словарей встречается синонимичность понятий материнства и материнского инстинкта, поэтому далее мы рассмотрим термин «инстинкт», в том числе словосочетание «материнский инстинкт».

Понятие «материнский инстинкт» не имеет чёткого определения и используется в различных контекстах. В биологии оно рассматривается как врождённая способность самок заботиться о своем потомстве, а в психологии – как комплекс поведенческих реакций, направленных на защиту и воспитание детей. В толковых словарях русского языка материнский инстинкт определяется как подсознательное чувство, сродни врождённому чутью любящего человека. Например, в толковом словаре С. И. Ожегова даётся два определения: «1. Врождённая способность совершать

целесообразные действия по непосредственному, безотчётному побуждению. И(нстинкт) самосохранения. 2. Подсознательное, безотчётное чувство, внутреннее чутьё. Понять что-нибудь инстинктом любящего человека. Материнский и(нстинкт). Врождённая реакция организма, возникающая в ответ на внешние или внутренние раздражители» [156, с. 248]. В новой философской энциклопедии инстинкт трактуется как форма приспособительного поведения к окружающей среде, выражающаяся в инстинктах, передающихся посредством наследственности внутри рода или вида: «Инстинкт – форма приспособительного поведения к окружающей среде, в основе которой лежат врождённые рефлексy. Каждый род или вид живых существ имеет собственные инстинкты, которые определяются сложностью его анатомо-морфологических структур и в первую очередь нервной системы. Инстинкт отражает полезный опыт предыдущих поколений, реализуемый в виде поведенческих реакций. Способность к совершенствованию инстинктивных действий передаётся по наследству» [91]. В социологической, педагогической и медицинской литературе определения инстинкта имеют схожий смысл – инстинкт как форма врождённых поведенческих реакций. Таким образом, мы видим, что в философской, социологической, педагогической и медицинской справочной литературе определение инстинкта имеет чисто биологический контекст. В психологии же нет единого мнения о природе материнского инстинкта. Некоторые исследователи считают, что он является врождённым, в то время как другие утверждают, что он формируется в процессе воспитания и социализации. Сторонники врождённости материнского инстинкта указывают на то, что он наблюдается у всех млекопитающих, включая человека. Они также ссылаются на исследования, которые показали, что женщины, которые не имеют детей, часто испытывают желание заботиться о чужих детях. Противники врождённости материнского инстинкта утверждают, что он является социально-культурным конструктом, который

варьируется в зависимости от времени и места. Они указывают на то, что в некоторых культурах материнство не считается обязательным, а в других женщинам разрешается иметь лишь определённое количество детей (например, в Китае – не более трёх детей).

В настоящее время большинство психологов придерживаются мнения, что материнский инстинкт не является чисто биологическим или чисто психологическим феноменом. Скорее, он является результатом взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Биологические факторы, которые могут влиять на материнский инстинкт, включают гормональные изменения, которые происходят во время беременности и после родов. Эти изменения могут вызывать чувства привязанности к ребёнку и желание заботиться о нём. Психологические факторы, которые могут влиять на материнский инстинкт, включают личный опыт женщины, её отношения с родителями и другими значимыми людьми, а также её представления о материнстве.

В большом толковом словаре по психологии имеется следующее определение: «Материнское влечение (или инстинкт) вообще – тенденция женских особей различных биологических видов проявлять модели так называемого материнского поведения: кормление, опека и защита детей» [31, с. 432]. В данном определении мы видим ещё один синонимический инстинкту и материнству термин – «материнское влечение». Мы также рассмотрим его позже. К тому же, в некоторых справочниках по психологии при определении инстинкта говорится о том, что данному понятию дать однозначное определение не представляется возможным, так как в разные времена в данный термин вкладывалось различное значение [90]: от прямого отвержения термина до полного принятия его наличия и «сверхполезности». Кроме того, многие психологи в качестве синонима к понятию «инстинкт» использовали понятие «врождённое поведение» [92]. В данном исследовании мы не станем углубляться в определение значения указанного термина

вследствие широкого спектра его использования в различных науках, а также из-за возможного риска ухода в сторону от темы нашего исследования.

Обобщив вышеизложенное, мы видим, что определение термина «инстинкт» сходно в его интерпретации во всех рассматриваемых нами научных направлениях и содержит в себе преимущественно биологическую составляющую. Однозначного и чёткого понимания материнского инстинкта в изучаемых источниках мы не нашли. Также нами выделено такое понятие, как материнское влечение. В Большом толковом психологическом словаре оно представлено синонимом инстинкта, в том числе материнского. Ниже мы рассмотрим данный термин более подробно.

Как было отмечено ранее, понятие «материнское влечение» встречалось нам лишь в Большом толковом словаре по психологии: «Материнское влечение (или инстинкт) – вообще – тенденция женских особей различных биологических видов проявлять модели так называемого материнского поведения: кормление, опека и защита детей» [30, с. 432]. В остальных литературных источниках имеются лишь определения понятия «влечение» вне материнской сферы. К примеру, в толковых словарях русского языка влечение определяется как «сильная склонность к кому-, чему-либо» [32, с. 136; 156, с. 86]. Схожее определение даётся и в «Философском энциклопедическом словаре» [226, с. 86], но в нём имеется также трактовка, соответствующая области философских знаний: «1. Порыв, согласно Шелеру, низшая ступень психического, имеющаяся уже у растения. В человеке встречаются влечение и дух, которые в то же время являются атрибутами первосущего; 2. Телесно-духовная «сила», чувство потребности, пытающееся найти своё удовлетворение в действии. По Шопенгауэру, влечение является одним из этапов в развитии воли: физико-химические процессы – рефлекс-влечение – страстное желание – воля» [41]. Поскольку нашей целью является дифференциация понятий, синонимичных понятию материнства, мы не станем углубляться в понимание влечения М. Шелером

[237] и А. Шопенгауэром [245; 246], иначе мы рискуем выйти за рамки нашего исследования.

В социологическом энциклопедическом словаре влечение определяется следующим образом: «1. Непреодолимая склонность к чему-нибудь; сильное стремление; 2. Первичное эмоциональное проявление потребностей человека в чём-либо, побуждение, ещё не опосредствованное сознательным целеполаганием» [39]. Как можно заметить, первое определение не отличается от трактовки понятия в толковых словарях, а второе сходно по смыслу с определением инстинкта. Оба трактования несут в своём смысле биологическую сущность и бессознательность проявления.

В толковом словаре психиатрических терминов влечение определяется как «психологическое состояние, неосознаваемый этап формирования потребности. Представленная в нём потребность либо не развивается, угасает, либо, становясь осознаваемой, реализуется в форме конкретного желания, мечты и тому подобное» [40], а в Медицинском словаре влечение рассматривается как «возникающее независимо от сознания субъективное переживание потребности, стимулирующее деятельность человека и придающее ей направленность» [38]. Причём во втором случае оно рассматривается, скорее, в качестве патологического состояния психики человека – импульсивного, контрастного и навязчивого влечения [там же].

Таким образом, понятие «влечение» также вариативно в его определении, однако основополагающей его составляющей является бессознательный компонент, свойство психики человека, посредством которого осуществляется стимулирование его деятельности и определяется её направленность. Указанный термин сходен с понятием инстинкта, что нашло своё отражение в трактовании материнского влечения (или инстинкта) в Большом толковом психологическом словаре, и, что закономерно, синонимичен понятию «материнство».

Помимо синонимичных термину «материнство» понятий влечения и инстинкта, мы посчитали необходимым проанализировать значение определения детско-материнской привязанности, поскольку оно довольно часто используется в различных исследованиях, посвящённых изучению феномена материнства. Отметим, что при проведении исследования нами не обнаружено определения детско-материнской привязанности, тем не менее в научной литературе встречается термин «материнская привязанность». В своём содержательном значении оно равноценно выделенному нами понятию.

Для начала мы проанализируем термин «привязанность» вне сферы материнства. Так, в Большом толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова привязанность определяется как «1. Чувство близости, основанное на глубокой симпатии, преданности кому-, чему-нибудь; 2. Человек или предмет, к которому кто-нибудь привязан» [219, с. 526]. В других толковых словарях определения привязанности содержательно аналогичны указанному.

В толковых словарях русского языка привязанность определяется как чувство близости, основанное на глубокой симпатии к чему-либо, с одной стороны, а с другой, как человек, к которому кто-либо испытывает привязанность. В философском словаре привязанность определяют в употреблении данного термина в повседневном языке как «особый вид аффекта – исключительно нежную любовь без страсти, без бурных проявлений, без ревности» [163]. В Словаре-справочнике по социальной работе дано следующее определение привязанности: «длительно существующая эмоциональная связь между двумя индивидами, побуждающая их искать взаимной близости и получать удовольствие от общения друг с другом» [162]. В психологической справочной литературе привязанность рассматривается как в его обобщённом значении (эмоциональная связь между людьми), так и в контексте психологии

развития и исследования психики младенцев (эмоциональная связь, возникшая между младенцем и одним или несколькими значимыми взрослыми) [31, с. 110]. В педагогической и медицинской справочной литературе определений термина привязанности нами найдено не было. Мы это связываем с тем, что данный термин больше относится к психологии, нежели к педагогике и медицине.

Изучив англоязычные толковые словари, словари синонимов, а также справочную литературу по философии, социологии, культурологии, мы обнаружили некоторые отличия в толковании термина «материнство» от интерпретаций в аналогичной отечественной справочной литературе. Отметим, что выбор источников в интересующей нас области за рубежом представлен гораздо шире, нежели в отечественной науке. Данное обстоятельство, с одной стороны, способствовало более глубокому изучению понятия «материнство», а с другой стороны, вызвало сложности в поиске материала для исследования.

Перейдём непосредственно к анализу понятия «материнство» в зарубежной литературе. В Кембриджском словаре английского языка материнство (motherhood) определяется как «состояние или время быть матерью» (“the state or time of being a mother”) [281]. Данное определение не содержит конкретики и скорее указывает на определённый отрезок в жизни женщины и её особое состояние в этот период. В Оксфордском словаре синонимов данному понятию даны следующие синонимы: 1. motherhood, parenthood, pregnancy – материнство, отцовство, беременность; 2. mother – мать – мать семейства, (женщина) родитель [291]. Отметим, что такая синонимичность лишает изучаемый нами термин половой принадлежности.

В Оксфордском социологическом словаре [268] понятие материнства дано описательно, с упором на современные реалии и социальную значимость материнства. Здесь же упоминается, что до 1970-х годов основное внимание уделялось либо деторождению как демографическому

явлению (где единицей анализа обычно были женщины, а не мужчины), либо воспитанию детей. Материнство же в основном рассматривалось в качестве полоролевой функции ухода за детьми. Также у исследователей вызывало беспокойство влияние поведения матери (и в меньшей степени отца) на ребёнка и, следовательно, на последующего взрослого. Феминистские движения 1970-х годов оказали заметное влияние на социологическое изучение материнства, поставив под сомнение родительское разделение труда, хотя исследования того времени показывали и продолжают показывать, что основную часть родительских обязанностей выполняют женщины. Важно отметить, что взгляды представителей феминизма сменили вектор исследования материнства с детородной функции женщины на сам опыт материнства в процессе вынашивания, выхаживания и воспитания ребёнка. Также исследователи поставили под сомнение распространённое предположение о том, что у женщин есть некая инстинктивная потребность иметь детей и проявлять заботу о них, и параллельно подвергли анализу неудовлетворённость и разочарования, связанные с материнством, особенно у домохозяек. Неудивительно, что некоторые феминистские теоретики предположили, что именно биологический факт деторождения является ключевым источником угнетения женщин [260]. Однако такие утверждения являются дискуссионными, и взгляды феминисток на значение материнства в жизни женщин являются предметом оживлённых дебатов.

В Кэмбриджском социологическом словаре [292] так же, как и в Оксфордском, утверждается, что по самой своей природе термин «материнство» является категорией отношений. То есть женщины, которые определяются как матери, в первую очередь понимаются с точки зрения их отношений со своими детьми. Однако с социологической точки зрения анализ материнства с позиции социальной организации может быть представлен в контексте гораздо более широких тем, таких как (гетеро)сексуальность, зачатие, рождение, воспитание детей, уход за детьми

и сочетание материнства с работой. Поскольку становление матерью, как правило, понимается как естественный или биологический процесс, задачей социологии было выявить способы, с помощью которых материнство изменяется по отношению к другим социальным трансформациям, и в рамках этого исследовать, как различные элементы материнства меняются и приспособляются с течением времени. Также в словаре упомянут термин «принудительное материнство», использованный Эдриенн Рич (Adrienne Rich) в книге “Of Woman Born: Motherhood As Experience” [286], включающий в себя представление о том, что в патриархальной культуре у женщин, находящихся в подчинённом в отношении мужа положении, не было иного выбора, кроме как стать матерями. Здесь же отмечено, что постепенно шло смещение акцента с угнетающих элементов материнства на некоторые повседневные преимущества и проблемы, связанные с его становлением. Сами матери всё чаще рассматриваются в качестве активных участников, а не просто жертв, особое внимание уделяется идее о том, что голоса матерей должны быть услышаны различными специалистами, соприкасающимися с материнством. Отмечено, что совсем недавно исследования, посвящённые материнству, приняли во внимание важность новых репродуктивных технологий, таких как экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, беременность мужчины и так далее, которые рассматриваются как разрушающие само собой разумеющуюся генетическую связь между матерями и детьми, которых они рожают, и тем самым меняют представление о том, что материнство – это естественная фаза жизненного пути женщины.

В историческом словаре феминистской философии изложено размышление о том, что в то время как способность вынашивать детей является биологической функцией организма женщин, в содержательной части значение материнства не является межкультурным или исторически универсальным. Кроме того, в культурном плане вряд ли женщины

считаются главными опекунами детей. На протяжении большей части европейской истории женщина была в подчинении мужчины, фактически его собственностью. Исходя из этого, именно отцы являлись главными опекунами детей. Доминирующий на Западе образ материнства сложился с появлением в XVIII веке представления о заботливой семье, ориентированной на ребёнка. Материнство было «институционализировано» в том смысле, что стало общепринятым. Распространялась идея о том, что женщины получают удовлетворение только благодаря материнству и что существует набор моделей поведения и характеристик, которые определяют хорошую мать.

Начиная с 1970-х годов феминистки стали проводить различие между женщинами-матерями и женщинами, свободными от материнства. Они задались вопросом, является ли само биологическое материнство источником угнетения и является ли бездетность истинной свободой, поскольку, по их мнению, женщины свободны лишь тогда, когда они избавлены от бремени своей репродуктивной биологической функции.

В настоящее время философы-феминистки сосредоточены на изучении как определения материнства, так и его ценности. На волне новых достижений в области технологий, таких как суррогатное материнство, философы-феминистки задались вопросом, является ли материнство генетическим, гестационным или заботливым отношением к ребёнку. Поступая таким образом, эти философы ставят под сомнение стандартное западное представление, часто поддерживаемое в судах, о том, что биологическая связь является центральной. Это стандартное понятие относится к институциональному взгляду на материнство; его следствием являются утверждения о том, что биологическая мать – лучшая сиделка и что дети нуждаются в своих биологических матерях.

Таким образом, мы видим, что в англоязычной справочной литературе понятие материнства представлено гораздо шире, нежели в отечественной.

При этом можно отметить, что англоязычные синонимы понятию «материнства» несопоставимы с русскоязычными, особенно в прямом их переводе на русский язык. Так, в отечественных словарях «материнство» сопоставимо с понятиями «инстинкт», «влечение», «привязанность», а в англоязычных с понятиями «родительство», «отцовство», «беременность». Также можно отметить, что как в зарубежной, так и в отечественной справочной литературе термин «материнство» рассматривается с двух сторон: 1) с естественной (репродуктивная функция женского организма); 2) с социальной (социальная роль женщины, часть института родительства).

Ранее мы выяснили, что при применении диалектического подхода к исследованию материнства из всех вышеперечисленных определений данного понятия более остальных подходит определение материнства, данное в словаре В. С. Безруковой «Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)»: «Материнство – социально-психологическое и биологическое состояние женщины-матери, возникающее под влиянием её биологических и социальных отношений с ребёнком» [20, с. 447]. Данное определение содержит в себе как естественную, так и социальную составляющую. Что касается синонимичных понятию «материнство» терминов, таких как «материнский инстинкт», «материнская привязанность», «материнское влечение», на наш взгляд, хотя и можно их применять в рамках исследования феномена материнства в качестве его компонентов, но неуместным является их употребление в качестве его синонимов ввиду недостаточного их раскрытия в контексте данного феномена. Отметим, что в справочной литературе и словарях, как правило, даётся краткое содержание термина, не позволяющее в полном объёме сделать представление об интересующем нас понятии.

Во вступительной части к нашему исследованию мы в качестве его теоретической основы указали несколько социально-философских работ, которые мы проанализируем исходя из определений содержания

материнства, представленных в своих исследованиях выбранными нами авторами. К ним относятся исследования В. А. Рамих, посвящённые философско-культурологическому анализу материнства как социокультурного феномена. В своём диссертационном исследовании она даёт следующее определение материнству: «...в самом общем виде материнство можно определить как исторически сложившийся механизм воспроизводства человека, обусловленный по форме биопсихофизиологически, а по существу являющийся социокультурным феноменом. Как институциализированная форма репродуктивной деятельности оно оформляется, по нашему мнению, очень рано: уже в период разложения первобытного общества, с появлением кровнородственной семьи. На этом этапе появляются первые табу, регламентирующие половое поведение, формирующие половозрастные, социальные роли и основные социокультурные ориентиры, соответствующие им, отражающие матриархатную организацию общества» [168]. Автор указывает на то, что данный феномен очень сложно исследовать, так как на бытовом уровне он сведён к репродуктивной функции и социальной роли, хотя в науке анализируется достаточно подробно и разносторонне. В. А. Рамих считает, что исследование культурного смысла материнства позволяет взглянуть на материнство как на «целостность, которая несводима к частям, отдельной функции или роли. Такой подход позволяет выявить те основания, истоки культуры и механизмы, которые её формируют, развивают, сохраняют, возрождают» [там же]. Мы видим, что хотя автор упоминает в своём определении материнства естественную его сторону, но не ставит целью раскрытие его значения и анализ его соотношения с социальным.

Е. В. Шамарина также посвящает свои исследования культурному смыслу материнства, но уже с позиций его отражения в западноевропейской и отечественной философской мысли. Она проследила эволюцию философских взглядов исследователей разных времён на содержание

материнства на протяжении истории в западной и отечественной культуре и сделала вывод, что «материнство приобретает универсальную ценность вне времени и пространства, определяя саму сущность культуры и её жизнеспособность. Материнство рассматривается как самоценный элемент развития личности женщины, как осознанная потребность в реализации её высокого предназначения, как священный долг. Материнство для женщины становится детерминированной системой жизненных ценностей, а для культуры – залогом гармоничного Будущего» [237; 238, с. 257–261; 239, с. 188–189]. Обращаясь к исследованиям материнства в современной культуре России, Е. В. Шамарина выделяет три основных подхода, определяющих современную специфику материнства:

1. Нравственно-духовный подход (позитивный), «определяющий материнство как главную, приоритетную жизненную позицию, как выражение метафизической сущности женщины, её предназначения» [237; 238, с. 257–261; 239, с. 188–189].

2. Феминистский (негативный), «рассматривающий материнство как обузу, препятствие для профессиональной, творческой реализации женщины... Данный подход выявляет доминирование одного из аспектов в материнстве как процессе – биологического... Женщина принимает материнство как акт деторождения, поэтому его качество снижается. Ценность ребёнка и семьи уходит на второй план, интерес к нему ничтожно мал или сведён на нет» [там же].

3. Социально-паритетный, подразумевающий «...выявление характерных черт образа матери: душевность, открытость, ответственность, активная вовлечённость в процесс общения с детьми, принятие материнства как высокой миссии. Картина мира такой женщины предстаёт как уравновешенная, без резких полярных выражений. Сфера профессиональной деятельности и материнство (семья) являются равноценными, требующими полной отдачи и творчества» [там же].

Помимо указанных подходов, Е. В. Шамарина указывает на то, что «существуют ещё два варианта материнства, которые в зависимости от места в системе ценностей могут быть отнесены к одному из вышеописанных»:

1. Социальное материнство, реализуемое через усыновление и удочерение: «Социальная мать – женщина, взявшая на себя обязанность по уходу и воспитанию чужих детей. В этом типе материнства отсутствует природная составляющая, женщина не является биологической матерью принятых детей, но сила и желание иметь детей, проявлять к ним любовь настолько сильна, что материнство принимается как высшая смысложизненная ценность» [там же].
2. Материнство как результат современных вспомогательных репродуктивных технологий: «"Суррогатное материнство" – это ... процесс, который объединяет двух женщин: первая является генетической матерью, вторая физиологической – «мать-несушка» или инкубатор. Первой двигает непреодолимое желание иметь своё потомство, восходящее до осознания, но в силу физиологической специфики организма она не имеет возможность реализовать её самостоятельно. Вторая – предоставляет своё тело для вынашивания и рождения ребёнка. Главными мотивами поведения «матери-несушки» является финансовая сторона» [237; 238, с. 257–261; 239, с. 188–189].

Итогом исследования проблемы материнства Е. В. Шамариной является сделанный ею вывод о том, что «в идеале материнство должно быть столь сознательным, чтобы максимально соответствовать его сущностным качествам, сформулированным и сохранённым для нас ведущими представителями культуры человечества. Оно предполагает расширение сознания матери, возвышающее её и ребёнка над обыденностью и материальной телесностью. В этом случае и мать, и ребёнок преодолевают естество биологической природы и поднимаются к основаниям подлинной

человечности, которой творится и судьба личности, и история государства» [там же].

Таким образом, автор не отрицает наличия и важности естественного в материнстве и даже выделяет его стороны, но глубоко в этот процесс не погружается.

Л. А. Баркова проводила социально-философские исследования, посвящённые духовному измерению феномена материнства современного российского общества, посредством анализа теоретических подходов к пониманию материнства, его сущности, угроз и путей их преодоления для планомерного развития данного феномена в нашем социуме. Она также подчёркивает различия в отношении к материнству внутри самого социума и связывает это с разным толкованием значения указанного феномена в обществе и науке, а также в различных нормативных документах, что ещё раз указывает на актуальность поиска полного определения понятия «материнство».

Автор выделяет четыре основных подхода во взгляде на материнство:

1. Механистически-редукционный подход, смысловое содержание которого можно охарактеризовать высказыванием автора: «Редукция смысла феномена (материнства) к “успешному” биологическому рождению формирует причинно-следственные связи, не позволяющие покинуть новую материнскую орбиту – технически оснащенную культуру, чтобы вести естественную жизнь, не рассчитывая на протезы, которые она предоставляет... подход, с одной стороны, способствующий спасению многих жизней матерей и детей, с другой, – не всегда учитывающий необходимость вмешательства в нормально протекающие роды» [14, с. 83–87; 17].
2. Прагматический подход, позволяющий «выявлять тенденции репродуктивного поведения населения на основе социально-

экономических показателей, но не принимающий во внимание аксиологическую сторону материнства» [там же].

3. Функциональный подход, подчёркивающий «важность государственной поддержки материнства, предоставления правовых, экономических, социальных гарантий и восприятия в общественном сознании россиян материнства как безусловной ценности для общества» [там же].
4. Гуманистический (естественно-интуитивный) подход, акцентирующий «приоритетность духовно-ценностного содержания материнства наряду с биологической и социальной составляющими» [там же].

Опираясь на анализ указанных подходов, Л. А. Баркова предлагает авторское определение феномена материнства как «социокультурного феномена, отражающего процесс становления новой качественной определённости женщины посредством изменения её онтологического статуса, характеризующегося особым материнским мировоззрением, ценностными ориентациями, нравственным поведением, направленными на формирование новой личности в обществе» [14, с. 83–87; 17]. Мы видим, что хотя автор отражает естественную составляющую материнства в выделенных им подходах, но не включает эту составляющую в своё определение данного феномена.

А. В. Исаков в своём исследовании осуществляет социально-философский анализ ценности родительства и его трансформации в современной России посредством системного, структурно-функционального и междисциплинарного подходов и делает вывод, что «социальный феномен, важнейшими, формообразующими атрибутами которого являются отношения и взаимодействия между родителем (родителями) и ребёнком (детьми) и между родителями, а также самосознание себя как родителя... родительство по своей значимости и функциональной определённости в

современных условиях выходит за рамки семейных отношений и становится подсистемой общества» [95, с. 181–185; 96; 97; 98]. Автор указывает на то, что родительство не сводится к совокупности включённых в него феноменов материнства и отцовства, что оно гораздо сложнее: «родительство, включая в себя обусловленные биологическими и гендерными различиями супругов социальные институты материнства и отцовства, тем не менее представляет собой... более высокий надличностный уровень. Отцовство и материнство, прежде всего, являются качественными характеристиками отдельной человеческой личности... Родительство включает ценностные ориентации родительства, родительские чувства, родительскую ответственность, стиль родительского поведения и воспитания, установки и практики, связанные с планированием семьи, отношением к детям, отношением к самому себе как к родителю» [95, с. 181–185; 96; 97; 98].

Рассматривая проблему несовпадения биологической способности к воспроизводству потомства с социально-нравственной и психологической готовностью быть родителем, А. В. Исаков анализирует содержание понятия «готовность к родительству», отдельно выделяя для исследования понятие «готовность к материнству», в содержание которого он вкладывает «особенности полученного женщиной в детстве коммуникативного опыта; то, как она переживала беременность, и её отношение к ещё не родившемуся ребёнку; ориентированность на уход за ребёнком и его воспитание» [96].

Как мы видим, автор также не ставит перед собой цели выделения и анализа социального и естественного в родительстве, включая материнство.

Таким образом, в процессе нашего исследования нами не было найдено определение феномена материнства, которое наиболее полно раскрыло бы его содержание. Наиболее близким к нашему представлению является приведённое выше определение В. С. Безруковой, данное в «Энциклопедическом словаре педагога». Социально-философские определения материнства, приведённые в данном параграфе, не подходят для

целей нашего исследования. Исходя из этого, мы предлагаем авторское социально-философское определение, данное с позиции соотношения социального и естественного в указанном феномене и с учётом избранной методологии: «Материнство – это органическое, психологическое и социальное состояние женщины-матери, где органическое и психологическое являются основой, а социальное – ведущей стороной, позволяющей матери входить в систему общественных отношений. Естественное в данном феномене – организм матери и физиологические процессы в нём (беременность, роды, вскармливание материнским молоком, гормональный фон во время беременности и материнский инстинкт), оказывающие значительное воздействие на социальную сторону данного феномена. К социальному относится сопровождение со стороны общества беременности, родов и периода вскармливания, которое включает в себя заботу о женщине и одновременно требования к ней в зависимости от культурных представлений об идеальной матери. Материнство можно рассматривать как механизм сохранения, функционирования и развития семьи и общества в целом, где естественная сторона регулируется социальной, определяя количество детей и функции матери в зависимости от потребностей и возможностей общества»¹.

В данном определении под состоянием подразумевается понятие, обозначающее множество устойчивых значений переменных параметров объекта. Состояние характеризуется тем, что описывает переменные свойства конкретного объекта. Если рассматривать феномен материнства как систему, то здесь мы за основу берём следующее современное философское определение данного понятия: «Система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определённую целостность, единство» [216]. Отсюда можно сделать вывод,

¹ Наше определение материнства впервые было озвучено в совместной статье с научным руководителем: Лушина Е. А., Субботина Н. Д. Методологические подходы к исследованию феномена материнства // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 27–36.

что материнство как система имеет естественные и социальные элементы (предпосылки и стороны), находящиеся в диалектической связи и противоречиях. В кратком обобщении – естественное в данном феномене – организм матери и физиологические процессы в нём, беременность, роды, вскармливание материнским молоком, гормональный фон во время беременности и материнский инстинкт. Всё это не может не оказывать воздействия на социальную сторону данного феномена. К социальному относится социальное сопровождение беременности, родов и периода вскармливания, которое сочетается с заботой о женщине и одновременно требованиями к ней в зависимости от культурных представлений о том, какой должна быть мать.

Также в нашем определении мы указали на то, что материнство можно рассматривать как механизм сохранения, функционирования и развития семьи и общества в целом. В контексте исследования социальных процессов понятие «механизм» рассматривается несколько шире, нежели как система звеньев, составных частей, объединённых между собой общим функционалом, а именно как процессы особого происхождения, особого рода системы взаимодействия, преимущественно характеризующиеся наличием дифференцированных связей, как жёстких, так и гибких. В. Ф. Мартюшов указывает, что «в естествознании, социальном и гуманитарном знании механизм – это совокупность состояний или процессов, из которых складывается то или иное явление, или в другой вариации – система функционирования чего-нибудь» [141, с. 97]. Автор отмечает, что в различных определениях механизма присутствует «ориентированность на осуществление определённых действий, на функционирование с целью получения вполне определённых результатов» [там же]. Сам же механизм «обязательно создаётся, строится и действует на основании некоего условно принятого или научно обоснованного принципа действия» [там же]. В. Ф. Мартюшов уточняет, что принцип действия следует рассматривать в

гносеологическом (как способ организации содержания; структуру объекта, системы, устройства и так далее) и онтологическом (как форму поведения объекта в определённых условиях; конкретный способ реализации функции) аспектах, где он «определяет одновременно и конкретный способ реализации функции, и способ организации содержания или структуру и задаёт тем самым динамичность системы, а не статичность» [там же, с. 98]. Автор указывает, что, выражая принцип действия через структуру и функцию «не следует смешивать эти понятия и пытаться сводить понятие принципа действия либо только к структуре, либо только к функции. Это две стороны одного явления, в нашем случае – принципа действия» [там же]. Понятие «принцип действия», по его мнению, необходимо рассматривать как системообразующий признак механизма. Таким образом, по определению В. Ф. Мартюшова, механизм – это «это особая система взаимодействия, между элементами которой действуют дифференцированные связи и в основе которой лежит принцип действия, понимаемый одновременно как способ организации содержания и как конкретный способ реализации функции» [там же]. В настоящее время в науке широкое распространение получило понятие «социальный механизм». Под социальным механизмом общественного процесса в обобщённом виде понимается «устойчивая система взаимодействий социальных акторов¹ разных типов и уровней, конечным результатом которых служит удовлетворение определённой общественной потребности» [141, с. 98].

Предложенное нами определение понятия «материнство» отличается от других определений данного феномена наличием характеристики диалектических связей социального и естественного в указанном феномене, что позволяет уточнить и конкретизировать данное понятие, обеспечивая тем самым более продуктивный подход к исследованию указанного феномена.

¹ Социальные акторы – это действующие агенты социального порядка или просто «деятели» (отдельные индивиды или коллективы, социальные группы). Источник: Павлов А. П. Акторы социального автопойезиса (онтосоциальный подход). – Текст: электронный // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sotsialnogo-avtopoyezisa-ontosotsialnyy-podhod> (дата обращения: 18.02.2024).

ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА

2.1. ЕСТЕСТВЕННОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА

Аспект естественного в феномене материнства обладает достаточно высоким уровнем сложности. При этом данный вопрос пока остаётся неизученным, в том числе с социально-философской точки зрения. Анализируя подходы к изучению данного феномена, мы увидели, что исследования его содержания и сущности достаточно широко представлены естественными науками и медициной. Ниже мы приведём различные примеры и проанализируем их с применением концепции развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологического принципа взаимодействия социального с внешним естественным и с внутренним естественным.

Некоторые исследователи полового диморфизма изучали его взаимосвязь с половыми гормонами человека. Так, регуляция репродуктивной функции мужчин и женщин осуществляется гормонами, одинаковыми по своему строению, но имеющими различные механизмы воздействия на организм. При этом гормональная регуляция в женском организме сложнее, чем в мужском, вследствие происходящих в нём ежемесячных циклических изменений, затрагивающих всю репродуктивную систему и другие органы-мишени (молочные железы, волосяные фолликулы, кожу, жировую ткань и так далее). Эстроген, считающийся «женским» гормоном вследствие большей его концентрации в организме у женщин, оказывает своё влияние на развитие вторичных половых признаков, формирование фигуры по женскому типу, на тембр голоса, участвует в подготовке организма к возможному оплодотворению. Прогестерон, называемый гормоном беременности, обеспечивает транспорт

оплодотворённой яйцеклетки в полость матки и подготавливает эпителий матки к её принятию, а также участвует в процессах беременности на протяжении всего её срока. Пролактин поддерживает функцию жёлтого тела в яичниках и отвечает за секрецию молока в молочных железах. На жёлтое тело воздействует хорионический гонадотропин, выделяемый плодным яйцом в кровоток женщины, то есть сам зародыш стимулирует в материнском организме процессы, которые обеспечивают сохранение и течение беременности.

«Мужской» половой гормон тестостерон также в небольших количествах вырабатывается в организме женщины и оказывает влияние на репродуктивную функцию и другие органы и системы, а также на психические процессы, половое поведение и сексуальное влечение. При нарушении механизма регуляции репродуктивных процессов, а также при некоторых заболеваниях, например при поликистозе, происходит сбой в регуляции репродуктивных процессов, сопровождающийся повышенной выработкой андрогенов в организме женщины, приводящей к нарушениям менструального цикла, преждевременным родам или бесплодию, а также проявляющийся у женщины через появление у неё волос на лице, снижение тембра голоса и так далее. Недостаток андрогена приводит к снижению полового влечения, повышенной утомляемости.

Указанные выше физиологические и гормональные особенности женского организма, обусловленные половым диморфизмом, относятся к внутренним естественным предпосылкам материнства. От оптимального соотношения указанных гормонов будет зависеть половое созревание женщины в онтогенезе, развитие её репродуктивной системы и вторичных половых признаков, а также способность к зачатию.

К. Кинсли и К. Ламберт в работе «Материнский мозг» [104] рассматривают биохимию материнского поведения, опираясь на опыт исследования поведения самок крыс под воздействием прогестерона,

эстрогена, пролактина, а также эндорфина, принимающих участие в возникновении материнских чувств и поведения. Также они указывают, что учёным удалось идентифицировать и мозговые структуры, управляющие материнским поведением, такие как медиальная преоптическая область гипоталамуса, нервный путь из таламуса в поясную область коры. При этом подчёркивается, что со временем действие гормонов на мозг ослабевает, а привязанность матери к потомству остаётся: впоследствии уже сами детёныши вызывают у самки нежность.

Здесь же описывается опыт определения мотивации материнского поведения у женщин при помощи метода магнитно-резонансной томографии, проведённый Д. Лорбербаумом: исследователь наблюдал реакцию мозга матери на плач своего ребёнка и выяснил, что реакции человеческого организма в такой ситуации ничем не отличаются от тех, что происходят у грызунов: наибольшая активность в обоих случаях отмечалась в медиальной преоптической области гипоталамуса и префронтальной и орбитофронтальной областях коры. Такое сходство между реакциями головного мозга человека и животных позволило учёным сделать предположение, что мозговые центры, ответственные за материнское поведение, у тех и других имеют одинаковую природу. Тем самым исследователи показывают роль внутренней естественной стороны в феномене материнства: активизация особых мозговых центров при столкновении со специфическим раздражителем под воздействием определённых гормонов у матери. Отметим, что подобный механизм регуляции биологических систем может являться и внутренней естественной предпосылкой материнства, становясь её стороной после рождения ребёнка. Так, группа ученых [280] исследовала нейронные реакции нерожавших женщин на крики младенца с проявлением различной степени стресса, также на изображение выражения его лица в различном эмоциональном состоянии и выяснила, что крики различной степени дистресса дифференцированно

преобразуются в областях, связанных со слуховой и эмпатической обработкой информации, реакции на счастливые лица кодируются в мозге как вознаграждающие стимулы, а грустные лица вызывают повышенную активацию в областях, связанных с эмпатической обработкой [280]. То есть опыт взаимодействия с младенцами может сформировать у нерожавшей женщины рассматриваемую естественную предпосылку материнства.

Некоторые исследователи не поддерживают идею о своеобразной предопределённости реакций мозга на некоторые раздражители. Например, Д. Риппон в работе «Гендерный мозг: современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге» подвергает критическому анализу научные труды, посвящённые различиям в гормонах, поведении и способностях полов, детально объясняя читателю, почему многие из них нельзя трактовать однозначно. Также она приводит исследования, подчёркивающие, по её мнению, отсутствие различий мужского и женского мозга, параллельно рассуждая над влиянием социума на формирование гендера. Так, Д. Риппон указывает на то, что разделение траектории развития мозга мужчин и женщин происходит под воздействием поведения значимых взрослых и окружающей социальной среды. Например, матери дольше удерживают зрительный контакт и больше разговаривают с младенцами женского пола, а с мальчиками чаще выполняют активные манипуляции (гимнастику, подбрасывания и так далее), что в итоге способствует тому, что девочки чаще и дольше устанавливают контакт глазами, распознают лица, а мальчики более развиты физически [171, с. 351–362].

То есть данный конструктивистский подход признаёт лишь социальные предпосылки материнства, что противоречит современным научным исследованиям. При этом стоит отметить, что существуют исследования, в которых рассматривается прямо противоположная крайность – поведение человека и его мироощущение полностью зависит от биохимических и нейробиологических процессов в головном мозге. К примеру, М. Газзанига в

работе «Сознание как инстинкт» анализирует предположение Дж. Леду о том, что «сознательные ощущения – это двухстадийный процесс, и возникают они тогда, когда определённые области префронтальной коры, ответственные за кратковременную память, реагируют на физиологическую реакцию» [45, с. 175].

По нашему мнению, подобные крайности недопустимы в исследованиях, посвящённых изучению сущности человека, его поведения вследствие диалектической двойственности его природы. Так, в вышеизложенных примерах Д. Риппон практически нивелирует влияние биологических процессов организма на сознание человека, а Дж. Леду опускает социальный аспект становления сознания.

В. А. Геодакян, ссылаясь на адаптогенез Ч. Дарвина, делает предположение, что в эволюции системы, следующей за изменением среды и осуществляющейся путём проб и ошибок, непременным условием является разделение системы на хранилище информации о прошлом и на «экспериментальную площадку» для средовых воздействий. Данная специализация частей (полов), по его мнению, достигается их гетерохронной эволюцией, где «экспериментальной площадкой» является мужской пол, а «хранилищем» – женский. Отсюда он определяет главный принцип для эволюционирующих систем – принцип специализации: по сохранению и изменению системы. На основе данных идей автор вывел эволюционную теорию пола, согласно которой «дифференциация полов – экономная форма информационного контакта раздельнополой популяции со средой, позволяющая, благодаря дихронной эволюции, проверять все новые признаки у мужского пола, прежде чем передавать их женскому» [51, с. 133–148].

Поднимая вопрос о эволюционном половом диморфизме в рамках своей теории пола, В. А. Геодакян рассматривает его «не как мономорфное явление, а как состоящее из основного репродуктивного и предсказанного

теорией, ранее неизвестного, эволюционного, возникающего сначала как следствие модификационных изменений женского пола, которые дальше заменяют селекционные – мужского» [там же]. Также согласно данной теории, гены фундаментальных видовых признаков репродуктивного полового диморфизма должны быть общими для двух полов, что невозможно, так как по общим генам не может быть генотипического полового диморфизма, поэтому репродуктивный половой диморфизм – гормональный, то есть фенотипический. Он возникает в эмбриогенезе и остается постоянным в онтогенезе и филогенезе. Его назначение – задать программы двух полов. Причём пол, возникнув изначально как репродуктивное явление, постепенно приобрёл эволюционные функции, вследствие чего можно выделить новые уровни реализации пола: генный, гормональный, психический.

В более ранней своей работе В. А. Геодакян, размышляя о проблемах взаимовлияния биологической и социальной эволюции человека, в частности о необходимости построения социальной концепции пола, указывает на то, что правильная концепция, необходимая в том числе для решения проблем рождаемости, семьи, воспитания и так далее, должна строиться на естественной биологической основе, поскольку без понимания биологических, эволюционных ролей мужского и женского пола нельзя правильно определить их социальные роли.

Автор указывает, что применение его теории к проблеме человека можно связать с исследованием функциональной асимметрии мозга и психологических особенностей полов и вытекающих отсюда психологических различий у мужчин и женщин. Так, согласно теории пола В. А. Геодакяна, в процессе эволюции в зонах дискомфорта и элиминации, вследствие разной нормы реакций, отбор полов шёл в разных направлениях: у женского пола – на «воспитуемость», «адаптивность», «обучаемость», а у мужского пола – на «находчивость», «сообразительность»,

«изобретательность» в самом широком смысле: «...в зоне дискомфорта от холода женские особи адаптируются физиологически, наращивая слой подкожного жира, а имеющие одинаковый с ними генотип мужские – поведенчески: или изобретут шубу (огонь, пещеру), или погибнут. Стало быть, разной нормы реакции вполне достаточно, чтобы возник психологический половой диморфизм: женский пол специализировался по адаптации к существующим условиям, а мужской пол – в поиске новых путей для будущего» [50, с. 171–189].

В исследованиях В. А. Геодакяна можно выделить предпосылки и стороны естественного в материнстве. Так, внешней естественной предпосылкой является природная среда, в которой находился человек в процессе эволюции. Под её воздействием произошла дифференциация полов, фенотипический репродуктивный половой диморфизм, функциональная асимметрия мозга и психологические различия у мужчин и женщин, являющиеся внутренними естественными предпосылками. Все эти и другие эволюционные изменения обуславливают внутреннюю естественную сторону материнства, а именно процесс беременности, родов, вскармливания и связанные с ними биохимические, физиологические, психические изменения со стороны организма женщины-матери.

М. Альманза-Сепульведа (Mayra Almanza-Sepúlveda), Э. Флеминг (Alison Fleming), Й. Вибке (Jonas Wibke) обнаружили влияние гормона стресса – кортизола на когнитивные функции матерей. Так, под его воздействием у женщины избирательно, с центрацией реакций на сигналы ребёнка, обостряется обоняние, слух, внимание, бдительность и восприимчивость, укрепляя тем самым детско-родительскую взаимосвязь [253]. Тем не менее исследования на данную тему неоднородны, и результаты сильно различаются в зависимости от количества, времени, места типа выборок, изучаемой популяции, а также от состояния, стадии и уровня стресса матери и ребёнка. Так, исследователи Эдинбургского университета

(Великобритания) предположили, что стресс во время беременности, например из-за психических или физических расстройств, может иметь долгосрочные последствия для развития ребёнка. Опытным путём они выявили взаимосвязь между уровнем кортизола у матери (был проведён биохимический анализ волос женщин после родов) и развитием нервной системы у её ребёнка (была проведена магнитно-резонансная томография головного мозга с целью определения объёма миндалины). Результаты исследования показали, что дети, подвергающиеся стрессу в утробе матери, имеют более высокий риск нарушений развития и эмоциональных расстройств, таких как СДВГ и депрессия, причём этот эффект различен у мальчиков и девочек. Учёные отмечают, что биологические механизмы, лежащие в основе этих наблюдений, плохо изучены [289].

Т. Ф. Татарчук в работе «Стресс и репродуктивная функция женщины» также рассматривает специфику механизмов влияния стресса на деторождение в современном мире. Она задаётся вопросом: почему стресс, являющийся естественным эволюционно сформировавшимся регулятором, направленным на адаптацию организма к неблагоприятным условиям окружающей среды, всё чаще ассоциируется с негативными последствиями для здоровья человека. Здесь же дан ответ на него: «человек как биологический вид эволюционирует намного медленнее, чем создаваемые им внешние условия. С изменением условий жизни и окружающей среды изменились структура и характер стресс-факторов: на смену сильным физическим стрессорам пришло обилие психических и эмоциональных низкой и средней интенсивности, действующих практически непрерывно, наслаивающихся один на другой» [215, с. 2–9]. При этом физиология стресса осталась неизменной, по типу «стимул-реакция», где стимулом является любое воздействие (как психическое, так и физическое), вызывающее дисбаланс, а реакцией – активация ряда преимущественно неспецифических психических, физиологических, биохимических реакций организма,

направленных на восстановление равновесия параметров гомеостаза. Непрерывность воздействия стимулов приводит к истощению адаптивных механизмов, тем самым провоцируя проявление обратной стороны феномена стресса – повреждающей. Таким образом, стресс в современных условиях превращается из адаптивного явления в звено патогенеза различных заболеваний.

Подробно рассматривая процессы стресс-реакции на клеточно-молекулярном уровне, автор делает заключение, что адаптивные механизмы имеют сложную биохимическую взаимообусловленность и двоякий характер вследствие способности переходить из защитных в повреждающие. Таким образом, из общего звена адаптации стресс-реакция превращается в неспецифическое звено патогенеза различных заболеваний. При этом Т. Ф. Татарчук указывает на то, что стресс-реакция в женском организме имеет свои особенности, выражающиеся в том, что характер реакции на стресс и состояние психоэмоциональной сферы женщины обусловлены влиянием эстрогенов. Отсюда вытекает изменчивость восприимчивости организма женщины на стимулы окружающей среды в зависимости от возраста, цикличности функционирования репродуктивной сферы, наступления беременности и так далее. Такие характерные особенности ставят женщину на более высокую ступень риска развития различной патологии.

Исследователь подчёркивает, что если в процессе эволюции человека такая реакция организма была вполне обоснованной: «” не до размножения”, когда есть нечего и самого скоро съедят» [215, с. 2–9], то в современном мире подобные механизмы срабатывают на психоэмоциональный стресс: «эта слепая приспособительная реакция приводит к формированию патологии, снижающей качество жизни и фертильность женщины. В фазе дистресса ткани репродуктивной системы, как и весь организм, подвергаются системным повреждающим процессам» [там же]. Причём вызванные стрессом изменения длительно сохраняются даже после окончания

воздействия стресс-фактора, где наиболее значимыми клиническими последствиями влияний хронического психоэмоционального стресса являются бесплодие и невынашивание беременности.

Ещё одним последствием хронического психоэмоционального стресса является его влияние на здоровье потомства. Т. Ф. Татарчук указывает на связь высокого уровня стресса при беременности с задержкой внутриутробного развития плода, преждевременными родами, рождением маловесных детей, а также на влияние повышенных уровней глюкокортикоидов на функциональные особенности нервной системы на протяжении всей последующей жизни человека. При этом она подчёркивает, что благоприятные условия развития в раннем постнатальном периоде, обеспеченные материнской заботой, способны нивелировать негативные эффекты стресса, перенесённого в пренатальном периоде.

Здесь, как и в исследованиях В. А. Дубынина, можно проследить внешние естественные предпосылки и стороны материнства. Но в данном случае внутренней естественной предпосылкой является эволюционно сформированная организмом стресс-реакция, выражающаяся в прекращении репродуктивной функции при неблагоприятных природных условиях, необходимая для предотвращения появления слабого потомства (исходя из теорий «эгоистичного гена» и «родительского вклада», слабое потомство с меньшей вероятностью достигнет репродуктивной зрелости и продолжит передачу генома родителя). При этом также можно выделить внешние социальные предпосылки (такие как стремительное развитие социогенной среды, групповое существование человека, иерархические отношения, взгляды общества на материнство и так далее), оказывающие влияние на указанную внутреннюю предпосылку, а также внутренние социальные предпосылки (интериоризированные представления женщины о роли матери в семье и обществе), которые могут создавать стрессовые факторы нового порядка (психические и эмоциональные) и способны оказывать влияние на

внутренние естественные стороны материнства (физиология стресса осталась неизменной): под воздействием стресса возможен выкидыш, наступление преждевременных родов, недоразвитие внутриутробного ребёнка и тому подобное.

В. А. Дубынин и К. К. Танаева в статье «Материнская депрессия: когда счастье не в радость» [72] описывают нейробиологические механизмы возникновения послеродовой депрессии, опираясь на результаты лабораторных экспериментов с белыми крысами, являющимися наиболее частым объектом для моделирования материнского поведения. В процессе исследования было выявлено, что сложная система детско-родительских отношений обусловлена взаимодействием мозговых структур, ответственных за формирование материнского поведения, таких как гипоталамус, вентральная часть покрышки среднего мозга и базальные ганглии больших полушарий (внутренние естественные предпосылки и стороны). Эти структуры также играют роль в развитии послеродовой депрессии. Запуск программы родительской заботы происходит под влиянием гормонов, внутренних сигналов организма и внешних сигналов от потомства. Между детьми и родителями существует множество обратных связей, что делает эти отношения сложной системой. Например, в процессе грудного вскармливания образуется нейроэндокринная дуга: при механической стимуляции соска во время кормления в ответ на раздражитель вырабатывается пролактин, обеспечивающий выработку молока, потребляемого ребёнком, а у матери – положительные эмоции (внутренняя естественная сторона). Ещё одним гормоном, играющим важную роль в регуляции материнского поведения, является так называемый «гормон удовольствия» – дофамин. Также важную роль в системе подкрепления и выработки положительных эмоций, помимо дофаминовой, играет опиоидная система мозга, активность которой при формировании материнского

поведения понижается, а при искусственной стимуляции опиоидных рецепторов материнское поведение нарушается.

Итак, с целью моделирования состояния послеродовой депрессии кормящим самкам белых крыс вводят различные вещества, вызывающие при их длительном введении устойчивую дисфункцию нейромедиаторных систем и закономерные изменения материнского поведения. Исследования также показали, что послеродовая депрессия может быть связана с врождённой предрасположенностью, а также с воздействием нейротоксических веществ на раннем этапе развития организма будущей матери и хроническим стрессом. Кроме того, она может быть следствием гормональной абстиненции, когда уровень женских половых гормонов в крови резко снижается сразу после родов.

Как отмечают С. Стернглэнц и Э. Нэш, этологи руководствуются имплицитным утверждением о том, что поведение человека, в сущности, аналогично поведению животных, но видоизменено культурным влиянием и более сложными когнитивными образованиями [290]. Для этологов материнство – это прежде всего материнское поведение. Они рассматривают социальное поведение матери и выделяют специфические механизмы, которые включают морфологические черты, запахи, движения и позы ребёнка. Они считают, что общие поведенческие характеристики, как у людей, так и у животных, более значимы, чем исключительно человеческие. Одной из основных проблем в этологических исследованиях материнства является определение роли социальных и биологических факторов в развитии материнского поведения на основе экспериментального изучения материнского поведения у животных [233]. Мы видим, что исследователи используют здесь термин «социальное» в его первом значении, отождествляя поведение женщины-матери с поведением животной особи женского пола. Таким образом, аргументируя идеей сходства поведенческих проявлений человека и животного, все свои исследования феномена материнства они

проводили на животных, что зачастую приводило к неоднозначным выводам. Например, в результате одного из экспериментов на животных было выявлено, что в некоторых случаях биологическую мать, которая считается биологически более приспособленной к заботе о ребёнке, можно полностью заменить кем-то другим. Более того, введение определённых гормональных препаратов самцу может привести к проявлению у них инициативы в уходе за детёнышем [71, с. 98–117]. В таком подходе есть рациональное зерно: исследователи видят некоторое сходство в поведении человеческой матери с поведением животной особи, обнаруживая то, чего не видно при традиционном подходе. Однако игнорирование определяющей роли социального во втором значении, а значит и таких существенных особенностей женщины-матери, которых нет у животной особи, то есть социальных предпосылок и сторон материнства, приводит к искажению представления о его сущности, что является биологизаторством.

Теория родительского вклада, которую рассматривали Р. Докинс, Р. Л. Триверс, Дж. Альтман и другие, объясняет участливое родительское поведение по отношению к потомству с позиции уже вложенных в него «дивидендов». Здесь подразумевается, что проще «дорастить» того ребёнка, в которого уже вложено многое, нежели начинать этот процесс заново с новым потомством. Таким образом, исследуя материнство, а прежде всего материнское поведение, как социобиологическое явление, мы видим, что оно рассматривается здесь как определяемое социальными факторами рациональное поведение, заложенное генетической программой. Стоит отметить, что данные этологических исследований со стороны многих учёных подвергаются критике из-за их упрощения и сведения поведения человека до уровня животных инстинктов [56].

Ранее рассмотренные подходы основывались не только на теориях о тесных взаимоотношениях между матерью и ребёнком, но и на проблемах, связанных с отсутствием или недостаточностью этих взаимоотношений. Так,

высказывания Дж. Боулби о значении материнской заботы и любви для младенца стали предтечей становления теории материнской депривации. Эрик Эриксон ввёл термин «базисное недоверие к миру» у детей, лишённых внимания матери. Данные и другие подобные идеи развивались в трудах представителей вышеуказанной теории, таких как К. Тессор, Дж. Ричардсон, М. Раттер, Джеймс и Джойс Робертсон, А. Фрейд, Р. Шпиц и другие. В русле теорий материнской депривации материнство и материнский уход за ребёнком представлены как необходимое условие для его полноценного развития. При этом депривация не рассматривается в качестве фактора, оказывающего влияние на формирование образа матери и материнства, хотя имеющиеся в науке исследования специфики психофизического онтогенеза детей в условиях детских домов косвенно указывают на то, что такое влияние, вероятно, есть. Например, у девочек, вследствие задержанного физического развития, могут возникнуть проблемы с половым созреванием; вследствие специфических условий формирования психики может искажаться восприятие собственного тела, эмоциональное развитие и тому подобное. Подобные естественные предпосылки, в совокупности с социальными, могут сказаться, по нашему мнению, на становлении материнства.

Также приведем некоторые примеры соотношения внешних естественных предпосылок с внутренними естественными предпосылками и внутренними естественными сторонами материнства. Внешние естественные предпосылки могут быть представлены географией, климатом, природными источниками радиации, естественными микроэлементами в почве и воде, растительным и животным миром и так далее. При этом они в большей или меньшей степени способны оказывать воздействие на такие внутренние естественные стороны материнства, как процесс беременности, развитие плода и грудное вскармливание. Проследим это воздействие на примере недостаточности природного йода.

Дефицит йода характерен как для возвышенностей, где при частых осадках дождевая вода вымывает его из почвы и смывает в реки, так и для местностей, расположенных ниже уровня моря и удалённых от океана. Культуры, выращенные на обеднённой йодом почве, не обеспечивают достаточное его количество при потреблении. По данным ВОЗ, дефицит данного микроэлемента является серьёзной проблемой общественного здравоохранения для населения во всём мире, особенно для беременных женщин и маленьких детей [127, с. 168; 293].

К «скрытым» последствиям йодного дефицита относятся женское бесплодие, нарушение репродуктивной функции, повышение перинатальной и детской смертности, церебральные нарушения у плода и ребёнка, приводящие к снижению интеллекта вплоть до кретинизма [153]. Подобное же влияние на репродуктивную сферу и здоровье детей оказывает наличие природных залежей некоторых радиоактивных руд (урановых, радиевых и так далее) в местах поселения людей. В данном примере влияние внешних естественных предпосылок на внутреннюю естественную сторону материнства будет выражаться в последствиях для организма женщины, обусловленных недостаточностью природных микроэлементов, наличием природных источников радиационного излучения земных пород в зоне её проживания и тому подобное.

Таким образом, на приведённых выше примерах мы определили и продемонстрировали естественные предпосылки материнства, а также их диалектические связи. Мы выяснили, что к естественным основам социального процесса становления материнства относится внешнее естественное и внутреннее естественное, где внешнее естественное – это природная среда человеческого существования, не подвергшаяся социогенному воздействию. К внутреннему естественному относится человеческий организм, особенности его психофизического развития, присущие человеку от рождения потребности, закономерности естественного-

групповых отношений, особенности, обусловленные делением людей по половому и возрастному признаку и так далее. Также во внешнем естественном и внутреннем естественном феномена материнства можно выделить предпосылки и стороны. Представим их в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 2. Естественные предпосылки и естественная сторона феномена материнства

Внешняя естественная предпосылка материнства	Внутренняя естественная предпосылка материнства	Внутренняя естественная сторона материнства
Природная среда человеческого существования, не подвергшаяся социогенному воздействию: географическое положение, климат, излучение от месторождений химических элементов, микроэлементы в природе, воде, продуктах питания, оказывающие огромное воздействие на процесс беременности, развитие внутриутробного ребёнка, грудное вскармливание, формы материнской заботы и воспитания	Организм женщины, способный к зачатию, вынашиванию и вскармливанию ребёнка, генетическая программа рода, проявляющаяся в инстинктивной потребности иметь детей, генетическая программа материнского поведения	Процесс беременности, родов, вскармливания, особый гормональный фон беременной женщины и женщины-матери, психические процессы в организме женщины, оказывающие влияние на её настроение и поведение

Внешней естественной предпосылкой материнства является природная среда, способная оказывать влияние на фертильность женщины, течение беременности, формирование и развитие внутриутробного ребёнка, грудное вскармливание, а также на формы материнской заботы и воспитания. Внешней естественной стороны материнства мы не обнаружили. Внутренней естественной предпосылкой является репродуктивная сфера женщины, её функциональная способность к воспроизводству потомства, его выхаживанию, генетическая программа продолжения рода и материнского поведения. Внутренней естественной стороной материнства является непосредственно сам процесс беременности, родов, вскармливания, гормональные, физиологические, психические изменения в организме

матери. Также мы отметили, что внешние социальные предпосылки и внутренние социальные предпосылки могут оказывать влияние на внутренние естественные стороны материнства. Стоит отметить, что внутренняя естественная сторона женщины-матери остаётся неизменной до тех пор, пока сохраняется неизменным её геном, а социальная (и внешняя и внутренняя) сторона постоянно изменяется соответственно тому, как изменяется общество.

Выделенные в нашем исследовании естественные предпосылки и стороны материнства отличаются от схожих результатов других исследователей тем, что они отражают естественные внешние и внутренние предпосылки, внутренние стороны материнства в их диалектических взаимосвязях. Такой подход к изучению естественного в материнстве позволяет исследовать механизм становления естественной стороны материнства путём анализа диалектических взаимосвязей его предпосылок и сторон в различных условиях на различных примерах.

2.2. СОЦИАЛЬНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА

В предыдущем параграфе мы рассмотрели естественные предпосылки и стороны материнства и отметили, что в состав этих предпосылок входит то, что исследователи называют социальным – это групповое существование человека, взаимоподдержка, иерархические отношения, выполнение женщиной роли продолжения рода. В этом качестве люди совпадают с животными, и, хотя стало привычным называть такие отношения социальными, мы уточняли, что термин «социальное» употребляется здесь в первом значении, как системное качество. По сути же, данное социальное является естественным, так как алгоритмы такого поведения записаны в наших генах и сформировались в результате естественного отбора задолго до появления человека. В данном же параграфе мы будем говорить о

социальном во втором значении, обозначающем специфику человека (в его родовом понимании) и созданного им общества. Исследование социальных предпосылок становления материнства и его сторон предполагает деление социального для человека на внешнее социальное и внутреннее, интериоризованное социальное. Для общества, в отличие от человека, социальное всегда внутреннее, оно – качество общества.

Далее мы рассмотрим различные примеры социальных предпосылок и сторон в материнстве и проанализируем их с применением концепции развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологического принципа взаимодействия социального с внешним естественным и с внутренним естественным аналогично тому, как мы это делали в прошлом параграфе в отношении примеров естественного в данном феномене.

На протяжении веков положение женщины в обществе и её роль всегда связывались с материнством. В разных культурах мать выступает транслятором культурных ценностей ребёнку, являясь для него первичным звеном социализации, поэтому от того, как то или иное общество относится к матерям и материнству, зависит благополучие всего его народа. В настоящее время процессы в российском обществе находятся под влиянием мирового экономического кризиса, отражающегося на многих сферах жизни, в том числе на институте материнства. Утрачивают своё значение традиции и ценности, меняются взгляды на структуру семьи, нивелируется ценность рождения детей, снижается число официальных браков и так далее. В социокультурном плане снизился престиж материнства и семьи, что привело к девальвации чувства материнства. Так, Н. А. Коняева [111] считает, что рассматривать материнство необходимо в качестве духовной потребности женщины, к которой на определённом этапе (вынашивания и кормления грудью) подключается биологический аспект, а успешное развитие

материнского поведения возможно только при благоприятных социально-культурных условиях.

Материнское поведение, по мнению автора, социально обусловлено: первичные представления о материнстве начинают закладываться у девочки в раннем детстве и продолжают развиваться на протяжении её взросления. Н. А. Коняева выделила несколько этапов в его развитии: опыт общения с собственной матерью, контакты с младенцами на протяжении детства и пробуждение интереса к ним, интерпретация материнства в связи с половой сферой и супружеством, а также собственный опыт взаимодействия с новорожденным сразу же после его рождения.

При оценке опыта материнства по вышеуказанным критериям у современных женщин мы можем увидеть, что многие компоненты будут отсутствовать. На протяжении истории основной деятельностью женщины, как правило, являлся уход за детьми, сегодня же мать может определить ребёнка в ясли или на время передать свои обязанности наёмной няне. Так, если ещё в начале XX века нормой являлись расширенные (многопоколенные) многодетные семьи, то в современном мире преобладают нуклеарные и неполные семьи, ориентированные на одно-двудетность. Если женщина являлась единственным ребёнком в семье, то она могла не иметь опыта взаимодействия с младенцем вплоть до рождения собственного ребёнка. Если раньше вступление в брак подразумевало непременно рождение детей, то сегодня супруги могут сознательно отказаться от родительства и посвятить свою жизнь другим интересам [106; 128]. Н. А. Коняева считает, что для формирования полноценного материнства недостаточно только инстинкта – женщине-матери необходимо, чтобы кто-то более опытный ввёл её в новую роль матери; она нуждается в обучении, сопровождении и поддержке до рождения ребёнка, а в особенности после родов.

Касаемо трансформации взглядов на структуру семьи в современном обществе, нами замечен следующий парадокс: в конце XIX – начале XX столетия, в период серьёзных исторических событий, поменявших коренным образом традиционный уклад жизни в нашей стране, многодетные семьи являлись нормальным явлением, а неполные семьи, как правило, одинокие матери, подвергались общественному порицанию. Сегодня ситуация изменилась на прямо противоположную: рождение троих детей и более подвергается обществом критике, а незамужняя мать реабилитирована им. При этом оба вида этих семей относят, как правило, к неблагополучным вследствие их неудовлетворительного материального положения.

Внешние социальные предпосылки материнства в вышеизложенном примере представлены мировым экономическим кризисом, состоянием культуры, экономики, взглядом социума на брак, семью и её состав, материнство и матерей. Данные предпосылки оказывают своё влияние на формирование внутренних социальных предпосылок материнства у женщины: желание/нежелание иметь детей, предпочитаемое количество детей, отношение к беременности, материнству, детям. Также Н. А. Коняева утверждает, что материнское поведение социально обусловлено опытом общения с собственной матерью и наличием контактов с младенцами в детстве. Здесь забота матери о ребёнке, являясь внутренней социальной стороной материнства для неё самой, становится одновременно внешней социальной предпосылкой материнства для её дочери – потенциальной матери. Для девочки такие внешние социальные предпосылки материнства, как контакт с матерью, подражание её материнскому поведению в играх, опыт общения и ухода за младшими братьями и сёстрами, могут оказать влияние на формирование внутренних социальных предпосылок в виде отношения к детям и деторождению, взглядов на материнские функции и тому подобное, а при появлении собственных детей – на внутренние социальные стороны материнства, такие как выполнение материнских

обязанностей по выхаживанию и воспитанию ребёнка, отношение к нему и так далее. Причём контекст внутренних предпосылок и внутренних сторон материнства у девочки во многом будет зависеть от эмоционального окраса восприятия получаемых в процессе прижизненного онтогенеза посланий как от её матери, так и от общества в целом.

Как мы уже отмечали выше, несмотря на то что материнство продолжает оставаться важнейшей общечеловеческой ценностью, трансформации, происходящие как в мире в целом, так и в отдельных государствах, в частности в России, отражаются во взглядах общества относительно данного феномена. Значительное влияние на изменения взглядов оказывает информация, транслируемая средствами массовой информации (СМИ). Так, А. А. Кувычко [119] исследует особенности медиадискурса материнства общественно-политических СМИ как продукта когнитивной деятельности современного российского социума, представленного в качестве объединения институциональных медиадискурсов, обладающих собственными целями и средствами в подаче информации. Целью исследования текстов СМИ автор определяет обнаружение используемых в них когнитивных единиц (концептов¹), последующее выделение наиболее выраженных видов медиадискурса² материнства (политический, экономический, юридический, медицинский и религиозный), а также вычленение когнитивных маркёров [119], характерных для каждого выделенного вида. Так, если в политическом и экономическом медиадискурсе за основу можно принять отражение деятельности государства в отношении материнства (публикации о мерах поддержки, принятых законах и так далее), то в религиозном медиадискурсе материнства в центре находятся ценностные когнитивные структуры, такие как

¹ Примечание: По определению Ю. С. Степанова, концепт – это: «...как бы сгусток культуры в сознании человека» [цит. по: 116].

² Примечание: Под тем или иным (политическим, экономическим и т. д.) медиадискурсом материнства автор понимает совокупность медиатекстов, а также фрагментов медиатекстов (учитывая мультимедийность массмедийного дискурса), созданных журналистами и посвященных проблематике материнства того или иного (политического, экономического и т. д.) характера [там же].

«материнский долг», «миссия материнства» и другие, посредством которых реализуется дискурс о высоком предназначении матери. Автор отмечает, что часто темой религиозного массмедиа становятся понятия аборта и суррогатного материнства, относящиеся, по его мнению, к когнитивным маркерам медицинского медиадискурса, для которого характерно рассмотрение феномена материнства в биологическом аспекте. К когнитивным маркерам медицинского медиадискурса материнства А. А. Кувычко относит такие понятия, как «беременность», «роды», «возраст матери». В области юридического медиадискурса ею выделены понятия «права матери» и «законопроект о материнстве».

А. В. Микляева и П. В. Румянцева [147], анализируя социальные представления о материнстве, транслируемые в интернет-пространстве, делают вывод, что они неоднородны и включают в себя идеализированные взгляды на мать и её функции, завышенные требования к её воспитательным функциям, возложение на неё сверхответственности за ребёнка, а также содержат в себе имплицитные (малоосознаваемые) компоненты, содержащие противоречивые ожидания от женщины в её социальных ролях (матери, жены, профессионала), где она обязана со всем справляться одинаково хорошо. Такие взгляды на материнство способствуют возникновению конфликтных ситуаций в системе межличностных отношений, не дают возможности женщине получить удовлетворения от исполнения роли матери и выступают основанием для неявной дискриминации женщин-матерей в различных сферах жизни, включая самодискриминацию.

Группа обладает суггестивным воздействием на индивида, а у него существует естественная потребность верить группе или подчиняться ей. Под давлением группы человек может принять за истину информацию, противоречащую данным органов чувств или собственным взглядам. Интернет-технологии позволяют людям общаться без непосредственного взаимодействия. Практически под любой публикацией в интернете можно

оставить комментарий, отражающий собственное мнение о её содержании. В сети можно встретить абсолютно противоположные мнения, которые будут одинаково активно как поддерживаться, так и опровергаться пользователями. Принятие групповых норм под давлением мнения большинства, как проявление закономерностей естественно-групповых отношений, о которых мы писали в параграфе 1.2, является довольно распространённым вариантом поведения человека.

Суггестия, как нами отмечалось, является естественно-социальным механизмом регуляции индивидуального поведения, так как к естественному механизму регуляции поведения, существовавшему у животных до человека, прибавилась речь – продукт человеческой культуры. В связи с этим данная предпосылка материнства может рассматриваться и как естественная, и как социальная. Для удобства анализа мы обратимся здесь к анализу того, как внешние социальные предпосылки (общество, различные общественные группы) воздействуют на сознание и поведение матери (внутренние социальные стороны) посредством данного социально-естественного механизма – суггестии. Л. П. Гримак отмечает, что «внушение или суггестия есть непосредственное воздействие речи (информации), имеющей определённую смысловую значимость или повелительный характер, влияющие на психофизиологические функции и поведенческие реакции человека, к которому обращена речь (сигнал)» [64, с. 81–88]. Суггестия, являясь одной из технологий речевого воздействия, может использоваться в манипуляции сознанием. Она апеллирует к способности человека принимать чужие слова как инструкцию к действию, не подвергая их анализу и сомнению. Суггестия настолько глубоко пронизывает все общественные отношения, мы встречаемся с ней с самого раннего детства, поэтому мы чаще всего её не замечаем, обращая внимание лишь на необычные её проявления.

В рассмотренных выше исследованиях, посвящённых массмедиа, мы также можем проследить суггестивный компонент. Так, по результатам

исследования А. В. Микляевой и П. В. Румянцевой, социальные представления о материнстве и функциях матери идеализированы и противоречивы, а в религиозном медиадискурсе материнства, выделенном А. А. Кувычко, реализуется дискурс о высоком предназначении матери. То есть посредством СМИ формируется идеализированное представление о содержании и целях материнства как о высшей духовной ценности, миссии матери, обязанности женщины. Здесь же мы можем проследить предпосылки и стороны социального в феномене материнства. К внешним социальным предпосылкам материнства относятся культурные традиции, взгляды общества на структуру семьи, на брак, деторождение, ценность материнства. Внутренние социальные предпосылки представлены интериоризированными представлениями о роли матери в семье и обществе: ориентация на одно-двумнодетность, необязательность брачных отношений, идеализированные взгляды на материнство, противоречивые ожидания от женщины в её социальных ролях и так далее. Внешней социальной стороной материнства является деятельность различных социальных служб, в частности средств массовой информации, определяющих социальную роль, статус матери, а также общественные отношения к материнству, являющиеся одновременно и его предпосылкой, и стороной. Представления женщины о материнстве, её поведение во время выполнения материнских обязанностей являются внутренней социальной стороной материнства.

В параграфе 1.1 Главы 1 нашего исследования, анализируя отечественные социологические исследования, посвящённые феномену материнства, в ряде других мы выделили исследование Т. Н. Каменевой. Автор изучает личные и социальные проблемы матерей-одиночек, оценивая социокультурные условия и детерминанты процесса формирования монородительской¹ семьи, а также меры их социальной поддержки. Так, она предполагает, что продуктивность материнства в такой семье

¹ Под монородительской семьёй, как сам автор исследования, так и мы, здесь и далее будем подразумевать семью, состоящую из матери и ребёнка.

детерминируется социокультурными условиями, уровнем образования, культуры, нравственности, а также социальной и личностной зрелостью женщины. Сопоставляя личностные особенности одинокой матери с социальным статусом и семейным положением, Т. Н. Каменева выделяет особенности её жизненных затруднений в процессе материнства: одинокая мать вынуждена исполнять сразу несколько, порой несвойственных женщине, социальных ролей и справляться со всеми сложностями (финансовыми, бытовыми, психологическими) самостоятельно. Так, по мнению автора, источниками жизненных затруднений одиноких матерей являются: искажение смысло-жизненных и ценностных установок, отсутствие стабильного дохода и неудовлетворительные жилищные условия, сложности реализации в профессии, использование непродуктивных моделей воспитания детей, потребность в создании новой семьи и поиск партнёра, сложности во взаимоотношениях с окружающими (чувство собственной неполноценности, конфликтность), состояние физического и психического здоровья самой матери (психоэмоциональное напряжение, явления психосоматики) [100, с. 48–50]. Вследствие вышперечисленного одинокое материнство можно отнести к группе риска по социальному неблагополучию, чему, помимо прочего, способствует сохраняющееся по сей день осуждающее отношение общества к данной категории семей, а также недостаточная помощь данной категории граждан со стороны государства. При этом автор отмечает следующий парадокс: именно меры государственной поддержки, положенные уязвимым слоям населения, при явной её недостаточности, являются триггером для проявления недовольства со стороны общества в отношении одиноких матерей.

Анализируя данный пример с позиции выбранной методологии, в качестве значимого аспекта в становлении социальной стороны материнства нами выделена монородительская семья как первичное звено социализации ребёнка. Она будет являться внешней социальной предпосылкой материнства

для девочки – потенциальной матери, как члена данной семьи, перенимающего её традиции, устои, взгляды, привычки и прочее. Полученные в семье опыт и представления о феномене материнства могут стать для неё основой для формирования его внутренних социальных предпосылок (в том числе повторение родительского сценария или уход от него), а в последующем и внутренних социальных сторон.

Также внешней социальной предпосылкой (для любой женщины – потенциальной матери, а также для девочки – потенциальной матери, живущей в монородительской семье) и одновременно внешней социальной стороной материнства (для одинокой матери) здесь является взгляд государства на проблему монородительских семей и принятые меры для решения данной проблемы. В качестве предпосылки они способствуют формированию внутренних социальных предпосылок материнства (взгляды женщины на статус одинокой матери и так далее), которые могут стать внутренней социальной стороной материнства (например, сознательный отказ от регистрации брака и от записи данных отца ребёнка в свидетельство о рождении с целью получения статуса одинокой матери и сопутствующих статусу социальных выгод).

Далее мы рассмотрим исследование Т. Н. Никитиной, анализирующей проблему отказа матери от ребёнка и оценивающей роль социальных институтов в поисках путей решения данной проблемы. Автор исследует причины формирования отказного материнского поведения, следствием которого, в частности, выделяет раннее социальное сиротство. Так, указывая на недостаточную изученность данных закономерностей, она предполагает, что в основе такой девиантной формы материнства, как отказ от ребёнка, лежит ряд социально-психологических причин (низкие доходы, спад производства, низкое качество товаров, ухудшение качества питания, негативный опыт межличностных взаимоотношений в семье, семейная ситуация, возраст, влияние психологических и психиатрических

составляющих личности женщины и так далее), но более глубокие причины – в изменении установок на материнство в современном российском обществе и в целом в мире, что свидетельствует о недостаточности признания первого в качестве фундаментальной общественной ценности.

Исследуя механизмы формирования материнского поведения, Т. Н. Никитина, не отрицая наличия биологических предпосылок в данном феномене и указывая на то, что вопрос соотношения биологического и социального не имеет однозначного решения, тем не менее делает вывод, что данный процесс довольно сложен и не является инстинктивно обусловленным, но наследуется и воспитывается социально, зависит от уровня культуры женщины, а также от конкретных культурно-исторических условий. Таким образом, по мнению автора, первооснову материнского поведения составляют биологические, социальные, педагогические, психологические, составляющие, оказывающие влияние (в том числе в ряде случаев и негативное) на генетически обусловленный материнский инстинкт. При этом в формировании аномального материнства преобладающее значение имеют социальные факторы, но не умаляется роль психологических, педагогических факторов, грань между которыми размыта, что объясняется биопсихосоциальной сущностью человека. Глубинные же причины отказного материнского поведения лежат в отклонении от общепринятых нравственных норм.

В параграфе 2.1. Главы 2 мы рассматривали депривацию в качестве социального фактора, оказывающего влияние на формирование образа матери и материнства у детей, воспитывающихся в детских домах, и выделили его естественные предпосылки и стороны. Теперь, опираясь на исследование Т. Н. Никитиной, мы определим социальные предпосылки и стороны данного феномена. Раннее социальное сиротство матери, отказавшейся от своего ребёнка, является внешней социальной предпосылкой материнства, не исключающей её включения до наступления

беременности во внутреннюю социальную предпосылку (представления о материнстве и матерях, о деторождении и детях и так далее), а при вхождении данной женщины в материнство – в его внутреннюю социальную сторону (отношение к материнству, желание/нежелание отказаться от ребёнка, оценка собственных возможностей его воспитания и прочее).

Действительно, социально-экономические условия оказывают серьёзное воздействие на решение человека создать семью, на уровень жизни данной общественной ячейки, а также влияют на принятое решение в ситуации репродуктивного выбора. Т. Л. Коновалова [109], А. А. Жданов [79] и другие считают, что территориальные и климатические особенности местности могут отражаться на процессах миграции и демографии. Проанализируем возможность влияния подобных факторов на рождаемость. Географическое расположение территории, флора, фауна, климат и прочее, являясь внешними естественными предпосылками материнства, оказывают влияние на её внешние социальные предпосылки: застроенность и заселённость территории, наличие инфраструктуры, социально-экономическая политика, культурные и этнические особенности, процессы миграции населения и прочее. Внешние социальные предпосылки оказывают влияние на внутренние социальные предпосылки материнства (желание родить и воспитывать ребёнка в данном регионе, встраивание местных культурных традиций, связанных с материнством, в свою картину мира), а также на его внутренние социальные стороны (представления о материнстве и материнских функциях, передача культурных традиций потомству и прочее).

Д. И. Шовдра [244], И. В. Петрова [161], О. С. Рябова [179] и другие, анализируя меры государственной поддержки материнства и детства, указывают на то, что финансовая неустроенность является одной из основных причин отказа от деторождения, а также отражается на демографии и миграции населения, эффективность же введения государственных выплат

и пособий, поощряющих деторождение, носит временный и неустойчивый характер.

Государственная поддержка материнства и детства в данном примере представлена внешней социальной предпосылкой и одновременно его внешней социальной стороной. Во внутренней социальной предпосылке она отражена взглядом женщины на данную меру государственной поддержки как, например, на стимул к рождению второго ребёнка или как на недостаточную меру поддержки государства. Влияние данной меры поддержки на внутреннюю социальную сторону материнства может быть выражено в представлении матери о том, на что она потратит эти средства. Финансовая обеспеченность семьи – это внешняя социальная сторона материнства, которая может отражаться в её внутренней социальной стороне в виде, например, принятия решения о сохранении или прерывании очередной беременности.

Актуальной проблемой современного общества, коррелирующей с феноменом материнства, является проблема отказа женщин от материнства посредством такого радикального способа, как прерывание беременности [128]. В разных странах мира к проблеме аборта относятся по-разному: от полного запрета до повсеместной легализации. Мы же, на примере проблемы абортов в обществе, можем проследить влияние внешних социальных предпосылок материнства (политика государства в отношении материнства и детства, включая вопрос легализации/криминализации абортов) на его внутренние социальные предпосылки (позиция граждан в отношении процедуры прерывания беременности). Здесь же можно наблюдать и влияние суггестии на мировоззрение граждан (поддержка идеи регуляции абортов и её критика).

Таким образом, внешнее социальное в материнстве – это социальные процессы, имеющие объективный характер и включённые в материальную и духовную сферы общества: ценность материнства, взгляды общества на

предпочтительное количество детей в семье, политические, экономические, культурные условия становления материнства; внутреннее социальное – интериоризированное социальное, т. е. сознание и самосознание, речь, мышление, принятые женщиной социальные и культурные нормы, индивидуально-психологические закономерности и особенности (её установки на материнство, желание быть матерью, желаемое количество детей).

Представим социальные предпосылки и стороны феномена материнства в виде таблицы (таблица 2).

Таблица 3. Социальные предпосылки и стороны феномена материнства

Внешние социальные предпосылки материнства	Внутренние социальные предпосылки материнства	Внешние социальные стороны материнства	Внутренние социальные стороны материнства
Социальные процессы, имеющие объективный характер и включённые в материальную и духовную сферы общества (политические, экономические, культурные условия становления материнства, взгляды общества на детность, ценность материнства)	Интериоризированные социальные представления о роли матери в семье и обществе (сознание, самосознание, речь, мышление, принятые женщиной социальные и культурные нормы, установки женщины на материнство, желание быть матерью, желаемое количество детей)	Деятельность социальных органов и служб: правительственных, медицинских и других, определяющих социальную роль и статус матери, регулирующих общественное обеспечение материнства, а также общественные представления, которые являются одновременно и предпосылкой, и стороной материнства	Поведение женщины, выполняющей свои материнские обязанности добровольно или вынужденно, согласно принятым культурным нормам и собственным установкам

Внешние социальные предпосылки материнства оказывают существенное воздействие на его внутреннее социальное, однако нельзя сказать, что в настоящее время они «переносятся внутрь» автоматически, без изменений. Во-первых, современная женщина способна критически

относиться к общественным представлениям, особенно тогда, когда они не совпадают с её личными интересами. Во-вторых, благодаря этому в общественном сознании возникают течения, прямо противоположные друг другу. Например, религиозным взглядам о ценности многодетной семьи противостоит течение «чайлд-фри» как полный отказ от детей. Наряду с этим становится популярным представление о том, что родителям следует заводить столько детей, сколько они смогут не просто прокормить, так как в настоящее время этого недостаточно для полноценной жизни, а сколько смогут дать полноценное образование. Поэтому женщины могут согласиться лишь с частью внешнего социального воздействия. Подобная ситуация характерна и для дискуссии, возникшей буквально в последние месяцы, о том, в каком возрасте предпочтительнее женщина должна рожать первого ребёнка. Всё это свидетельствует о том, что в самом феномене материнства существуют сложные диалектически противоречивые отношения, к анализу которых мы приступим в следующем параграфе.

2.3. ДИАЛЕКТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ФЕНОМЕНЕ МАТЕРИНСТВА

Становление феномена материнства происходит в результате диалектического взаимодействия естественного и социального, поэтому при его анализе следует отметить единство внешних и внутренних, естественных и социальных предпосылок. При этом внешнее естественное воздействует на внутреннее естественное, которое, в свою очередь, определяет реализацию социальных норм и представлений (внешнего социального), переживающих сложный процесс интериоризации и становясь внутренним социальным для конкретных индивидов.

Сложность функционирования и развития социального обусловлена содержанием в самом себе естественного в виде природных элементов,

оказывающих двойное (внешнее и внутреннее) влияние на специфику социального. Социальное подчиняется общим естественным законам – физическим, химическим, биотическим, синергетическим и т. д., в чём и проявляется его зависимость от внешнего и внутреннего естественного. Так, такой компонент естественной основы материнства, как привязанность матери к ребёнку, был заложен ещё в тот исторический период, когда предок современного человека делал попытки выжить в природной среде наравне с другими её обитателями, постепенно переходя от животной стадии своего развития к появлению человека разумного. Со временем данный компонент стал прочным фундаментом для социальной составляющей исследуемого нами феномена.

Рассмотрим следующий пример. В первобытных общинах жизнь и благополучие потомства напрямую зависело от матери. Детёныш человека длительное время остаётся беспомощным. У него нет зубов и когтей для защиты от нападающего, он долго овладевает способностью к самостоятельному передвижению и пропитанию. Его жизнь на протяжении нескольких лет неразрывно связана с жизнью матери. Если мать погибает, то, как правило, погибает и её ребёнок.

В осложнённых условиях для выживания, во время нужды и отсутствия безопасного места, когда суровость природы ещё не смягчена и не ограничена плодами развития экономической и социальной систем, индивидуальная борьба за существование уничтожает зарождающиеся социальные чувства. Исключением не являются и материнские чувства. Исследователями описано множество случаев, когда та или иная первобытная община в сложные для неё времена шла путём инфантицида, что становилось обычной практикой или народной традицией [117, с. 439–458]. Подобная тенденция наблюдается также и в современное время у некоторых туземцев. К примеру, среди австралийских кочевых аборигенов, социальная структура которых ещё находится в зачаточном состоянии, в

племени нет ни одной женщины, которая не убила бы одного или нескольких детей. Причина, чаще всего приводимая в объяснении этого обычая – нехватка продовольствия. Австралийские женщины-аборигены, рожаящие в течение своей жизни четверых, шестерых детей и более предпочитают порой инфантицид дополнительной работе, необходимой для поддержания потомства в беспомощный период младенчества. Им проще избавиться от «лишнего рта». При этом зачастую раздражение матери и дискомфорт, вызванные ребёнком, являются достаточным поводом для женщины к проявлению насилия в его отношении [174; 256, p. 61; 293, p. 88].

Жестокость и насилие вызваны опять же требованиями суровой окружающей среды и кочевым образом жизни, которые не позволяют развить более тонкие чувства в устойчивый симбиоз с ребёнком. Хотя, как мы отмечали выше, материнская привязанность имеет прочную основу ещё с доисторических времен, в подобных племенах она носит нерегулярный способ выражения и в основном сходна с материнской привязанностью у животных, также способных уничтожать своё потомство при неблагоприятных условиях [34, с. 5–23; 46, с. 708–716]. Таким образом, на более грубых, более простых уровнях человеческих сообществ, где главенствует борьба за существование, материнская привязанность не является доминирующей при уходе за потомством. До тех пор пока пища изобильна, ребёнок в полной мере получает снисходительность и доброту матери. Но там, где каждый индивид должен сам добывать себе пищу, роль матери становится подчинённой роли индивида, стремящегося поддерживать собственную жизнь.

Сегодня, при улучшении качества и повышении уровня комфорта жизни людей в цивилизованном обществе, материнская жестокость и инфантицид, отнесённый современными исследователями в разряд девиантного материнства, не только не изжили себя, но и, наоборот, звучат в сводках новостей и официальных отчётах всё чаще. Почему так происходит в

обществе, где ребёнок имеет право на жизнь, здоровье, благополучие, неприкосновенность на уровне международного законодательства, где материнство и детство поддерживается на государственных уровнях? Причинами такого негативного материнского отношения по-прежнему являются неблагоприятные условия существования, но если в случае с первобытным обществом и племенами туземцев они относились к естественным (географические, климатические условия, гибель урожая от непогоды и так далее), то в современном обществе они в основном имеют социальный характер (недостаток финансов, отсутствие жилья, социально осуждаемый образ жизни и так далее).

Ещё одним объединяющим показателем является необходимость длительного ухода за ребёнком вследствие особенностей развития и взросления человека как биологического вида. Как мы упоминали ранее, в дикой среде женщина была вынуждена держать ребёнка при себе при разных видах деятельности до тех пор, пока он не станет самостоятельным, что значительно ослабляло способности к выживанию и могло спровоцировать её на инфантицид. Современное общество даёт женщине возможность переложить свои обязанности по уходу за ребёнком на социальные институты или на специально обученный наёмный персонал и позволить себе заниматься, помимо материнских функций, другими видами деятельности. Тем не менее ответственность за ребёнка продолжает нести женщина. В современном мире период ответственности за ребёнка расширился за границы наступления его самостоятельности и автономности. В условиях трансляции гедонистических и индивидуалистических установок в обществе такое положение дел также может способствовать злоупотреблениям в воспитании и обеспечении матерью жизнедеятельности ребёнка. Нередки случаи, когда мать жестоко обращалась с ребёнком из-за того, что он являлся препятствием для устройства её личной жизни или организации досуга.

Ранее мы упоминали, что исследователи различных научных направлений рассматривают девиантное материнство как вид отклоняющегося поведения, имеющего под собой как биологическую, так и социальную основу. Так, выяснено, что риск возникновения отклоняющегося поведения детерминирован церебрально-органической недостаточностью, обусловленной негативными полифакторными биологическими воздействиями на центральную нервную систему ребёнка в перинатальном периоде и в раннем возрасте [157], а также различными социальными условиями (депривация, асоциальное окружение, погрешности воспитания, дефицит ухода и так далее) [89, с. 97–101; 222]. Специфика дизонтогенеза центральной нервной системы относится к внутренним естественным предпосылкам материнства, а социальные условия – к его внешним социальным предпосылкам.

Рассматривая феномен материнства как механизм сохранения, функционирования и развития семьи и общества в целом, и соответственно девиантное материнское поведение как дисфункцию данного механизма, для определения понятия механизма девиантного поведения мы воспользуемся его трактовкой в понимании В. Н. Кудрявцева: «Под механизмом поведения, отклоняющегося от нормы, мы понимаем взаимодействие всех тех внутренних и внешних факторов, которые определяют возникновение целей, мотивов и решимости совершить антинормативный поступок... Речь идёт не только о психологических явлениях в сознании человека, но и о более широком процессе: психология здесь сочетается с факторами экономического, социального, правового и медицинского порядка... Сказываются и дефекты нормы, и дисфункции социальных институтов, и искажения ценностных ориентаций в общественном сознании» [23, с. 92–94]. Исходя из данного определения, составляющие механизма девиантного поведения, в том числе и материнского девиантного поведения, находятся в диалектической взаимосвязи, некоторые из которых мы рассмотрим ниже.

Здесь девиантное материнство рассматривается нами как механизм поведения, отклоняющегося от нормы. В параграфе 1.3. мы анализировали нормативное материнство как механизм. Но и там и там выделяются как естественные, так и социальные предпосылки, способствующие либо нормативному, либо отклоняющемуся поведению.

В параграфе 2.2 мы упоминали, что материнское поведение, по мнению Н. А. Коняевой, социально обусловлено и что первичные представления о материнстве начинают закладываться у девочки в раннем детстве и продолжают развиваться на протяжении её взросления. Г. Г. Филиппова также рассматривает материнство как самостоятельную потребностно-мотивационную сферу поведения, развитие которой определяется прохождением женщиной в процессе онтогенеза ряда этапов, начиная от нахождения девочки в утробе своей матери и заканчивая возникновением эмоциональной привязанности к уже своему ребёнку. Нам также интересен взгляд Г. Г. Филипповой и на девиантное материнство, как на ряд взаимосвязанных проблем, выражающихся в нарушении взаимоотношений в диаде «мать – новорожденный», в проявлении различного рода агрессии по отношению к ребёнку, в пренебрежении материнскими обязанностями, в совокупности оказывающими негативное влияние на эмоциональное и психофизическое развитие ребёнка на протяжении онтогенеза. Проблема построения симбиотической связи может быть обусловлена неблагоприятными социальными условиями развития девочки – потенциальной матери, выражающимися в нарушении прохождения этапов выстраивания потребностно-мотивационной сферы материнского поведения. Данные примеры показывают противоречия между неблагоприятным внешним социальным и внутренним естественным – генетической программой психического поведения матери, что приводит к сбоям в данной программе.

Проблему девиантного материнства рассматривает и М. А. Беляева. Она даёт следующее определение девиантному родительству: «... – это биосоциальное явление, характеризующееся нежеланием или неспособностью (физической, психической, психологической, педагогической, экономической) индивида выполнять по отношению к родным, приёмным или усыновленным детям родительские функции в соответствии со сложившимися социокультурными и правовыми нормами» [24, с. 207–212]. В своём исследовании в качестве объекта исследования автор выделяет юное материнство, отказничество и асоциальную многодетность, общими причинами возникновения которых являются отсутствие изначальной положительной установки в отношении деторождения, низкий уровень репродуктивной культуры¹, социальные и материально-экономические условия жизни. Все эти причины, по мнению автора, негативно влияют на биологические детерминанты родительства, например, нарушают гуморальные механизмы (выработка гормона окситоцина), способствующие формированию диадических отношений между матерью и ребёнком в процессе беременности и послеродового их взаимодействия. Так, у юной матери нарушение изначальных биологических механизмов в формировании материнства может усугубиться её педагогической (сложности в получении образования) и социальной (дискриминация на рынке труда и в других социальных сферах) беспомощностью в выхаживании и воспитании ребёнка.

М. А. Беляева указывает, что юное материнство тесно коррелирует с проблемой отказничества, где биологическая роль родителя (зачатие, вынашивание, рождение, грудное вскармливание) не подкрепляется социальной ролью, т. е. его воспитанием и развитием [там же, с. 207–212].

¹ Примечание: репродуктивная культура как ценностно-нормативная система, предназначенная для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счёт амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода (она определяет репродуктивный сценарий индивида, его выбор числа и сроков рождения детей, подготовку к их рождению, предпочтение тех или иных способов контрацепции, отношение к собственным репродуктивным возможностям (фертильности), их разумное использование на благо собственной самореализации и благополучия общества) [24, с. 207–212].

Автор предполагает, что женщина, отказывающаяся от ребёнка, воспринимает его рождение и необходимость заботы о нём на протяжении длительного срока как угрозу собственному существованию, влекущую за собой существенное ограничение свободы действий в её жизни, оказывающую влияние на социальное положение, карьеру и тому подобное, то есть для неё отказничество – это «результат биологически оправданного самосохранительного поведения в неблагоприятно складывающихся обстоятельствах» [24, с. 209]. В данном случае также имеется подкрепление девиантного поведения женщины на биологическом уровне, выражающееся в виде иммунобиохимического конфликта между организмом матери и организмом внутриутробного ребёнка¹. В природе этот конфликт отчасти решается за счёт фетоплацентарного барьера, а личные противоречивые переживания, связанные с фертильностью и репродуктивным поведением, регулируются социальными механизмами (социальные нормы, ценности, государственные гарантии). Для взаимной адаптации и выстраивания диадических отношений требуется довольно продолжительное время, и в социальном измерении период беременности не всегда позволяет женщине в полной мере подготовиться к новой социальной роли, как в психологическом, так и в социально-экономическом отношениях. При отказе от ребёнка женщине недостаточно этого времени, чтобы адаптироваться к будущему материнству.

По мнению исследователя, асоциальная многодетность², помимо социальной, также имеет биологическую основу. В качестве аргументов М. А. Беляева приводит исследования доктора биологических наук Д. А. Жукова, посвящённые изучению двух противоположных стратегий размножения в животном мире, определяющихся им как «комплекс

¹ Цит. по: Крученкова Е. П. Материнское поведение млекопитающих: монография / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М.: URSS, 2009. – С. 165.

² Примечание: «Асоциальную многодетность можно определить как многодетность, сочетающуюся с асоциальным образом жизни родителей, предопределяющим их нежелание и неспособность исполнять родительские обязанности, отвечать за воспитание и развитие своих детей, рождение которых обусловлено низкой репродуктивной культурой и базируется на экономических мотивах» [24, с. 209].

физиологических и психологических особенностей, определяющий тенденцию к одной из двух стратегий: либо много потомков при минимальном уходе за ними (r>стратегия), либо мало потомков при больших затратах на уход за ними (K>стратегия)»¹ и проявляющихся у индивида только после рождения ребёнка. Так, гормональная регуляция родового процесса запускает комплекс материнского поведения. При этом, по его мнению, практически невозможно заранее предугадать психологический тип женщины, определяющий вид стратегии репродуктивного поведения. В данном случае стратегии крайне незначительно модифицируются факторами внешней среды, а определяются главным образом наследственностью: «внимание к собственным детям нельзя воспитать» [24, с. 318]. С этой позиции пренебрежение заботой о потомстве и отказ от родительства можно рассматривать не как отклонения от биологической нормы, а как один из её вариантов, приемлемых в экстремальных условиях. При этом, по мнению Д. А. Жукова, в современной семье такая модель родительства осуждается, что «отражает общее направление эволюции человека – это движение от r>стратегии к K>стратегии» там же, с. 207–212].

Вернёмся к проблеме нормативного материнства. Ещё недавно, в контексте исторического определения времени, основной, а порой и единственной ролью женщины была роль матери. В современном мире она имеет свободу выбора своего жизненного пути. С одной стороны, в обществе происходят перемены, ведущие к равным правам и возможностям полов, а с другой стороны, наличие множества социальных ролей женщины зачастую приводит к противоречиям и внутриличностным конфликтам. На каждом этапе эти противоречия проявляются по-разному. В XX и XXI веках противоречия обострились ввиду того, что женщина-мать стала стремиться реализовать себя в социальных сферах вне семьи, однако общественное сознание очень медленно отказывается от представления о том, что все

¹ Цит. по: Жуков Д. А. Биология поведения. Гуморальные механизмы. – СПб.: Изд-во «Речь», 2007. – С. 430.

хозяйственные обязанности в семье должны оставаться исключительно на женщине. Так, с наступлением беременности женщине приходится одновременно выполнять роль матери, жены, домохозяйки, работницы. Так, Хума Фарид [265] и Роберта Хейнс де Регт [285] в одноимённых статьях «Скрытые издержки материнства в медицине» (“Hidden Costs of Motherhood in Medicine”) размышляют о влиянии конфликта социальных ролей на профессиональные качества женщины-врача. Х. Фарид в своей работе делится затруднениями в построении трудовой карьеры в период беременности и в послеродовой период. Так, ей пришлось отказаться от выгодного собеседования из-за приближающихся родов, а после того, как она приступила к работе после пяти недель отпуска по беременности и родам, её мучило чувство неполноценности и вины из-за того, что не получается полноценно выполнять ни роль матери, ни роль ординатора – сцеживание молока и удовлетворение потребностей ребёнка отвлекали от работы, а профессиональные обязанности не позволяли полноценно посвятить себя уходу за младенцем. При этом она регулярно получала замечания от коллег вследствие её периодического отвлечения на сцеживание грудного молока в рабочее время, а также из-за её измождённого вида вследствие отсутствия полноценного отдыха. Автор подчёркивает, что на самом деле в период беременности и ухода за ребёнком она добилась значительных успехов как на работе, так и в материнстве. К тому же, средства массовой информации в тот период её жизни пропагандировали образ успешной работающей матери, что внушало ей уверенность в том, что если усердно трудиться, то можно достичь хороших результатов на трудовом поприще. С этой уверенностью она вышла на работу после рождения второго ребёнка, но вскоре начала испытывать уже знакомое чувство собственной неполноценности и вины перед коллегами, так как была единственной, кто не работает полный рабочий день. Также Х. Фарид указывает на ряд исследований о том, что женщины в медицине чаще, чем в других профессиональных сферах,

сталкиваются с трудностями продвижения в карьере и с дискриминацией по признаку пола.

Откликом на статью Х. Фарид стала одноимённая работа Роберты Хейнс де Регт, где она указывает на то, что за 35 лет, с момента рождения её собственного ребёнка, мало что изменилось, что в период становления своего материнства она сталкивалась с теми же проблемами и чувствами, что и Х. Фарид. Более того, она подчёркивает, что за это время практически ничего не поменялось в отношении мужской родительской ответственности. Автор рассказывает о том, что, будучи наставником многих молодых женщин-ординаторов, часто слышала, как её коллеги обсуждали равное распределение родительских обязанностей до появления ребёнка и как всё менялось при его появлении – вся забота о новорожденном ложилась на плечи матери. При этом она указывает на то, что не встречала ни одной научной статьи под названием «Скрытые издержки отцовства», и призывает коллег задуматься над проведением подобного исследования, позволившего бы выяснить, испытывают ли молодые отцы диссонанс при совмещении работы и родительства.

Тему отцовства затрагивают А. Котари, К. Таялан и другие в статье «Забытый отец в акушерской медицине» [274]. Соавторы считают, что мужчина играет важнейшую роль в охране здоровья до зачатия, во время беременности и в послеродовой период и поэтому необходимо включить в программу по планированию и ведению беременности скрининг на определение проблем питания, физического, психического и сексуального здоровья мужчин, включая выявление факторов риска насилия в семье, что является важными профилактическими мерами по охране здоровья семьи. В статье указывается на то, что протекание беременности у женщины зависит от возраста отца ребёнка, качества его семени, генного материала, наличия у него некоторых инфекций и заболеваний, опухолей, ожирения, влияния профессиональных вредностей, принимаемых им лекарственных средств,

образа жизни, вредных привычек и так далее. Например, говорится о том, что гены и возраст мужчины могут влиять на появление таких тяжёлых осложнений беременности, как преэклампсия, невынашивание и так далее.

Также авторы подчёркивают и положительное влияние мужчин на исход родов. Говоря об изменениях в исторически сложившихся взглядах на роды, как на преимущественно женское дело, они приветствуют присутствие отца в родильном зале, указывая на то, что женщины, принимающие помощь мужа в родах, отмечали такие положительные результаты, как уменьшение боли и беспокойства, снижение эмоционального дистресса и большее удовлетворение опытом рождения ребёнка. Соавторы отмечают, что, несмотря на множество положительных отзывов от женщин, существует ограниченное количество исследований о психосоциальном контексте опыта совместных родов у мужчин. Даже нормально протекающий процесс родов может стать источником стресса, шоковой реакции и даже посттравматического стрессового расстройства для психологически неподготовленного человека, что может привести, например, к отторжению партнёрши и ребёнка вследствие пережитого отцом опыта.

Несмотря на то, что роды – это физиологический процесс, тем не менее он сопряжён с рядом не только физических, но и психических осложнений у женщин. Так, от послеродовой депрессии (ПРД) страдает от 13 до 19 % родильниц [202]. На развитие ПРД влияют не только биохимические процессы в организме, но и условия социальной среды. В большей степени заболеванию подвержены женщины с низким достатком, без жилья в собственности, безработные, студентки, матери-одиночки, юные матери. Риском возникновения ПРД является незапланированная или тяжело протекающая беременность. Заболевание отражается не только на психофизическом состоянии женщины, но и на дальнейшем развитии ребёнка. Так, В. А. Дубынин и К. К. Танаева [72] отмечают, что женщины часто неадекватно оценивают эмоциональные реакции собственного ребёнка,

особенно негативные, в недостаточной степени удовлетворяют его нужды, что может привести в будущем к развитию у него депрессивности, расстройства внимания, повышенной возбудимости, проблемам развития в подростковом возрасте и так далее. Однако, как указывают авторы, долгосрочных исследований взаимоотношений «депрессивная мать – ребёнок» не очень много, и итоги их разнятся. Соавторы также указывают на то, что окружение женщины часто обесценивает её психоэмоциональное состояние: «мать не может быть несчастной!» [72], вследствие чего молодая мать скрывает от родных свои мысли, переживания и не обращается за помощью к специалистам.

Развитие науки и технологий помощи в области родовспоможения также оказывает влияние на распространённость послеродовой депрессии. Ещё М. Мид в начале XX века размышляла над тем, как применение наркоза при родах и искусственное вскармливание могут приводить к искажению материнских чувств и отвержению ребёнка женщиной [146, с. 314–315]. Современные исследования подтверждают её предположения. Так, Д. В. Вавришук и Е. В. Никитина [36, с. 25–29] провели сравнительное исследование влияния способа родоразрешения на частоту развития послеродовой депрессии и выяснили, что роды посредством кесарева сечения более травматичны для психики женщины, чем роды естественным путём. При этом экстренное оперативное родоразрешение в отдельных случаях усугубляет психологическое состояние родильницы и может привести к тяжёлой ПРД либо к отдельным её симптомам.

С развитием науки роды, на протяжении многих веков проходившие в жилище женщины, стали происходить в специально созданных для этого условиях – в родильных домах, где для родильницы выделен целый штат специалистов, высокотехнологичное оборудование и лекарственное обеспечение. Казалось бы, женщине не о чем беспокоиться даже в случае оперативного родоразрешения, но эмоциональные проблемы у неё остаются

даже в таких условиях. Д. Б. Литвинцев в статье «Тотальные институты в России: почему женщина после оперативных родов не чувствует себя как дома (кейс стационара)» делает попытку разобраться в этой проблеме. Автор указывает, что Б. Малиновский подчёркивал значимость жилища при реализации потребности в безопасности, что позволяет рассматривать дом как первичную биологическую потребность. В то же время автор отмечает мнения З. Баумана о том, что образ безопасного дома превращает территорию за его пределами во враждебную, А. Шюца, указывавшего на то, что домашняя повседневность взаимосвязана с таким понятием, как «чувствовать себя как дома». Д. Б. Литвинцев считает, что отсутствие именно этого чувства не позволяет рассматривать стационар даже как временное жилище (дом) для женщин в послеродовой период, что порождает чувство незащищённости и желание скорее вернуться домой, обусловленные нахождением в условиях тотального социального института [125].

В период пандемии COVID-19 учёные заметили связь между ограничительными мерами в акушерских стационарах и увеличением случаев послеродовой депрессии. Так, С. Харрисон, М. А. Куигли и Ф. Олдердайс проанализировали данные из трёх национальных обследований материнства в Англии для сравнения распространённости факторов риска развития послеродовой депрессии до и во время пандемии и выявили, что ограничительные меры во время распространения COVID-19 оказали негативное влияние на психологическое состояние женщин в послеродовой период, на их здоровье и, возможно, усугубили существующую тенденцию [131] к увеличению распространённости послеродовой депрессии [269].

Развитие науки и появление инновационных технологий в медицине также оказывает огромное трансформационное влияние на сферу материнства и детства [137; 143; 176]. Например, серьёзное развитие и широкое применение получили вспомогательные репродуктивные технологии, такие как экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное

материнство, донорство яйцеклеток и так далее. Значительные успехи достигнуты учёными в сфере выхаживания недоношенных с экстремально низкой массой тела: использование современных кувезов, жизнеподдерживающей аппаратуры, введение сурфактанта в лёгкие ребёнка, парентеральное питание и тому подобное. При этом наука продолжает развиваться, и уже сегодня учёные разных стран обсуждают возможность выхаживания таких детей с помощью искусственной матки, успешно опробованной на животных в Филадельфии [255], Китае [264]. Предполагается, что данное изобретение может дать женщине свободу от естественного процесса вынашивания беременности и от связанных с ним неудобствами и угрозами, а в будущем станет предпосылкой новой модели родительства.

Д. Роджер (D. Rodger) и Б. П. Блэкшоу (B. P. Blackshaw) [287], рассматривающие вышеуказанную проблему с позиции христианства, считают, что, несмотря на широкие перспективы применения технологии искусственной матки, эктогенез может вызвать целый ряд проблем. Превращение детей в товар, дискриминация как родителей, воспользовавшихся процедурой, так и родившихся с помощью данной технологии, патологизация естественной беременности и родов, нивелирование необходимости вступать в отношения с целью продолжения рода и создания семьи, уменьшение теологического значения процессов зачатия, вынашивания и рождения ребёнка женщиной – это те возможные проблемы, которые способно актуализировать введение технологии эктогенеза в широкую практику. То есть данные достижения науки, являющиеся внешней социальной предпосылкой/стороной материнства, могут оказывать влияние на внутреннюю социальную предпосылку/сторону материнства, то есть на взгляды человека на репродукцию и семью.

Н. В. Лидергос [124, с. 354–358] также рассматривает религиозный аспект применения эктогенеза. Он подчёркивает, что материнство – это

Богом данная роль женщины, а дети – это дар Божий, что отражено в Библии. Там же используется термин “phileoteknos”, который в переводе с греческого звучит как «любовь матери в отличие от иных видов любви» и включает в себя выхаживание, заботу, физический и эмоциональный контакт, а также особого рода энергетическую связь между матерью и ребёнком. Автор указывает, что, будучи в животе у матери, внутриутробный ребёнок начинает знакомство с ней: через гормоны он чувствует и испытывает её настроение, улавливает интонации голоса, узнаёт её предпочтения в еде посредством изменения привкуса амниотической жидкости при употреблении матерью некоторых продуктов питания, адаптируется под её режим дня и так далее (то есть мать является внешней естественной стороной его онтогенеза). Ко всему прочему, мать является носителем не только генетической, но и архетипической информации (коллективное бессознательное), которая, будучи заложенной во внутриутробного ребёнка, определяет его будущее поведение. Образ матери оказывает огромное влияние на ребёнка с момента зачатия до конца его жизни. Некоторые учёные считают, что мать обладает врождённой способностью терапевтического воздействия на своих детей посредством собственного голоса. В основу материнской суггестии ложится глубинный психоэмоциональный симбиоз в диаде, сила материнской любви и речевое воздействие. «Нежная и добрая, сильная и цельная, способная исцелять и преодолевать, обладающая невообразимым терапевтическим потенциалом, символизирующая терпимость и любовь – это то, что характеризует женщину как мать» [124, с. 357], – так пишет о материнстве Н. В. Лидергос и при этом задаётся вопросом – каким образом в технологии «искусственная матка» будет выполняться данная функция?

Н. Д. Субботина в своих исследованиях [205, с. 243–255; 206, с. 152–161] размышляет над стремлением некоторых учёных и общественных деятелей отказаться от природных функций человека и тем самым достигнуть равноправия между мужчиной и женщиной в детородном

вопросе. По мнению автора, такие идеи, как освобождение женщины от репродуктивного бремени или осуществление возможности вынашивания и кормления грудью ребёнка мужчиной, неправильны вследствие того, что «сформировавшаяся в течение тысячелетий генетическая программа женщины состоит в том, что рождение и грудное вскармливание ребёнка запускают механизм материнской любви» [205, с. 253].

На примере идеи искусственной репродукции человека мы можем проследить следующие диалектические связи естественного и социального: инновационные технологии в медицине (на примере эктогенеза, как будущего репродуктивных технологий) являются внешней социальной предпосылкой материнства, которая, в случае если технология «искусственная матка» станет обыденностью, может стать её внешней социальной стороной: женщины будут реализовывать себя в материнстве не естественным путём, а с помощью технических достижений репродуктивной медицины. Отказ женщины от естественного деторождения влечёт за собой последствия в различных сферах её существования, включая нарушение репродуктивного здоровья – это можно объяснить негативным влиянием вышеуказанной внешней социальной стороны на внутреннюю естественную предпосылку (организм женщины, дисфункция её репродуктивной сферы). Внедрение эктогенеза может также оказать влияние на представление женщины о материнстве, о роли матери в свете технологизации процесса вынашивания и рождения человека (на внутреннюю социальную предпосылку), на поведение женщины в выборе приемлемого для неё способа рождения ребёнка – естественным или искусственным путём, а также на отношение к ребёнку и своим родительским функциям (внутреннюю социальную сторону материнства).

Итак, опираясь на теорию развития общества на основе естественных и социальных предпосылок, соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным Н. Д. Субботиной, далее мы

исследуем взаимосвязи и противоречия, возникающие между рассмотренными нами выше составляющими материнства. Уточняем, что везде ниже, кроме специально оговоренных моментов, мы используем понятие «социальное» во втором значении.

Выше мы указывали, что учёные различных научных направлений рассматривают девиантное материнство как вид отклоняющегося поведения, имеющего под собой как биологическую, так и социальную основу. Девиантное материнское поведение, под которым исследователи подразумевают жестокое обращение с ребёнком и инфантицид, зачастую обусловлено неблагоприятными условиями для жизнедеятельности. Ранее мы приводили пример изменения этих условий в современном мире. Так, если в случае с первобытным обществом и племенами туземцев неблагоприятные условия относились к естественным (географические, климатические условия, гибель урожая от непогоды и так далее), то в современном обществе они в основном имеют социальный характер (недостаток финансов, отсутствие жилья, социально осуждаемый образ жизни и так далее). То есть, если в первобытном обществе и племенах туземцев условиями для проявления девиантного поведения становились внешние естественные предпосылки, то в цивилизованном мире – внешние социальные предпосылки.

Специфика онтогенеза потомства, вызывающая необходимость длительного ухода за ним матерью (кормление, уход, обеспечение безопасности и так далее), является внутренней естественной стороной материнства и также может способствовать проявлению девиантного материнства, но не обособленно, а при взаимодействии с социальным. Так, обозначение государством сроков ответственности родителей за ребёнка, выходящих за границы наступления его самостоятельности и автономности, относится к внешней социальной стороне материнства, трансляция гедонистических и индивидуалистических установок в обществе – к

внешним социальным предпосылкам, восприятие матерью ребёнка как помехи в удовлетворении её собственных потребностей и желаний, выраженное в жестоком обращении к нему, относится к внутренней социальной стороне девиантного материнства, одновременно являясь противоречием социального и естественного в нормотипичном материнстве. Стоит отметить, что противоречия между естественной и социальными сторонами развиваются и тогда, когда кардинально меняются функции матери. Она из внешней естественной предпосылки развития ребёнка становится элементом системы внешних социальных предпосылок. Она обучает ребёнка речи, транслирует ему общественные знания и нормы. Однако, несмотря на то, что ребёнок отделился от её тела, у матери остаётся потребность в опеке над ним, защиты его от возможных опасностей, порой в гипертрофированном виде. Материнский инстинкт зачастую вступает в конфликт с её социальной ролью. Она не хочет отпускать ребёнка на выполнение социальных ролей, которые создают риск его жизни и здоровью.

Некоторые исследователи в причинах девиантного поведения видят как биологическую, так и социальную основу, где к первой относится церебрально-органическая недостаточность как предрасполагающий фактор проявления девиантного поведения в процессе онтогенеза человека. Мы считаем логичным подобный взгляд на исследование причин девиантного поведения и поэтому далее будем размышлять именно в данном контексте. Церебрально-органическая недостаточность, обусловленная негативными полифакторными биологическими воздействиями на центральную нервную систему в перинатальном периоде и в раннем возрасте, относится к внутренним естественным предпосылкам девиантного материнского поведения. При этом стоит отметить, что нарушение целостности и функционала центральной нервной системы косвенно может быть обусловлено и воздействием внешних социальных предпосылок, например, качеством медицинской помощи в родовспоможении (врачебная ошибка при

нормально протекающей беременности и так далее), применением медицинского инструментария (наложение щипцов на голову ребёнка для его извлечения и так далее). Внешними социальными предпосылками здесь выступают различные социальные условия онтогенеза девочки, такие как депривация, асоциальное окружение, погрешности воспитания, дефицит ухода и так далее.

Взгляд Г. Г. Филипповой на девиантное материнство как на ряд взаимосвязанных проблем построения симбиотической связи в диаде «мать-дитя», обусловленных неблагоприятными социальными условиями развития девочки – потенциальной матери, также можно рассматривать с позиции противоречия между естественным и социальным в нём. Так, генетическая программа материнского поведения даёт сбой вследствие нарушения прохождения социально обусловленных этапов развития потребностно-мотивационной сферы материнского поведения.

Отказничество, асоциальную многодетность как виды девиантного поведения, представленные в исследовании М. А. Беляевой, также можно рассматривать с позиции соотношения естественного и социального в них. Так, при отказничестве личные противоречивые переживания женщины о появлении у неё ребёнка, представленные внутренней стороной материнства, находятся под воздействием внешнего социального (общественное мнение о материнстве, социальные гарантии и так далее) и зачастую обусловлены им (например, нежеланная беременность, эмоционально-чувственное отторжение которой обусловлено совокупностью неблагоприятных условий жизни и общественного мнения: «зачем плодить нищету» и других). Рассматривая асоциальную многодетность с позиции противоположных стратегий размножения в животном мире Д. А. Жукова, на которую опирается М. А. Беляева, также можно выделить диалектические связи естественного и социального в нём. Так, гормональная регуляция родового процесса, запускающая комплекс материнского поведения, относится к

внутренней естественной стороне материнства. Психологический тип женщины, определяющий вид стратегии репродуктивного поведения (r>стратегия или K>стратегия), является внутренней естественной предпосылкой материнства, в процессе реализации репродуктивной функции становящийся его внутренней естественной стороной. R>стратегия, предположительно являясь, по мнению Д. А. Жукова, одним из вариантов биологической нормы, приемлемой в экстремальных условиях, практически не подвергается воздействиям внешней среды (в том числе социального), а определяется главным образом наследственностью (внутренней естественной предпосылкой). Тем не менее r>стратегия как модель родительства отвергается и критикуется обществом, вследствие чего происходит формирование негативного представления в социуме о многодетности как об асоциальном родительстве (внешняя социальная предпосылка материнства), способного повлиять на взгляды женщины о желаемом количестве детей (внутренняя естественная предпосылка).

Анализ феномена девиантного поведения позволил нам сделать вывод, что окружающие мать люди, социальные группы и институты (внешнее социальное) оказывают воздействие на внутреннее социальное – сознание женщины и могут способствовать как нормативному материнству (если внешнее социальное проявляется в официально принятом и морально одобряемом воздействии), так и девиантному (в случае, как отмечает В. Н. Кудрявцева, дисфункции социальных институтов). Подобную роль играют и естественные предпосылки (внутреннее естественное): способствуют нормативному материнству при условии физического и психического здоровья женщины и приводят к девиантному материнству при поломке психофизиологической составляющей матери.

Проанализируем «конфликт социальных ролей», возникающий при становлении женщины матерью. Уход за младенцем, кормление грудью обусловлено внутренними естественными сторонами материнства: процесс

вынашивания и выхаживания ребёнка определён спецификой женского организма и сопровождается изменением биопсихических процессов. Так, например, реакцией на плач голодного новорождённого у матери является выработка грудного молока. В свою очередь, эмоциональное состояние мамы через биохимический обмен отражается на состоянии ребёнка (в процессе беременности через кровотоки, после рождения через грудное вскармливание).

Внешние социальные стороны отражены в позиции общества и государства в отношении трудовой занятости матери, материальном обеспечении женщин в период декретного отпуска и так далее. Из работы Х. Фарид мы видим, что в период её материнства информационное поле, создаваемое средствами массовой информации, было насыщено образами женщины-матери, успешно совмещающей карьеру и материнство. Внешние социальные стороны оказывали влияние на внутренние социальные стороны – желая быть и хорошей матерью, и квалифицированным специалистом, при этом не достигая, по её внутреннему убеждению, желаемого, она испытывала чувство вины и неудовлетворённости. Здесь мы видим конфликт социального и естественного в материнстве: необходимость ухода за младенцем и усталость отвлекали от работы, а профессиональные обязанности не позволяли полноценно осуществлять уход за ребёнком.

В статье Р. Хейнс де Регт затрагивается проблема распределения родительских обязанностей. Автор отмечает, что в теории равнозначный уход за ребёнком обсуждается с отцом, но на практике основная часть заботы о потомстве возлагается на мать. С позиции внутреннего естественного, в материнстве такой расклад обоснован – ребёнок физически и психически зависим от матери на протяжении длительного периода его онтогенеза. На уровне внешних социальных сторон материнства мы видим связь с его внутренними естественными сторонами на примере законодательной базы в отношении декретного отпуска: установлены его временные границы с

учётом физиологии послеродового периода и развития ребёнка, представлены варианты материальной помощи семье с ребёнком и так далее. При этом аналогичных поощрений к уходу за ребёнком для отцов практически нет.

Стоит заметить, что сегодня в массмедиа всё чаще транслируется образ эмоционального, заботливого отца. Создаваемый СМИ пример находит отражение во внутреннем социальном – представлениях женщины о роли мужчины в родительстве. Так, в работе Дж. Сениор «Родительский парадокс» [182] приводится пример распределения родительских обязанностей между одной супружеской парой – Клинтом и Энджи. Автор отметила несколько нюансов в функционировании их семьи:

- 1) разный подход к взаимодействию с детьми и различная реакция детей на контакт с родителями;
- 2) Энджи исполняет роль матери интуитивно, а Клинт роль отца – рационально;
- 3) субъективная оценка распределения домашних обязанностей совпадает у супругов в отношении быта, но расходится в отношении ухода за детьми: Энджи считает, что выполняет 70 % данной работы даже тогда, когда супруг дома, а Клинт думает, что они выполняют её поровну;
- 4) Клинт находит свободное время на свои интересы, а у Энджи это никогда не получается.

Разница в загруженности обязанностями, общении с детьми и исполнении родительских ролей заключается в том, что Клинт не позволяет детям собой манипулировать и мягко настаивает на своём, рационально подходит к своим обязанностям, а Энджи старается максимально удовлетворить запросы ребёнка, действуя интуитивно, в ином случае она испытывает чувство вины. Если обратиться к образу матери и отца, формирующихся из общественного мнения и информационного поля средств

массовой информации, то мы можем увидеть, что количество требований к хорошей матери будет превышать таковые к отцу. Внешняя социальная сторона материнства (взгляды общества на материнство, их отражение в СМИ) влияет на внутреннюю социальную сторону материнства: представления женщины о том, насколько она хорошая мать.

Относительно субъективной оценки распределения домашних обязанностей, Дж. Сениор указывает на результаты исследования, проведённого С. А Бургард, в котором он делает вывод, что в первый год жизни ребёнка среди трудозанятых родителей матери просыпаются по ночам в три раза чаще отцов, а среди неработающих родителей – в шесть раз чаще [182, с. 76]. Этому есть научное объяснение. Мужчины действительно менее внимательны к своим детям, чем женщины. В исследовании «Гендерные различия в направленных реакциях мозга на крики младенцев» [262] наглядно продемонстрировано, почему так происходит. В эксперименте приняли участие мужчины и женщины, часть из которых являлись родителями. Испытуемых попросили надеть наушники и погрузиться в свои мысли. Периодически из наушников доносились посторонние звуки, в том числе детский плач. Целью исследования было измерение чувствительности мозга мужчин и женщин к транслируемым звукам. Результаты показали, что, независимо от родительского статуса, мозг женщин был более чувствителен к крикам ребёнка, чем к другим звукам, а мозг мужчин реагировал на все предъявляемые звуки почти одинаково. Эксперимент показал, что мозг мужчин менее чувствителен к крикам ребёнка, чем женский мозг [262]. Считается, что это одна из причин, из-за которой женщины считают своих мужей невнимательными по отношению к ребёнку. Матери быстро реагируют на плач ребёнка и ожидают, что их партнёры должны реагировать таким же образом, но отцы не могут оправдать их ожиданий. Таким образом, половой диморфизм, будучи внутренней естественной стороной материнства,

способствует формированию субъективных представлений матери на роль отца в воспитании ребёнка (внутренняя социальная сторона) [131].

Продолжая тему роли отца в материнстве, обратимся к исследованию А. Котари, К. Таялан и соавторов, считающих, что состояние организма отца оказывает влияние на протекание беременности и родов. Человеческий организм, особенности его физического и психического развития относятся к внутреннему естественному. Таким образом, происходит взаимодействие внутреннего естественного отца и внутреннего естественного матери, а также ребёнка. При этом открытие влияния состояния здоровья отца на репродуктивное здоровье матери привело к идеям об изменении системы акушерской помощи и предложении ввести в эту систему скрининг здоровья отца. В случае, если система здравоохранения придёт к реализации данной идеи, то может произойти изменение внешней социальной стороны материнства в качестве нового направления государственной политики в отношении заботы о здоровье отцов. Сегодня мы уже можем увидеть такие примеры изменений: присутствие отцов при рождении ребёнка становится распространённым явлением в акушерской практике, когда буквально несколько десятилетий назад роды считались исключительно женским делом.

Касаемо такого психического послеродового осложнения, как ПРД, мы можем проследить следующие соотношения естественного и социального: выше мы указывали, что на развитие ПРД влияют не только биохимические процессы в организме женщины, но и условия социальной среды. То есть, помимо специфики психофизического развития женщины и особенностей биохимических процессов в её организме (внутренняя естественная сторона материнства), развитию ПРД способствуют условия жизни общества – неудовлетворительные жилищные условия, недостаточность финансовых средств и так далее (внешняя социальная сторона), которые могут оказывать влияние на личностные особенности женщины, её мировосприятие в негативном аспекте (внутренняя социальная сторона). Асимметрия

социально-экономического развития регионов (внешние социальные предпосылки и стороны) может быть обусловлена географическим расположением и климатическими условиями того или иного региона (внешняя естественная предпосылка). Так, известно, что уровень депрессии и самоубийств относительно высок в более холодных регионах России [296]. Вероятно, есть подобная связь климатических условий и развития ПРД.

Как мы указывали выше, научно-технический прогресс в родовспоможении, унифицированная организация сопровождения беременности на уровне государства, ограничительные режимные мероприятия родовспомогательного учреждения: особый распорядок учреждения, ограничение посещения пациентов, карантинные меры и так далее (внешние социальные предпосылки/стороны), также оказывают своё влияние на распространённость повышенной тревожности у женщин, в том числе и послеродовой депрессии. ПРД здесь представлена в качестве внутренней естественной стороны материнства, так как она обусловлена биохимическими процессами, происходящими в организме женщины. Но выраженность психического состояния будет зависеть и от условий окружающей среды¹ (внешние социальные стороны), и от самосознания матери (внутренние социальные стороны).

Нами сделан вывод, что наличие внешней естественной предпосылки (географический фактор) обуславливает внутреннюю естественную сторону материнства (биопсихические процессы) в организме женщины, совместное функционирование которых лежит в основе оформления внешней социальной стороны данного феномена – института материнства. Политика же государства в отношении материнства и детства для достижения экономических, демографических и других целей, относясь к сфере внешнего социального, оказывает влияние на репродуктивное здоровье и репродуктивную активность населения, на статус матери и материнства в

¹ Под средой здесь понимаются условия, в которых протекает жизнь человека, его окружение, совокупность людей, связанных общностью этих условий, обстановки.

мировоззрении граждан, на качество жизни семей с детьми, на развитие института материнства и детства и так далее. При этом сами условия политики государства определяются не только его экономическими и политическими задачами (социальным), но и конкретными географическими факторами, особенностями природной среды (естественным).

Таким образом, становление феномена материнства имеет предпосылки как естественного, так и социального характера, при этом они находятся в сложной диалектической взаимосвязи друг с другом. Несмотря на то, что материнство является в целом социальным феноменом, в нём огромную роль играют естественные составляющие. Это происходит потому, что социальное диалектически снимает естественное не полностью, а лишь частично. Диалектика естественной и социальной сторон материнства заключается в том, что внешнее естественное (элементы природы и природные процессы) воздействует на внутреннее естественное (процессы беременности и здоровье матери и ребёнка), которое, в свою очередь, оказывает воздействие на внешнее социальное (социальные нормы и представления). Одновременно внешнее социальное в лице государства, медицинской и социальных служб, а также общественного сознания влияет на все естественные процессы материнства. Внешнее социальное переходит во внутреннее социальное в процессе воспитания и общественного влияния с помощью суггестии, в результате чего формируются личные взгляды и убеждения в том, каким должно быть материнство. Внутреннее социальное не является полной копией внешнего, так как, во-первых, человек (в данном случае мать) берёт из внешних взглядов, убеждений лишь то, что не противоречит её прежнему индивидуальному опыту и личным интересам, во-вторых, обладая способностью к логическому мышлению, она делает собственные выводы и формирует собственные убеждения, которые могут не совпадать с убеждениями её непосредственного окружения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение материнства, являющегося одной из основополагающих ценностей в любом обществе на протяжении истории человечества, в настоящее время, находясь в зависимости от актуальных социально-экономических и политических условий, подвергается пересмотру социумом. Изменение ценности материнства, отношения к матерям, материнским функциям и деторождению, а также к другим аспектам данного феномена в современном обществе требует нового взгляда на его проблему. В целях научного поиска источника вышеупомянутых проблем необходимо рассмотреть не только причину снижения ценности деторождения в современном обществе, но и само понимание материнства исследователями, саму его структуру: содержание, предпосылки, стороны, механизмы становления.

Целью нашего исследования было выявление диалектики естественной и социальной сторон феномена материнства с помощью избранной методологии исследования: концепции развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологического принципа взаимодействия социального с внешним естественным и внутренним естественным Н. Д. Субботиной.

Решая задачи, поставленные для достижения цели исследования, нами были получены следующие результаты.

В процессе обзора и критического анализа научных публикаций, посвящённых изучению феномена материнства в естественно-научных, медицинских, социогуманитарных отраслях знаний, нами были выделены и описаны основные направления в исследовании данного феномена. В результате проведенной систематизации нами была предложена впервые составленная классификация научных взглядов в естественно-научных, медицинских и гуманитарных отраслях знаний на сущность материнства по

критерию соотношения его естественной и социальной сторон при выборе предмета исследования, содержащая в себе три современных научных подхода к исследованию феномена материнства с точки зрения естественного и социального в нём: основной признаётся естественная сторона материнства (рождение и вскармливание детей); основной признаётся социальная сторона материнства (особая роль матери в обществе, выражающаяся в заботе о детях); основным признаётся единство естественной и социальной сторон материнства. С социально-философской точки зрения наиболее продуктивным является подход, предполагающий диалектику естественного и социального в материнстве, позволяющий исследовать данный феномен в его целостности и противоречивости.

Выяснив, что феномен материнства рассматривается исследователями с точки зрения естественного, социального или соотношения естественного и социального, мы предположили, что объективное наличие у данного феномена двух сторон указывает на их сосуществование в диалектическом единстве. В целях проведения социально-философского анализа феномена материнства мы оценили концепцию развития общества на основе естественных и социальных предпосылок и методологический принцип взаимодействия социального с внешним естественным и с внутренним естественным, являющиеся, по нашему мнению, одними из наиболее продуктивных методологий исследования соотношения социального и естественного в социальном феномене, на предмет её эвристичности. Результатом оценки стало подтверждение возможности диалектического анализа соотношения естественных и социальных предпосылок становления феномена материнства, соотношения его социальной и естественной сторон в нашем исследовании.

Следующим этапом нашего исследования стало формулирование социально-философского определения материнства. Итогом анализа различных определений материнства, а также синонимичных ему понятий

является авторское определение данного феномена: «Материнство – органическое, психологическое и социальное состояние женщины-матери, где органическое и психологическое являются основой, а социальное – ведущей стороной, позволяющей матери входить в систему общественных отношений». В данном определении под состоянием подразумевается понятие, обозначающее множество устойчивых значений переменных параметров объекта. Состояние характеризуется тем, что описывает переменные свойства конкретного объекта. Под механизмом же подразумевается совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление. Если рассматривать феномен материнства как систему, то можно сделать вывод, что эта система имеет естественные и социальные предпосылки и стороны, находящиеся в диалектической связи и противоречиях. В кратком обобщении – естественное в данном феномене – организм матери и физиологические процессы в нём, беременность, роды, вскармливание материнским молоком, гормональный фон во время беременности и материнский инстинкт. Всё это не может не оказывать воздействия на социальную сторону данного феномена. К социальному относится социальное сопровождение беременности, родов и периода вскармливания, которое сочетается с заботой о женщине и одновременно требованиями к ней в зависимости от культурных представлений о том, какой должна быть мать.

Важным выводом исследования является то, что роль матери имеет гораздо больше естественных предпосылок и сторон, чем другие семейные роли – жены, мужа, отца, ребёнка, бабушки, дедушки, тёти и дяди. Однако нельзя сказать, что любая функция матери является исключительно естественной или социальной. Та или иная сторона присутствует во всех её функциях. Речь идёт о генетической связи – социальное развивается на основе естественного, при этом снимает его, включает его в свою основу. В то же время социальная сторона часто является приспособлением к

естественной, «обслуживанием» её. Например, с самого начала возникновения человечества сформировалась практика родовспоможения, которая постоянно совершенствуется, в настоящее время осуществляется в родильных домах с использованием высоких технологий. Таким образом, материнство можно рассматривать как механизм сохранения, функционирования и развития семьи и общества в целом, где естественная сторона регулируется социальной, определяя количество детей и функции матери в зависимости от потребностей и возможностей общества.

Предложенное определение понятия «материнство» отличается от других определений данного феномена наличием характеристики диалектических связей социального и естественного в указанном феномене, что позволяет уточнить и конкретизировать данное понятие, обеспечивая тем самым более продуктивный подход к исследованию указанного феномена.

Исходя из социально-философского определения материнства, на основе избранной методологии нами определены внешние естественные, внутренние естественные, внешние социальные и внутренние социальные факторы становления материнства, раскрыто их диалектическое единство. Предпосылками становления феномена материнства являются:

– внешние естественные предпосылки материнства – это природная среда человеческого существования, не подвергшаяся социогенному воздействию (климат, географическое положение, излучение от месторождений химических элементов, микроэлементы в природе, воде и продуктах питания), оказывающая значительное воздействие на процесс беременности, развитие внутриутробного ребёнка, вскармливание грудным молоком, формы материнской заботы и воспитания;

- внутренние естественные предпосылки материнства – это организм женщины, физиологически приспособленный для зачатия, вынашивания и вскармливания ребёнка, генетическая программа продолжения рода и генетическая программа материнского поведения;

- внешние социальные предпосылки материнства – это социальные процессы, имеющие объективный характер и включённые в материальную и духовную сферы общества: политические, экономические, культурные условия становления материнства, его ценность, взгляды общества на приемлемое количество детей в семье и материнство;

- внутренние социальные предпосылки материнства – это интериоризованные социальные представления о роли матери в семье и обществе, выражающиеся через сознание и самосознание, речь, мышление, принятые женщиной социальные и культурные нормы, её установки на материнство, желание быть матерью, желаемое количество детей.

Анализ реально существующего материнства, возникшего на основе перечисленных предпосылок, также приводит к выделению двух сторон – естественной и социальной. Сторонами феномена материнства являются:

- внутренняя естественная сторона – это сам по себе процесс беременности, родов, вскармливания, особый гормональный фон беременной женщины и женщины-матери, психические процессы в организме женщины, оказывающие влияние на её настроение и поведение;

- внешняя социальная сторона – это деятельность социальных органов и служб: правительственных, медицинских и других, определяющих социальную роль и статус матери, регулирующих общественное обеспечение материнства, а также общественные представления, которые являются одновременно и предпосылкой, и стороной материнства;

- внутренняя социальная сторона – это поведение женщины, выполняющей свои материнские обязанности добровольно или вынужденно, согласно принятым культурным нормам и собственным установкам.

Такой подход к исследованию социального и естественного в материнстве позволяет исследовать механизм становления сторон материнства путём анализа диалектических взаимосвязей его предпосылок и сторон в различных условиях на различных примерах.

Также нами были выявлены диалектические связи естественного и социального в феномене материнства, определено соотношение социальных и естественных предпосылок, социальных и естественных сторон феномена материнства в их взаимосвязях и противоречиях. Диалектика естественной и социальной сторон материнства заключается в том, что внешнее естественное (элементы природы и природные процессы) воздействует на внутреннее естественное (процессы беременности и здоровье ребёнка), которое, в свою очередь, оказывает воздействие на внешнее социальное (социальные нормы и представления). В свою очередь, внешнее социальное в лице государства, медицинской и социальных служб, а также общественного сознания влияет на все естественные процессы материнства. Внешнее социальное переходит во внутреннее социальное (личные взгляды и убеждение в том, каким должно быть материнство) с помощью суггестии. Естественная сторона материнства является результатом длительной естественной эволюции, и при условии, что учёные не будут вмешиваться в эту часть генетического кода, она останется неизменной. Социальная же сторона изменяется в ходе социальной эволюции и зависит от уровня развития общества.

Таким образом, в целом в структуре материнства можно выделить три основных, самих по себе очень сложных элемента: внутреннее естественное, внутреннее социальное и внешнее социальное. Внешним условием материнства является внешнее естественное, которое также опосредованно (а в отдельных случаях и непосредственно) влияет на него либо негативно, либо позитивно. Мы выяснили, что женщина, у которой на уровне физиологии заложена способность к деторождению и выхаживанию потомства, испытывает значительные затруднения в выполнении своей естественной функции вследствие сочетания противоречий, возникающих между естественными и социальными компонентами самого феномена материнства. Например, в период ухода за новорождённым функции матери по уходу за

младенцем могут вступать в противоречие с естественным желанием женщины выспаться и отдохнуть.

Такой подход к исследованию соотношения естественного и социального в феномене материнства отличается от аналогичных исследований тем, что отражает диалектические связи и противоречия внешних и внутренних социальных и естественных предпосылок и сторон феномена материнства, позволяет изучать социальные и естественные механизмы становления и функционирования материнства в их взаимосвязях и противоречиях, моделировать ситуации становления материнства при различных естественных и социальных условиях, а также даёт возможность более глубокого и детального рассмотрения причин ряда общественных проблем, связанных с данным феноменом, в различных условиях.

Исходя из содержания диссертационного исследования, нами выделены следующие социальные компоненты, являющиеся причинами напряжений у женщин в их материнской роли:

1. Влияние мирового экономического кризиса, проявляющегося в утрате значения ценностей и традиций, либерализации сексуальных отношений, в изменении традиционного взгляда на брак, структуру семьи, количество детей в семье. В социокультурном плане снизился престиж материнства и семьи, что привело к девальвации чувства материнства.

2. Средства массовой информации, обладая суггестивным воздействием на общество, транслируют идеализированные представления о материнстве, включающие в себя завышенные и противоречивые требования к женщине-матери, что приводит к возникновению межличностных конфликтов и препятствуют получению чувства удовлетворения от материнской роли. Также одновременно происходит трансляция гедонистических и индивидуалистических установок средствами массмедиа.

3. Социально-экономические условия жизни граждан. Неудовлетворительное материальное положение, отсутствие собственного

жилья, оказывающие влияние на принятие решения о планировании, сохранении ребёнка, также являются социальной предпосылкой проявления девиантного материнского поведения.

4. Стигматизация одинокого и многодетного материнства через отнесение данных категорий в группу риска по критерию неудовлетворительной материальной обеспеченности семьи, а также по критерию проявления различных форм отклоняющегося материнского поведения.

5. Аборт как массовая практика регулирования репродуктивной функции женщины. Противоречивое отношение общества и государства к проблеме аборта.

Таким образом, при поиске причин проблем материнства, как и при изыскании путей их решения, необходимо учитывать как социальные, так и естественные стороны феномена материнства в их сложном диалектическом взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аборт и здоровье женщины: междунар. мед. науч.-практ. конф. – URL: <https://health-women.ru> (дата обращения: 17.11.2023). – Текст: электронный.
2. Августин, А. Исповедь / А. Августин. – Текст: электронный // Блаженный Августин Аврелий – творения. Книга первая (17). К истине. – URL: https://k-istine.ru/library/avgustin_avreliy-01.htm (дата обращения: 30.03.2023).
3. Авдеева, Н. Н. Ценностные установки матерей в современных моделях родительства / Н. Н. Авдеева, И. В. Берсенева // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 163–176.
4. Альберти, Л. Б. Книги о семье / Л. Б. Альберти; пер. М. А. Юсима. – Москва: Языки славянской культуры, 2008. – 416 с.
5. Афанасова, Е. Н. Демографический кризис в современном мире / Е. Н. Афанасова. – Текст: электронный // Культура. Наука. Образование. – 2023. – № 1. – С. 55–60. – URL: <https://www.irgups.ru/science/nauchnye-izdaniya/zh-k-n-o/arkhiv> (дата обращения: 14.12.2023).
6. Афанасова, Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: БГУЭП, 2013. – С. 467–473.
7. Афанасова, Е. Н. Материалы Государственного архива Республики Бурятия об охране материнства и детства в БМАССР (1920–1930-е гг.) / Е. Н. Афанасова // Новые подходы к изучению региональной истории: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 20 января 2022 г.) / науч. ред. Н. С. Байкалов. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2022. – С. 117–121.
8. Афанасова, Е. Н. Правовые основы охраны материнства и детства в 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Транспортная инфраструктура Сибирского

- региона: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Иркутск: ИрГУПС, 2017. – Т. 2. – С. 638–641.
9. Афанасова, Е. Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг.: по материалам Восточной Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. Н. Афанасова. – Улан-Удэ, 2020. – 50 с.
10. Ахтямов, В. В. Психоистория (к 50-летию науки об исторической мотивации) / В. В. Ахтямов. – Текст: электронный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoistoriya-k-50-letiyu-nauki-ob-istoricheskoy-motivatsii> (дата обращения: 08.06.2024).
11. Бабаджанова, Л. А. Особенности формирования психологической готовности к материнству и ее связь с социально-психологическими установками женщин / Л. А. Бабаджанова // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 24 марта 2023 г.). – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 163–173.
12. Бадэнтэр, Э. Конфликт: женщина и мать (le conflit: La femme et La mer) / Э. Бадэнтэр (перевод с фр. Д. Ральникова, Санкт-Петербургский государственный университет) / Э. Бадэнтэр. – Текст: электронный // Парадигма. – 2016. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktzhenschina-i-mat-le-conflit-la-femme-et-la-mer-perevod-s-fr-d-ralnikova-sanktpeterburgskiy-gosudarstvennyu-universitet> (дата обращения: 17.01.2023).
13. Балабанова, Л. М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений) / Л. М. Балабанова. – Донецк: Сталкер, 1998. – 432 с.

14. Баркова, Л. А. Духовная составляющая материнства как социокультурного феномена / Л. А. Баркова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 3. – С. 83–87.
15. Баркова, Л. А. Материнство в контексте современных исследований / Л. А. Баркова // Позитив. Философские проблемы науки и техники. – 2018. – № 12. – С. 71–74.
16. Баркова, Л. А. Угрозы феномену материнства в российском обществе / Л. А. Баркова // Позитив. Философские проблемы науки и техники. – 2016. – № 10. – С. 88–92.
17. Баркова, Л. А. Феномен материнства как духовная ценность современного российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л. А. Баркова. – Москва, 2018. – 23 с.
18. Баркова, Э. В. Экофеминизм: есть ли потенциал в решении проблемы природы человека и сохранения экомыра Земли? / Э. В. Баркова // Гуманитарное знание и духовная безопасность: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Грозный, 9–10 декабря 2022 г.). – Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2022. – С. 47–54.
19. Басимов, М. М. Социально-психологическая природа причин непопулярности многодетного материнства / М. М. Басимов, Е. А. Падурин // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 46–55.
20. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
21. Белогурова, Ю. Г. Представление о материнстве в западноевропейской и русской философской мысли / Ю. Г. Белогурова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». – 2014. – № 1. – С. 45–51.
22. Белоножко, Е. П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – начало XX вв.:

- автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Белоножко. – Москва, 2001. – 42 с.
- 23.Беляев, Н. А. Социальные отклонения: введение в общую теорию / В. Н. Кудрявцев, Ю. В. Кудрявцев, В. С. Нерсесянц. М., Юридическая литература. 1984. 320 с / Н. А. Беляев, В. В. Орехов, Н. М. Кропачев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 92–94.
- 24.Беляева, М. А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи / М. А. Беляева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 207–212.
- 25.Беляева, М. А. Рекламный контент женских журналов как инструмент формирования образа женщины в современном медиапространстве / М. А. Беляева, В. В. Амирова. – Текст: электронный // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций: материалы V Всерос. науч.-практ конф. (Краснодар, 3–4 марта 2022 г.). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 23–29. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49525240_92910745.pdf (дата обращения: 17.01.2024).
- 26.Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт; пер. с англ. Н. М. Селиверстова; под ред. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 359 с.
- 27.Бердникова, Т. В. Юное материнство: проблема внебрачной рождаемости / Т. В. Бердникова // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 1998. – № 1. – С. 11–20.
- 28.Бердникова, Т. В. Юное материнство в зеркале общественного мнения / Т. В. Бердникова // Актуальные проблемы медицины и фармации: материалы конф. – Курск, 1999. – С. 50–51.
- 29.Бойков, Н. Биотические вопросы как современный вызов Православной Церкви. Аборт и его последствия в аспекте православного понимания / Н.

- Бойков // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2022. – № 14. – С. 197–204.
30. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. Т. 1: А-О / А. Ребер. – Москва: АСТ: Вече, 2001.
31. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. Т. 2: П-Я / А. Ребер. – Москва: АСТ: Вече, 2001.
32. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
33. Бурмистрова, Е. С. Экофеминизм: между устойчивым развитием и гендерным равенством (на примере организации «Женщины, борющиеся за общее будущее») / Е. С. Бурмистрова // Вестник Прикамского социального института. – 2021. – № 3. – С. 137–144.
34. Бутовская, М. Л. Инфантицид у приматов и человека и проблемы социального поведения гоминид / М. Л. Бутовская // Биологические науки. – 1990. – № 12. – С. 5–23.
35. В материнской страсти есть скрытая ненависть (Интервью с Ю. Кристевой). – URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/yuliya-kristeva-materi-vladeyut-klyuchom-k-svobode> (дата обращения: 05.03.2023). – Текст: электронный.
36. Вавришук, Д. В. Постнатальная депрессия после естественного и оперативного родоразрешения / Д. В. Вавришук, Е. В. Никитина // Модернизация системы профессионального образования: практическое внедрение нового содержания и технологий: материалы междунар. электронного симпозиума (Махачкала, 14–15 декабря 2015 г.). – Махачкала: Махачкалинский центр повышения квалификации, 2015. – С. 25–29.
37. Вейнингер, О. Пол и характер / О. Вейнингер. – Москва: АСТ, 2021. – 544 с.
38. Влечение. Медицинская энциклопедия. – Текст: электронный // GUFOME. Словари и энциклопедии. – URL:

- https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/Влечение (дата обращения: 26.11.2023).
39. Влечение. Социологический энциклопедический словарь. – Текст: электронный // GUFO.ME. Словари и энциклопедии. – URL: <https://gufo.me/dict/social/ВЛЕЧЕНИЕ> (дата обращения: 26.11.2023).
40. Влечение. Толковый словарь психиатрических терминов. – Текст: электронный // GUFO.ME. Словари и энциклопедии. – URL: https://gufo.me/dict/psychiatry_terms/Влечение (дата обращения: 26.11.2023).
41. Влечение. Философский энциклопедический словарь (2010). – Текст: электронный // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1954/ВЛЕЧЕНИЕ (дата обращения: 26.07.2023).
42. Гаврилова, Ю. В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ю. В. Гаврилова. – Чита, 2011. – 23 с.
43. Гаврилова, Ю. В. К вопросу об естественных факторах формирования религиозного сознания / Ю. В. Гаврилова // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2010. – № 1. – С. 248–256.
44. Гаврилова, Ю. В. Структура факторов формирования религиозного сознания / Ю. В. Гаврилова // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 2. – С. 168–173.
45. Газзанига, М. Сознание как инстинкт. Загадки мозга: откуда берётся психика / М. Газзанига; пер. с англ. Ю. Плискиной. – Москва: АСТ: CORPUS, 2022. – 304 с.
46. Гаузер, М. Е. Социально обусловленная смертность птенцов у морского голубка (*Larus Genei*, Laridae). Причины и размах ювенильной смертности

- в гнездовых колониях различной численности и плотности / М. Е. Гаузер, Л. Ю. Зыкова, Е. Н. Панов // Зоологический журнал. – 2009. – Т. 88, № 6. – С. 708–716.
47. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; под ред. Б. Г. Столпнер // Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Азбука, 2023. – 292 с.
48. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1974. – 452 с. (Филос. наследие).
49. Геодакян, В. А. Бинарно-сопряженные системы. Происхождение, природа и эволюция / В. А. Геодакян // Асимметрия. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 36–52.
50. Геодакян, В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека / В. А. Геодакян // Человек в системе наук. – Москва: Наука, 1989. – С. 171–189.
51. Геодакян, В. А. Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм / В. А. Геодакян // Известия Академии наук. Серия Биологическая. – 2000. – № 2. – С. 133–148.
52. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; пер. А. В. Михайлова. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
53. Гильманова, К. Р. Особенности позднего материнства в условиях социальных изменений / К. Р. Гильманова, А. В. Шабаетова // Человек в условиях социальных изменений: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 14 апреля 2022 г.). – Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2022. – С. 79–82.
54. Гоббс, Т. Основы философии. Часть вторая / Т. Гоббс; пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов // Сочинения в 2 т. / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
55. Гончарова, В. П. Материнство в раннем репродуктивном возрасте: современные медико-демографические и социальные тенденции: автореф.

- дис. ... канд. мед. наук: 14.00.33 / В. П. Гончарова. – Рязань: Рязанский гос. мед. ун-т, 2002. – 22 с.
56. Гороховская, Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов / Е. А. Гороховская. – Текст: электронный // Этология. Ру. – URL: <https://ethology.ru/library/?id=270> (дата обращения: 22.12.2022).
57. Гредасов, М. В. Социальные проблемы материнства и детства: анализ и пути решения / М. В. Гредасов // Юридический факт. – 2023. – № 196. – С. 28–31.
58. Грек, Н. В. Материнский капитал: национальная демографическая политика в действии / Н. В. Грек. – Текст: электронный // Дискуссия. – 2012. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskiy-kapital-natsionalnaya-demograficheskaya-politika-v-deystvii> (дата обращения: 30.03.2023).
59. Грек, Н. В. Социальная поддержка материнства в России: гендерный анализ современных социальных реформ: на примере материнского капитала и родовых сертификатов: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Н. В. Грек. – Саратов, 2012. – 18 с.
60. Греченкова, Т. И. Государственное управление репродуктивным поведением / Т. И. Греченкова // Актуальные проблемы современного менеджмента: сб. науч. ст. – Саратов: СГТУ, 2002. – С. 102–106.
61. Греченкова, Т. И. Социальная работа с несовершеннолетними матерями / Т. И. Греченкова // Образование для всех: пути интеграции: сб. науч. ст. – Саратов: СГТУ, 2003.
62. Греченкова, Т. И. Социальный возраст материнства: конструирование нормы и патологии / Т. И. Греченкова // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2002. – С. 9–16.

63. Григорьева, Г. Н. Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Г. Григорьева. – Москва, 2004. – 16 с.
64. Гримак, Л. П. Внушение – изначальный атрибут слова / Л. П. Гримак // Прикладная психология. – 2000. – № 6. – С. 81–88.
65. Гунзунова, Б. А. Взаимосвязь психологической готовности к материнству и эмоциональных особенностей беременных женщин / Б. А. Гунзунова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2019. – Т. 28. – С. 3–11.
66. Дерябина, А. С. Гендерные подходы в психологических теориях и исследованиях / А. С. Дерябина. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 8. – С. 92–95. – URL: <https://moluch.ru/archive/31/3514> (дата обращения: 15.06.2024).
67. Дикарев, А. В. Материнский образ Божественной Премудрости в Библии и христианской традиции / А. В. Дикарев // Христианское чтение. – 2021. – № 2. – С. 79–93.
68. Дмитрийчук, А. Ю. Образ семьи в дискурсе европейской и российской культурной традиции / А. Ю. Дмитрийчук, Н. М. Дмитрийчук // Образование XXI века: факторы и предикторы успешности освоения образовательной программы школьниками: материалы Международной научной конференции, Липецк, 20 октября 2022 года. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 188-193.
69. Дмитрийчук, А. Ю. Трансформация социокультурных ролей мужчин и женщин в современной Российской Семье / А. Ю. Дмитрийчук, Е. Н. Парфенова, Н. М. Дмитрийчук // 27 ноября 2023 года, 2023. – С. 20-24.
70. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз; пер. с англ. Н. О. Фоминой. – Москва: Corpus, 2022. – 512 с.

71. Дубынин, В. А. Детско-родительское взаимодействие: биология и физиология / В. А. Дубынин // Актуальные проблемы биологии: сб. ст. № 2 / сост. И. Б. Морзунова. – Москва: Дрофа, 2012. – Т. 2. – С. 98–117.
72. Дубынин, В. А. Материнская депрессия: когда счастье не в радость / В. А. Дубынин, К. К. Танаева. – Текст: электронный // Наука из первых рук. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskaya-depressiya-kogda-schastie-ne-v-radost> (дата обращения: 05.06.2024).
73. Дубынин, В. А. Материнская депрессия: моделирование и поиск путей направленной фармакологической коррекции / В. А. Дубынин // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 30 октября 2017 г.) / под ред. Г. П. Костюка. – Москва: КДУ, 2018. – С. 627–635.
74. Дубынин, В. А. Перинатальные стрессорные воздействия как фактор нарушения развития и функций нервной системы: обзор моделей *in vivo* / В. А. Дубынин, В. Р. Гедзун, Д. Д. Хухарева [и др.] // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 2022. – Т. 72, № 4. – С. 457–470.
75. Елисеева, Т. В. Образ материнства как квинтэссенция Мудрости в русской философии XIX в / Т. В. Елисеева // Вестник Омского университета. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 63–67.
76. Еремеева, А. И. Причины появления одинокого материнства как вариативной модели современной семьи / А. И. Еремеева // Вестник университета. – 2015. – № 4. – С. 328–331.
77. Еремеева, А. И. Трансформация структуры социальных представлений незамужних женщин об одиноком материнстве посредством цифровых технологий / А. И. Еремеева, Г. В. Довжик. – Текст: электронный // Цифровая социология. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-struktury-sotsialnyh-predstavle>

niy-nezamuzhnih-zhenschin-ob-odinokom-materinstve-posredstvom-tsifrovyyh-tehnologiy (дата обращения: 30.03.2024).

- 78.Ефремова, Е. И. «Вечная Женственность» как идейное основание новой культурной парадигмы современности / Е. И. Ефремова, Е. А. Соленцова // Шаг в науку. – 2020. – № 4. – С. 109–112.
- 79.Жданов, А. А. Анализ миграционных процессов в Забайкальском крае / А. А. Жданов // Актуальные исследования. – 2022. – № 51-2. – С. 54-56.
- 80.Журавлева, М. А. Особенности социальной поддержки материнства, детства и отцовства: проблемы реализации / М. А. Журавлева, Д. В. Иваниц // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 21 апреля 2023 г.) / науч. ред. В. В. Наумкина; отв. ред. В. Н. Козлова. – Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2023. – С. 140–141.
- 81.Завитаева, А. С. Анализ проблем государственной социальной поддержки института семьи, материнства и детства в РФ / А. С. Завитаева, М. В. Шмелева // Актуальные проблемы социальной сферы и сферы сервиса: теория и практика: сборник работ по результатам междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 1–2 октября 2020 г.). – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2020. – С. 179–184.
- 82.Закирьянова, И. А. Проблема этнокультурной идентичности в теории психосоциального развития Э. Эриксона / И. А. Закирьянова. – Текст: электронный // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnokulturnoy-identichnosti-v-teorii-psihosotsialnogo-razvitiya-e-eriksona> (дата обращения: 17.01.2023).
- 83.Заславская, Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 3–16.

84. Захаров, Г. Н. Медико-социальные аспекты подросткового материнства как фактора риска заболеваемости новорожденных: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.33 / Г. Н. Захаров. – Красноярск: КГМА, 2005. – 24 с.
85. Захарова, Е. И. Условия удовлетворённости материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста / Е. И. Захарова, Н. Ю. Калачева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1226–1233.
86. Зыкова, Н. Н. Детский сад как элемент инфраструктуры обеспечения гендерного равенства / Н. Н. Зыкова // Инновационные технологии управления и права. – 2013. – № 1-2. – С. 125–126.
87. Зыкова, Н. Н. Программное управление процессами поддержки материнства и детства в Республике Марий Эл / Н. Н. Зыкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 323–327.
88. Зыкова, Н. Н. Семейная политика в России сегодня / Н. Н. Зыкова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 117–127.
89. Илларионова, И. В. Социальный аспект формирования девиантного материнства у современной молодежи / И. В. Илларионова // Социальные проблемы XXI век: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ярославль, 9 декабря 2021 г.) / под общ. ред. А. А. Власовой. – Ярославль: ООО «Филигрань», 2022. – С. 97–101.
90. Инстинкт. – Текст: электронный // Краткий психологический словарь. – URL: <https://psychology.academic.ru/808/инстинкт> (дата обращения: 29.07.2023).
91. Инстинкт. – Текст: электронный // Новая философская энциклопедия. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИНСТИНКТ (дата обращения: 29.12.2023).

92. Инстинкт. – Текст: электронный // Психологическая энциклопедия. – URL: [https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia/Инстинкт_\(instinct\)](https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia/Инстинкт_(instinct)) (дата обращения: 29.07.2023).
93. Исаев, В. Д. Диалектика внутреннего и внешнего человека как информационная проблема в пространстве цифровизации / В. Д. Исаев, В. И. Ильченко // Антропос: Логос и Теос. – 2022. – № 8. – С. 154–173.
94. Исаева, Е. В. Общественно-политические воззрения Мэри Уоллстонкрафт: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. В. Исаева. – Тюмень, 2012. – 25 с.
95. Исаков, А. В. Родительство как ценность в современном обществе / А. В. Исаков // Забайкальские рождественские образовательные чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси»: (региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений): науч.-практ. конф. (г. Чита, 11–12 декабря 2014 г.). – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 181–185.
96. Исаков, А. В. Родительство как ценность в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. В. Исаков. – Чита, 2016. – 24 с.
97. Исаков, А. В. Формирование образа жизни ребёнка как главная цель родительства с точки зрения деятельностного подхода / А. В. Исаков. – Текст: электронный // Гуманитарный вектор. Серия «Философия, культурология». – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obraza-zhizni-rebyonka-kak-glavnaya-tselya-roditelstva-s-tochki-zreniya-deyatelnostnogo-podhoda> (дата обращения: 10.05.2023).
98. Исаков, А. В. Ценности родительства в образе жизни молодёжи / А. В. Исаков. – Текст: электронный // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Педагогические науки». – 2014. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-roditelstva-v-obraze-zhizni-molodyozhi> (дата обращения: 10.05.2023).

99. Кабирова, А. Х. Юное материнство как социальная проблема / А. Х. Кабирова // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Красноярск, 23–24 апреля 2020 г.) / под общ. ред. Ю. Ю. Логинова. – Красноярск: Сиб. гос. ун-т науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, 2020. – С. 1154–1156.
100. Каменева, Т. Н. Жизненные затруднения семей одиноких матерей / Т. Н. Каменева, Е. В. Конищева // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики: сб. науч. тр. (Курск, 13–14 мая 2019 г.). – Курск: Курский гос. ун-т, 2019. – С. 48–50.
101. Каменева, Т. Н. Социокультурные характеристики неполных материнских семей (на примере Курской области) / Т. Н. Каменева // Вопросы культурологии. – 2007. – № 12. – С. 70–72.
102. Каменева, Т. Н. Трансформация традиционности в семейно-брачных отношениях / Т. Н. Каменева // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва – Ялта, 19–20 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Т. К. Ростовской. – Москва; Ялта: ИТД «Перспектива», 2019. – С. 140–142.
103. Кант, И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога. Избранные труды / И. Кант; пер. Б. А. Фохт. – Москва: Юрайт, 2023. – 256 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/541175/p.253> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст: электронный.
104. Кинсли, К. Материнский мозг / К. Кинсли, К. Ламберт. – Текст: электронный // В мире науки. – 2006. – № 4. – 95 с. – URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430213 (дата обращения: 05.06.2024).
105. Ковалева, Е. А. Раннее материнство как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е. А. Ковалева. – Волгоград, 2018. – 23 с.

106. Колмогорова, А. В. Феномен «я ж мать» и идеология чайлдфри: языковая специфика стратегий делегитимации материнства в дискурсе российских массмедиа / А. В. Колмогорова // Медиалингвистика: материалы V Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.). – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2021. – Вып. 8. – С. 42–46.
107. Кон, И. С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства / И. С. Кон. – Текст: электронный // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2010. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytiya-filippa-ariesa-i-gendernye-aspekty-istorii-detstva-1> (дата обращения: 21.02.2023).
108. Конева, А. Ю. Социальная политика России в области поддержки материнства, семьи и детства / А. Ю. Конева, Т. Е. Бугаец, М. В. Зайцева // Управление в 21 веке: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посв. 20-летию каф. гос. и муниципального управления Кубанского гос. аграр. ун-та им. И. Т. Трубилина (Краснодар, 14 декабря 2023 г.). – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал РЭА Минэнерго РФ, 2024. – С. 283–286.
109. Коновалова, Т. Л. Внутригосударственная миграция населения в России / Т. Л. Коновалова. – Текст: электронный // Гуманитарный научный журнал. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrigosudarstvennaya-migratsiya-naseleniya-v-rossii> (дата обращения: 14.07.2024).
110. Конт, О. Общий обзор позитивизма (Discours sur l'ensemble du positivisme) / О. Конт; пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. – 200 с.

111. Коняева, Н. А. Формирование материнского поведения в условиях социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Н. А. Коняева. – Москва, 2005. – 20 с.
112. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль. – Москва: Этерна, 2001. – 750 с.
113. Костенко, Ю. А. Вопросы использования литературных произведений и памятников искусства в качестве источников по истории женского движения в России в 1920–1930-х гг. / Ю. А. Костенко // Научное обозрение: сб. ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2005. – Вып. 20. – С. 74–85.
114. Костенко, Ю. А. Движение женщин-общественниц в Советской России в 1930-е гг. / Ю. А. Костенко // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы VII Всерос. науч. конф.: в 2 т. – Екатеринбург, 2005. – Т. 1. – С. 390–395.
115. Костенко, Ю. А. Движение жён-общественниц в Советской России в 1930-е гг. / Ю. А. Костенко // Проблемы отечественной истории XX века: сб. ст. – Чебоксары, 2005. – С. 30–47.
116. Круглова, Е. Л. Социальный статус малолетних матерей в современной России / Е. Л. Круглова, М. Е. Родионова. – Текст: электронный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-maloletnih-materey-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.03.2024).
117. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт; пер. С. И. Соболевский. – Москва: Рипол-Классик, 2019. – 472 с.
118. Кузнецова, Н. А. К вопросу о социальной политике Российской Федерации в области материнства, отцовства и детства / Н. А. Кузнецова, Т. П. Матвеева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 1. – С. 115–118.

119. Кувычко, А. А. Особенности дискурса материнства в современных русскоязычных средствах массовой информации / А. А. Кувычко. – Текст: электронный // Русистика. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-diskursa-materinstva-v-sovremennyh-russkojazychnyh-sredstvah-massovoy-informatsii> (дата обращения: 14.11.2023).
120. Курашова, В. В. Социально-философские смыслы американской женской драматургии / В. В. Курашова // Вестник Казанского технологического университета. – 2000. – Специальный выпуск. Труды социально экономического факультета: исследования и приоритеты в науке и образовании. – С. 294–295.
121. Кучеренко, А. В. Государственная социальная политика в области защиты материнства и детства: 1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Кучеренко. – Москва, 2004. – 16 с.
122. Кучма, О. А. Некоторые аспекты программы социальной защиты материнства и детства в Российской Федерации / О. А. Кучма, Е. М. Рузаева // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов с междунар. участием (Оренбург, 23–24 марта 2022 г.) / под ред. Е. В. Ерохина. – Оренбург: Тип. «Агентство Пресса», 2022. – С. 505–511.
123. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. В. В. Иванова. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
124. Лидергос, Н. В. Технология искусственной матки: homo Deus. Боги или роботы? / Н. В. Лидергос // Приеманские научные чтения: сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 7 апреля 2023 г.). – Гродно: БИП-Университет права и социально-информационных технологий, 2023. – С. 354–358.
125. Литвинцев, Д. Б. Тотальные институты в России: почему женщина после оперативных родов не чувствует себя как дома (кейс стационара) /

- Д. Б. Литвинцев. – Текст: электронный // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/totalnye-instituty-v-rossii-pochemu-zhenschina-posle-operativnyh-rodov-ne-chuvstvuet-sebya-kak-doma-keys-statsionara> (дата обращения: 17.08.2023).
126. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк; ред. и сост., авт. прим. А. Л. Субботин // Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 3. – 688 с.
127. Лушина, Е. А. Естественные и социальные предпосылки становления материнства / Е. А. Лушина // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2023. – № 14. – С. 164–171.
128. Лушина, Е. А. Кризис социальности: влияние актуальной действительности на внешние причины прерывания беременности, предъявляемые женщинами в ситуации репродуктивного выбора // Глобальные социальные процессы 2.0: трансформация социальной реальности в условиях цифровизации и пандемии: сб. ст. / под ред. А. В. Петрова [и др.]. – Санкт-Петербург: Астерион, 2020. – С. 218–224.
129. Лушина, Е. А. Методологические подходы к исследованию феномена материнства / Н. Д. Субботина, Е. А. Лушина // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 27–36.
130. Лушина, Е. А. Об актуальных тенденциях выбора репродуктивного поведения в современном обществе / Е. А. Лушина // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы XI Всерос. с междунар. участием очно-заочной науч. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, Н. С. Зиминной. – Чита: ЗабГУ, 2020. – С. 114–126.
131. Лушина, Е. А. Соотношение естественных и социальных факторов в феномене материнства / Е. А. Лушина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 11(137).

132. Лушина, Е. А. Философский анализ понятия «Материнство» / Е. А. Лушина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4-4. – С. 70–81.
133. Лысенко, О. Ф. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования психологической готовности к материнству / О. Ф. Лысенко, М. В. Сафонова // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 6. – С. 218–223.
134. Лягина, Т. О. Ранняя беременность и материнство среди подростков как одна из социальных проблем современного общества / Т. О. Лягина // Шаг в будущее: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. студентов проф. образовательных организаций (Курск, 6 апреля 2022 г.). – Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2022. – С. 351–355.
135. Ляпустина, Н. А. Инновации в сфере социального обеспечения материнства и детства / Н. А. Ляпустина // Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии: сб. ст. участников VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26–27 октября 2021 г.). – Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2021. – С. 301–306.
136. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский; пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – Москва: ОГИ, 2005. – 184 с.
137. Мальцева, Д. С. Этические проблемы развития биотехнологий / Д. С. Мальцева // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки: материалы V Междунар. науч. конф. молодых ученых (Курск, 22 мая 2022 г.). – Курск: Университетская книга, 2022. – С. 138–143.
138. Мальцева, С. М. Материнство как фундаментальное основание жизни общества / С. М. Мальцева, Т. А. Козлова, А. А. Воронкова, О. В. Котова

- // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 29–32.
139. Мантатова, Л. В. Традиционные семейные ценности как основа устойчивого развития общества / Л. В. Мантатова, М. В. Жилкина // Экологическая этика и устойчивое развитие: Сборник научных трудов по материалам международного симпозиума, Улан-Удэ, 24 мая 2019 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2020. – С. 76-85.
140. Мантатова, Л. В. Философские основания концепции устойчивого развития / Л. В. Мантатов, Л. В. Мантатова // Международное сотрудничество в целях устойчивого развития: Сборник статей Международной научной ассамблеи, Москва, 04–07 октября 2022 года / Под ред. И. В. Ильина. – Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2023. – С. 191-197.
141. Мартюшов, В. Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов / В. Ф. Мартюшов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». – 2015. – № 3. – С. 94–103.
142. Маслов, Д. Осмысляя диалектику Гегеля: чем является диалектика как метод? / Д. Маслов // Логос. – 2023. – Т. 33, № 2. – С. 103–142.
143. Маслова, А. П. Новые репродуктивные технологии: религиозно-этическая и социальная оценки / А. П. Маслова, Н. А. Акимова // StudNet. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 6133–6144.
144. Материнство. – Текст: электронный // Социологический энциклопедический словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/social/МАТЕРИНСТВО> (дата обращения: 10.12.2023).
145. Махмутова, Р. К. Материнство как психологический феномен / Р. К. Махмутова. – Текст: электронный // Вестник Удмуртского университета.

- Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2007. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-psihologicheskiy-fenomen> (дата обращения: 28.02.2023).
146. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид; пер. с англ. Ю. А. Асеева. – Москва: Наука, 1988. – 429 с.
147. Микляева, А. В. «#онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – Текст: электронный // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onazhemat-implitsitnye-sotsialnye-predstavleniya-o-materinstve-v-sovremennom-rossiyskom-internet-diskurse> (дата обращения: 14.11.2023).
148. Михель, Д. В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика / Д. В. Михель // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5, № 4. – С. 439–458.
149. Мишучкова, А. В. Технология «Окна Овертона» как инструмент разрушения базовых традиционных ценностей российской семьи / А. В. Мишучкова // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2018. – № 24. – С. 88–100.
150. Молчанова, Л. Н. Социально-психологическая компетентность матерей, воспитывающих детей с нарушениями слуха и подверженных психическому выгоранию, как личностный ресурс его преодоления / Л. Н. Молчанова, А. В. Стулова // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 1. – С. 344–353.
151. Мун, В. А. Защита трудовых прав малолетних детей в России во второй половине XIX века / В. А. Мун // Защита прав человека отраслями российского права: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Волгоград, 11 декабря 2014 г.). – Волгоград: Ин-т управления, 2015. – С. 77–81.

152. Мун, В. А. Формирование правового регулирования труда малолетних и женщин в России во второй половине XIX века / В. А. Мун // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 10 февраля 2014 г.). – Москва: ООО «Планета», 2014. – С. 190–196.
153. Никитина, И. Л. Профилактика йододефицитных заболеваний у населения Забайкальского края / И. Л. Никитина, Т. И. Баранова. – Текст: электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-yododefitsitnyh-zabolevaniy-u-naseleniya-zabakalskogo-kraya> (дата обращения: 28.03.2023).
154. Никитина, Т. Н. Отказ от материнства как социальная проблема: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Т. Н. Никитина. – Москва, 2004. – 28 с.
155. Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV – XVII вв.) / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Ревякиной, О. Ф. Кудрявцева. – Москва: УРАО, 1999. – 400 с.
156. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с.
157. Оруджев, Н. Я. Роль биологических факторов в формировании отклоняющегося поведения / Н. Я. Оруджев, Л. К. Гавриков, Н. С. Можаров. – Текст: электронный // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2013. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-biologicheskikh-faktorov-v-formirovanii-otklonyayuschegosya-povedeniya> (дата обращения: 09.11.2023).

158. Павлов, А. П. Актеры социального автопойезиса (онтосоциальный подход) / А. П. Павлов. – Текст: электронный // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sotsialnogo-avtopoyezisa-ontosotsialnuu-podhod> (дата обращения: 18.02.2024).
159. Павлова, Т. В. Социокультурные аспекты материнских установок / Т. В. Павлова // Мультикультуральная современность: Урал – Россия – Мир: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Гуманитарного ун-та: доклады: в 2 т. (Екатеринбург, 2–3 апреля 2009 г.) / редкол.: Л. А. Закс [и др.]. – Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 624–627.
160. Пасечник, И. П. Тип психологического компонента гестационной доминанты и уровень материнской компетентности как факторы риска формирования синдрома жестокого обращения с детьми / И. П. Пасечник // Педиатрия. Восточная Европа. – 2013. – № 3. – С. 71–79.
161. Петрова, И. В. Анализ исследования рождаемости населения Забайкальского края с позиций онто- и филогенеза / И. В. Петрова. – Текст: электронный // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-issledovaniya-rozhdaemosti-naseleniya-zabaykalskogo-kraya-s-pozitsiy-onto-i-filogeneza> (дата обращения: 14.07.2024).
162. Привязанность. Словарь-справочник по социальной работе. – Текст: электронный // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://social_work.academic.ru/463/Привязанность (дата обращения: 06.12.2023).
163. Привязанность. Философский словарь. – Текст: электронный // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/1547/Привязанность (дата обращения: 06.12.2023).

164. Путин назвал проблему абортострой. 2023. – Текст: электронный // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20231103/putin-1907266042.html> (дата обращения: 17.11.2023).
165. Путинцева, Е. Л. Мотивация рождения ребёнка у матерей-малолеток / Е. Л. Путинцева // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 101–104.
166. Пушкарёва, Н. Л. Материнство в новейших социологических, философских и психологических концепциях / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 48–59.
167. Пушкарёва, Н. Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история / Н. Л. Пушкарёва. – Текст: электронный // «Запад-Восток»: научно-практический ежегодник. – 2014. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-sotsiobiologicheskoe-yavlenie-psihiologiya-filosofiya-istoriya> (дата обращения: 24.05.2023).
168. Рамих, В. А. Материнство как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / В. А. Рамих. – Ростов-на-Дону, 1997. – 33 с.
169. Реймер, Е. А. Проблемы социальной профилактики раннего материнства / Е. А. Реймер // Социология медицины. – 2016. – Т. 15, № 1. – С. 30–33.
170. Реймер, Е. А. Раннее материнство в большом городе / Е. А. Реймер // Социология города. – 2015. – № 3. – С. 32–38.
171. Риппон, Д. Гендерный мозг. Современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге / Д. Риппон; пер. с англ. Е. И. Фатеевой. – Москва: Эксмо, 2019. – 400 с.
172. Романов, В. Г. Современная демографическая ситуация Забайкальского края: динамика и направленность основных показателей / В. Г. Романов, И. В. Романова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – Т. 27, № 7. – С. 73–86.

173. Роттердамский, Э. Похвала Глупости / Э. Роттердамский; пер. с лат. П. К. Губера. – Текст: электронный // МОИ. – 2015. – Вып. 33. – URL: https://moi-vzn.narod.ru/MOI_033.PDF (дата обращения: 24.01.2023).
174. Роуз, Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество / Ф. Роуз; пер. с англ. Е. В. Говор; ред. [и предисл., с. 5–24] В. Р. Кабо. – Москва: Прогресс, 1989. – 318 с.
175. Руководство по уходу при прерывании беременности [Abortion care guideline]. – Женева: ВОЗ, 2022. – URL: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/igo/deed.ru> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст: электронный.
176. Рунаев, Р. Ю. Философское осмысление социально-правовых противоречий легитимации вспомогательных репродуктивных технологий / Р. Ю. Рунаев // Философия права. – 2023. – № 1. – С. 159–167.
177. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / Ж.-Ж. Руссо; под ред. Г. Н. Джибладзе; сост. А. Н. Джурицкий. – Москва: Педагогика, 1981. – 656 с.
178. Рэдклифф-Браун, А. Р. Метод в социальной антропологии / А. Р. Рэдклифф-Браун; пер. с англ. и заключ. ст. В. Николаева. – Москва: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 414 с.
179. Рябова, О. С. Меры государственной поддержки семьи, материнства и детства в Российской Федерации / О. С. Рябова. – Текст: электронный // Вестник науки. – 2019. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-gosudarstvennoy-podderzhki-semi-materninstva-i-detstva-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 14.07.2024).
180. Саллех, А. Экофеминистская стратегия. Политика сохранения жизни на Земле / А. Саллех // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 62–83.

181. Свадьбина, Т. В. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей / Т. В. Свадьбина, О. А. Немова // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4(45).
182. Сениор, Дж. Родительский парадокс. Море радости в океане проблем. Как быть счастливым на все 100, когда у тебя дети / Дж. Сениор; пер. с англ. Т. О. Новиковой. – Москва: «Э», 2015. – 352 с.
183. Сериков, А. Е. Поведение человека и современные подходы к его пониманию / А. Е. Сериков. – Текст: электронный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedeniecheloveka-i-sovremennye-podhody-k-ego-ponimaniyu> (дата обращения: 21.02.2023).
184. Сидоренко, В. А. Суфражистское движение в Манитобе и материнский феминизм: деятельность Нелли Маккланг в качестве лидера движения / В. А. Сидоренко. – Текст: электронный // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 5. – С. 17–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufrazhistskoe-dvizhenie-v-manitobe-i-materinskiy-feminizm-deyatelnost-nelli-makklang-v-kachestve-lidera-dvizheniya> (дата обращения: 04.03.2023).
185. Сидоров, П. И. Перинатальная психология / П. И. Сидоров, Г. Н. Чумакова, Е. Г. Щукина. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2015. – 143 с.
186. Силласте, Г. Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России / Г. Г. Силласте // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 15–22.
187. Сиротенко, Д. И. Особенности формирования психологической готовности к материнству / Д. И. Сиротенко // Инновационная наука. – 2018. – № 9. – С. 67–69.
188. Сироткина, Е. С. Конструирование социальной проблемы несовершеннолетнего материнства / Е. С. Сироткина // Вестник

- Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2012. – № 2. – С. 79–85.
189. Сироткина, Е. С. Проблемы несовершеннолетних матерей как социальной группы / Е. С. Сироткина // Youth World Politic. – 2014. – № 1. – С. 95–101.
190. Скляр, М. С. Современные тенденции репродуктивного процесса и организации службы родовспоможения в России / М. С. Скляр, Л. П. Суханова, Г. Ю. Уткина // Здравоохранение Российской Федерации. – 2008. – № 5. – С. 37–42.
191. Скляр, М. С. Стратегическое планирование в реорганизации службы охраны материнства и детства на региональном уровне: автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.00.33 / М. С. Скляр. – Москва, 2008. – 50 с.
192. Скляр, М. С. Тенденции младенческой и перинатальной смертности как основа организации родовспоможения в России / М. С. Скляр, Л. П. Суханова, М. А. Сырочкина, Г. Ю. Уткина // Уральский медицинский журнал. – 2008. – № 5. – С. 4–9.
193. Скобельцина, К. Н. Социально-психологические особенности родительской позиции при организации досуга современного дошкольника: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / К. Н. Скобельцина. – Москва, 2014. – 38 с.
194. Скобельцина, К. Н. Социология детской игры / К. Н. Скобельцина, В. С. Собкин // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 29–38.
195. Скобельцина, К. Н. Социология дошкольного детства: семейный досуг и совместная игра родителей с ребёнком / К. Н. Скобельцина, В. С. Собкин // Тенденции развития образования: что такое эффективная школа и эффективный детский сад?: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 февраля 2014 г.) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московская

- высшая школа социальных и экономических наук. – Москва: Изд-во «Дело», 2014. – С. 237–245.
196. Скрыбина, Е. О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.): историко-медицинский аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. О. Скрыбина. – Санкт-Петербург, 2008. – 24 с.
197. Скрыбина, Е. О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда в новейшей отечественной историографии (историко-медицинский аспект) / Е. О. Скрыбина // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». – 2006. – № 1. – С. 109–114.
198. Смирнов, А. Г. Биосоциальная природа материнства и раннего детства / А. С. Батуев, Л. В. Соколова, А. Г. Смирнов [и др.]. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – 376 с.
199. Смирнов, А. Г. Психофизиологические особенности адаптации в системе «мать-дитя» при нормальной и неблагоприятно протекающей беременности: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 19.00.02 / А. Г. Смирнов. – Санкт-Петербург, 2009. – 34 с.
200. Смирнов, А. Г. Психофизиологические особенности группы беременных женщин с преждевременными родами / А. Г. Смирнов, С. В. Мануйлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 3. Биология. – 2008. – № 3. – С. 94–101.
201. Сологуб, Л. Г. Материнство как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. / Л. Г. Сологуб. – Москва, 2001. – 24 с.
202. Степанова, И. В. Социальные предпосылки развития послеродовой депрессии: обзор литературы / И. В. Степанова, О. А. Харьковская. – Текст: электронный // Инновационная наука. – 2023. – № 1-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-predposylki-razvitiya-poslerodovoy-depressii-obzor-literatury> (дата обращения: 17.08.2023).

203. Стукалова, А. В. Малолетнее материнство как социальный феномен / А. В. Стукалова // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 1. – С. 66–73.
204. Стукалова, А. В. Социальные риски малолетнего материнства и их политизация в современных условиях / А. В. Стукалова. – Текст: электронный // Молодой учёный. – 2011. – № 9. – С. 148–151. – URL: <https://moluch.ru/archive/32/3646> (дата обращения: 30.03.2024).
205. Субботина, Н. Д. Естественные и социальные причины полового неравенства / Н. Д. Субботина // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2019. – № 10. – С. 243–255.
206. Субботина, Н. Д. Естественные и социальные причины теорий о половых и гендерных отличиях / Н. Д. Субботина // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2022. – № 13. – С. 152–161.
207. Субботина, Н. Д. Методологические подходы к исследованию социальной эволюции / Н. Д. Субботина. – Текст: электронный // Гуманитарный вектор. Серия «Философия, культурология». – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-sotsialnoy-evolyutsii> (дата обращения: 12.11.2023).
208. Субботина, Н. Д. Понятия «социальное», «асоциальное» и «антисоциальное» / Н. Д. Субботина // Философские науки. – 2016. – № 11. – С. 108–121.
209. Субботина, Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Н. Д. Субботина. – Улан-Удэ, 2002. – 399 с.
210. Субботина, Н. Д. Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов / Н. Д. Субботина // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 5. – С. 87–98.

211. Субботина, Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития / Н. Д. Субботина. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 432 с.
212. Субботина, Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном / Н. Д. Субботина. – Москва: Прометей, 2001. – 190 с.
213. Субботина, Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе / Н. Д. Субботина. – Москва: КомКнига, 2006. – 208 с.
214. Субботина, Н. Д. Эвристические возможности методологических подходов к изучению системы «природа – общество» в доцифровой и цифровой эпохе / Н. Д. Субботина, Е. Ю. Захарова // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 69–82.
215. Татарчук, Т. Ф. Стресс и репродуктивная функция женщины / Т. Ф. Татарчук // Международный эндокринологический журнал. – 2006. – Т. 3, № 5. – С. 2–9.
216. Теплов, В. П. Базовые философские категории системного анализа / В. П. Теплов. – Текст: электронный // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2006. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-filosofskie-kategorii-sistemnogo-analiza-1> (дата обращения: 21.04.2024).
217. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – Москва: Республика, 1994. – 432 с.
218. Уилсон, Э. О. О природе человека / Э. О. Уилсон; пер. с англ. Т. О. Новиковой; вступ. ст. и науч. ред. А. В. Быкова. – Москва: Кучково поле, 2015. – 349 с.
219. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
220. Фактор. Большая советская энциклопедия. – Текст: электронный // GUFO.Me. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0> (дата обращения: 17.07.2024).

221. Фахрудинова, Э. Р. Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления / Э. Р. Фахрудинова, В. В. Суворов // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 1404–1408.
222. Федорова, Н. В. Социально-педагогические факторы отклоняющихся от норм поведения и развития / Н. В. Федорова, Г. В. Борович. – Текст: электронный // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskie-factory-otklonya-yuschih-sya-ot-norm-povedeniya-i-razvitiya> (дата обращения: 09.11.2023).
223. Феномен. – Текст: электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 12.07.2024).
224. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: Концептуальная модель / Г. Г. Филиппова. – Москва: Ин-т молодёжи, 1999. – 286 с.
225. Филлипс, Т. Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Т. Ч. Филлипс; отв. ред. А. И. Антонов. – Москва: Грааль, 2002. – 176 с.
226. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – Москва: Сов. энцикл., 1983. – 839 с.
227. Философский энциклопедический словарь. – Москва: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.
228. Флоренский, П. А. Сочинения: в 4 т. / П. А. Флоренский. – Москва: Мысль, 1996. – Т. 2. – 877 с.
229. Фридан, Б. Загадка женственности: пер. с англ. / Б. Фридан. – Москва: Прогресс: Литера, 1993. – 496 с.
230. Хачатрян, А. С. Проблема женщины и семьи в философии Живой Этики: социально-философский аспект: автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / А. С. Хачатрян. – Москва, 1998. – 24 с.
231. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики (в 2 ч.) / И. Ю. Черепанова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 214 с.

232. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И. Ю. Черепанова. – Москва: КСП+, 1999. – 416 с.
233. Чибисова, М. Ю. Историко-культурная динамика материнства: подходы к изучению в зарубежной психологии / М. Ю. Чибисова // Этнопсихология: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. О. Е. Хухлаева. – Москва: МГГПУ, 2006. – Вып. 1. – 143 с.
234. Число прерываний беременности. ЕМИСС: Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31595> (дата обращения: 17.11.2023). – Текст: электронный.
235. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера: пер. с англ. / Н. Чодороу. – Москва: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. – 496 с.
236. Шакирова, Н. Н. Социальная защита материнства и детства в условиях социально-экономической трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 23.00.03 / Н. Н. Шакирова. – Саратов, 2006. – 23 с.
237. Шамарина, Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е. В. Шамарина. – Барнаул, 2008. – 26 с.
238. Шамарина, Е. В. Материнство как культурная универсалия в практике культурологического образования / Е. В. Шамарина // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – Вып. 1. – С. 257–261.
239. Шамарина, Е. В. Материнство как универсальная ценность человека / Е. В. Шамарина // Человек: философская рефлексия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 1. – С. 188–189.

240. Шарапова, Л. А. Гуманистический подход к феномену материнства / Л. А. Шарапова // *Позиция. Философские проблемы науки и техники.* – 2022. – № 17. – С. 100–106.
241. Шарапова, Л. А. Материнство как социокультурное явление российского общества / Л. А. Шарапова, Г. В. Барина. – Москва: Рос. открытая академия транспорта Рос. ун-та транспорта (МИИТ), 2022. – 160 с.
242. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер; пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. – Москва: Гнозис, 1994. – 413 с.
243. Шелехов, И. Л. Анализ установок на реализацию материнской функции современных девушек юношеского возраста / И. Л. Шелехов, О. Г. Берестнева, Ю. В. Ясюкевич // *Современные проблемы науки и образования.* – 2012. – № 4. – С. 366.
244. Шовдра, Д. И. Государственная поддержка семей с детьми / Д. И. Шовдра. – Текст: электронный // *Вопросы российской юстиции.* – 2022. – № 22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-semeu-s-detmi> (дата обращения: 14.07.2024).
245. Шопенгауэр, А. Метафизика половой любви / А. Шопенгауэр; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015. – 219 с.
246. Шопенгауэр, А. О свободе воли / А. Шопенгауэр; пер. с нем.; сост. и науч. ред. П. П. Апрышко, А. П. Полякова. – Москва: Терра: Книжный клуб Книговек, 2015. – 526 с.
247. Штаерман, Е. М. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи / Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. – Москва: Наука, 1971. – 326 с.
248. Шукуров, Д. Л. Имя отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана / Д. Л. Шукуров. – Текст: электронный // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина.* – 2012. – № 3. –

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-otssa-v-psihoanaliticheskom-diskurse-zhaka-lakana> (дата обращения: 05.04.2023).
249. Эдиева, Э. А. Охрана здоровья матери и ребёнка как приоритетная проблема реформирования территориального здравоохранения: на примере Карачаево-Черкесской Республики: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.33 / Э. А. Эдиева. – Москва, 2003. – 26 с.
250. Яшина, М. Н. Истоки теоретических воззрений Э. Эриксона на роль социальных факторов в развитии личности / М. Н. Яшина. – Текст: электронный // Дискуссия. – 2014. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-teoreticheskikh-vozzreniy-e-eriksona-na-rol-sotsialnyh-faktorov-v-razvitii-lichnosti> (дата обращения: 17.01.2023).
251. A Vindication of the Rights of Woman with Strictures on Political and Moral Subjects: Mary Wollstonecraft. Early modern philosophy. – URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/wollstonecraft1792.pdf> (дата обращения: 26.01.2024). – Текст: электронный.
252. Alizade, M. Motherhood in the Twenty-First Century / M. Alizade. – London: Karnac Books, 2006. – 288 p.
253. Almanza-Sepulveda, M. L. Mothering revisited: A role for cortisol? / M. L. Almanza-Sepulveda, A. S. Fleming, W. Jonas. – Текст: электронный // Hormones and Behavior. – 2020. – Vol. 121. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.yhbeh.2020.104679> (дата обращения: 05.06.2024).
254. Apple, R. D. Perfect motherhood: science and childrearing in America / R. D. Apple (Rima Dombrow). – New Brunswick; N. J.: Rutgers University Press, 2006. – 209 p.
255. Artificial Womb Might Help the Littlest Premature Babies Survive. NBC NEWS. – URL: <https://www.nbcnews.com/health/health-news/artificial-womb-might-help-littlest-premature-babies-survive-n750751> (дата обращения: 11.12.2023). – Текст: электронный.

256. Becker, A. “My abortion made me a good mom”: An analysis of the use of motherhood identity to dispel abortion stigma / A. Becker. – Текст: электронный // *Reproduction, Health, and Medicine Advances in Medical Sociology*. – 2019. – Vol. 20. – P. 219–240. – URL: <https://dx.doi.org/10.1108/S1057-629020190000020018> (дата обращения: 05.06.2024).
257. *Birth and after birth and other plays* (by Tina Howe). – New York: Theatre Communications Group, 2010. – URL: <https://archive.org/details/birthafterbirtho00howe/mode/2up> (дата обращения: 30.03.2024). – Текст: электронный.
258. Black, I. Existential suffering and the extent of the right to physician-assisted suicide in Switzerland: *Gross v Switzerland* [2013] ECHR 67810/10 / I. Black. – Текст: электронный // *Medical Law Review*. – 2014. – Vol. 22. – P. 109–118. – URL: <https://doi.org/10.1093/medlaw/fwt038> (дата обращения: 30.03.2024).
259. Bosquet Enlow, M. Maternal cortisol output in pregnancy and newborn telomere length: Evidence for sex-specific effects / M. Bosquet Enlow, G. Sideridis, V. Bollati [et al.]. – Текст: электронный // *Psychoneuroendocrinology*. – 2019. – Vol. 102. – P. 225–235. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.12.222> (дата обращения: 05.06.2024).
260. Chodorow, N. *The reproduction of mothering: psychoanalysis and the sociology of gender* / N. Chodorow. – Berkeley, 1978. – 263 p.
261. Dawson, J. *Australian Aborigines: Their Languages and Customs of Several Tribes of Aborigines in the Western District of Victoria* / J. Dawson. – Melbourne, 1881. – URL: <https://archive.org/details/australianabori00dawsgoog/page/n11/mode/2up> (дата обращения: 05.03.2023). – Текст: электронный.

262. De Pisapia, N. Sex differences in directional brain responses to infant hunger cries / N. De Pisapia, M. H. Bornstein, P. Rigo [et al.]. – Текст: электронный // *Neuroreport*. – 2013. – Vol. 24. – P. 142–146. – URL: <https://doi.org/10.1097/WNR.0b013e32835df4fa> (дата обращения: 05.06.2024).
263. DeMause, L. The history of childhood / L. DeMause. – New York: Harper & Row, 1975. – 542 p. – URL: <https://archive.org/details/historyofchildho00dema/page/n467/mode/2up> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст: электронный.
264. Embryo inside artificial uterus; Will China’s experiment change the world? TIME.NEWS. – URL: <https://time.news/embryo-inside-artificial-uterus-will-chinas-experiment-change-the-world-china> (дата обращения: 11.12.2023). – Текст: электронный.
265. Farid, H. Hidden Costs of Motherhood in Medicine / H. Farid. – Текст: электронный // *Obstetrics & Gynecology*. – 2019. – Vol. 134. – P. 1339–1341. – URL: <https://doi.org/10.1097/AOG.0000000000003575> (дата обращения: 05.06.2024).
266. Firestone, S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution / S. Firestone. – URL: <https://uberty.org/wp-content/uploads/2015/06/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.
267. Gewirtz, J. L. Potency of a social reinforcer as a function of satiation and recovery / J. L. Gewirtz. – Текст: электронный // *Developmental Psychology*. – 1969. – Vol. 1. – P. 2–13. – URL: <https://doi.org/10.1037/h0026802> (дата обращения: 05.06.2024).
268. Gordon, M. Oxford Dictionary of Sociology / M. Gordon. – Oxford: Oxford University Press, 1998.
269. Harrison, S. The impact of the Covid-19 pandemic on postnatal depression: analysis of three population-based national maternity surveys in England

- (2014–2020) / S. Harrison, M. Quigley, G. Fellmeth [et al.]. – Текст: электронный // *Lancet Reg. Health Eur.* – 2023. – May. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.lanere.2023.100654> (дата обращения: 05.06.2024).
270. Hayman, B. *De novo Families: Lesbian Motherhood* / B. Hayman, J. Wilkes. – Текст: электронный // *Journal of Homosexuality.* – 2017. – Vol. 64. – P. 577–591. – URL: <https://dx.doi.org/10.1080/00918369.2016.1194119> (дата обращения: 05.06.2023).
271. Hertog, E. *Abortion or Unwed Motherhood? How Women Evaluate Alternative Solutions to Premarital Pregnancies in Japan and the United States* / E. Hertog, M. Iwasawa. – Текст: электронный // *Marriage Journal of Family Issues.* – 2011. – Vol. 32. – P. 1674–1699. – URL: <https://dx.doi.org/10.1177/0192513X11409333> (дата обращения: 05.06.2023).
272. Ingahalikar, M. *Sex differences in the structural connectome of the human brain* / M. Ingahalikar, A. Smith, D. Parker [et al.]. – Текст: электронный // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* – 2013. – URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1316909110> (дата обращения: 05.06.2024).
273. Jakobson, R. *Why “Mama” and “Papa”?* / R. Jakobson. – Текст: электронный // *Readings in Modern Linguistics: An Anthology.* – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1972. – P. 313–320. – URL: <https://doi.org/10.1515/9783110820041-021> (дата обращения: 05.06.2024).
274. Kothari, A. *The forgotten father in obstetric medicine* / A. Kothari, K. Thayalan, J. Dulhunty [et al.]. – Текст: электронный // *Obstetric Medicine.* – 2019. – Vol. 12. – P. 56–65. – URL: <https://doi.org/10.1177/1753495X18823479> (дата обращения: 05.06.2024).
275. Lee, E. *Abortion, Motherhood and Mental Health: Medicalizing Reproduction in the United States and Great Britain* / E. Lee. – Текст:

- электронный // Aldine Transaction. – 2004. – URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.328.7446.1022> (дата обращения: 05.06.2024).
276. Lintott, S. *Motherhood – Philosophy for Everyone: The Birth of Wisdom* / S. Lintott; ed. by S. Lintott; foreword by J. Warner. – Chichester; Malden: Blackwell Publishing, 2010. – 226 p.
277. Marcia, A. E. *Authoritative Knowledge and Single Women's Unintentional Pregnancies, Abortions, Adoption, and Single Motherhood: Social Stigma and Structural Violence* / A. E. Marcia. – Текст: электронный // *Medical Anthropology Quarterly*. – 2003. – Vol. 17. – P. 322–347. – URL: <https://doi.org/10.1177/0192513X11409333> (дата обращения: 05.06.2024).
278. McClung, N. L. *In Times Like These* / N. L. McClung. – Текст: электронный // Chapter III What do women think of war? (Not that it matters). A Celebration of Women Writers. In *Times Like These*. – URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/mcclung/times/times.html#XII> (дата обращения: 26.01.2024).
279. Molenaar, N. *Prenatal maternal psychopathology and stress and offspring HPA axis function at 6 years* / N. Molenaar, H. Tiemeier, E. van Rossum [et al.]. – Текст: электронный // *Psychoneuroendocrinology*. – 2019. – Vol. 99. – P. 120–127. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.09.003> (дата обращения: 05.06.2024).
280. Montoya, J. L. *Regional brain responses in nulliparous women to emotional infant stimuli* / J. L. Montoya, N. Landi, H. Kober [et al.]. – Текст: электронный // *PLOS ONE*. – 2012. – Vol. 7. – URL: https://www.researchgate.net/publication/224967625_Regional_Brain_Responses_in_Nulliparous_Women_to_Emotional_Infant_Stimuli (дата обращения: 01.04.2024).
281. *Motherhood*. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/motherhood> (дата обращения: 01.11.2023). – Текст: электронный.

282. Murasko, J. E. Is height related to fertility? An evaluation of women from low and middle-income countries / J. E. Murasko. – Текст: электронный // *American Journal of Human Biology*. – 2022. – Vol. 34. – URL: <https://doi.org/10.1002/ajhb.23807> (дата обращения: 05.06.2024).
283. Nettle, D. Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans / D. Nettle. – Текст: электронный // *Proceedings of the Royal Society B: Biological sciences*. – 2002. – URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2002.2111> (дата обращения: 05.06.2024).
284. Pawlowski, B. Tall men have more reproductive success / B. Pawlowski, R. I. M. Dunbar, A. Lipowicz. – Текст: электронный // *Nature*. – 2000. – URL: <https://www.nature.com/articles/35003107> (дата обращения: 05.06.2024).
285. Regt, R. Hidden Costs of Motherhood in Medicine / R. Regt. – Текст: электронный // *Obstetrics & Gynecology*. – 2020. – Vol. 135. – P. 969. – URL: <http://dx.doi.org/10.1097/AOG.0000000000003779> (дата обращения: 05.06.2024).
286. Rich, A. *Of Woman Born: Motherhood* / A. Rich. – N. Y.: Bantam Doubleday Dell, 1977.
287. Rodger, D. Detached from Humanity: Artificial Wombs and the Christian Dilemma / D. Rodger, B. Blackshaw. – Текст: электронный // *Christian Bioethics*. 2023. – URL: <https://philpapers.org/rec/RODDFH> (дата обращения: 05.06.2024).
288. Ryan-Flood, R. *Lesbian Motherhood: Gender, Families and Sexual Citizenship* / R. Ryan-Flood. – Текст: электронный // *Palgrave Macmillian Studies in Family and Intimate Life*. – New York: Palgrave Macmillian, 2009. – URL: <https://archive.org/details/lesbianmotherhoo0000ryan> (дата обращения: 05.06.2024).
289. Stoye, D. Maternal cortisol is associated with neonatal amygdala microstructure and connectivity in a sexually dimorphic manner / D. Stoye, M.

- Blesa, G. Sullivan [et al.]. – Текст: электронный // eLife, 2020. – URL: <https://doi.org/10.7554/eLife.60729> (дата обращения: 05.06.2024).
290. Sternglanz, S. H. Ethological contribution to the study of human mothering / S. H. Sternglanz, A. Nash. – Текст: электронный // Different faces of motherhood. 1988 / ed. by B. Birns, D. Nay. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4899-2109-3_2 (дата обращения: 05.06.2024).
291. The Oxford thesaurus: an A-Z dictionary of synonyms. – Oxford: Clarendon Press, 1992.
292. Turner, B. The Cambridge Dictionary of Sociology / B. Turner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
293. Yengoyan, A. Biological and Demographic Components in Aboriginal Australian Socio-Economic Organization / A. Yengoyan // Oceania. – 1972. – Vol. 43. – P. 88.
294. Van Teijlingen, E. R. Maternity satisfaction studies and their limitations: “What is, must still be best” / E. R. Van Teijlingen, V. Hundley, A. M. Rennie [et al.]. – Текст: электронный // Birth. – 2003. – Vol. 30. – P. 75–82. – URL: <https://doi.org/10.1046/j.1523-536X.2003.00224.x> (дата обращения: 05.06.2024).
295. Vicedo, M. The Father of Ethology and the Foster Mother of Ducks: Konrad Lorenz as Expert on Motherhood / M. Vicedo. – Текст: электронный // Isis. – 2009. – Vol. 100, no. 2. – URL: <http://dx.doi.org/10.1086/599553> (дата обращения: 05.06.2024).
296. Von Fingerhut, G. Social and physical factors related to depression in the older population of Siberia, Russia: a cross-sectional study / G. Von Fingerhut, K. Mizukami, D. Yam [et al.]. – Текст: электронный // BMC Geriatrics. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12877-021-02225-7> (дата обращения: 05.06.2024).

297. Warner, W. L. Morphology and Functions of the Australian Murngin Type of Kinship / W. L. Warner // *American Anthropologist*. – 1930. – Vol. 32. – P. 207–256.
298. WHO. – Текст: электронный // *Global Database on Iodine Deficiency*. Geneva. – 2004. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43010/9241592001.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
299. Zeiler, K. Lesbian shared biological motherhood: The ethics of IVF with reception of oocytes from partner / K. Zeiler, A. Malmquist. – Текст: электронный // *Medicine, Health Care, and Philosophy*. – 2009. – Vol. 17. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s11019-013-9538-5> (дата обращения: 05.06.2024).